

СМЕНА

№ 19 (1425) октябрь 1986

ISSN 0131-6656

ЗВЕЗДЫ
РОЖДАЮТСЯ
В ПЕРМИ.

*Печь,
зажженная от солнца.*

ЧТО ВОЛНУЕТ
СЕКРЕТАРЯ ОБКОМА ВЛКСМ.

ПЕРМСКОЕ

НА ВИДНОМ МЕСТЕ В УЧИЛИЩЕ
ПОРТРЕТ ЕГО ОСНОВАТЕЛЯ
ЕКАТЕРИНЫ НИКОЛАЕВНЫ ГЕЙДЕНРЕЙХ.

ГРАН ПА

НА СЦЕНЕ УЧЕБНОГО ТЕАТРА.

УТРЕННИЙ ЭКЗЕРСИС.

ЗАНЯТИЕ ВЕДЕТ
ЛЮДМИЛА ПАВЛОВНА САХАРОВА.

БАЛЕТ — ЭТО ТРУД.

В РАСПИСАНИИ —
УРОК ЛИТЕРАТУРЫ.

Саня ДАВЛЕКАМОВА.
Фото Сергея ВЕТРОВА

Пермь. Коммунистическая, 18... Внешне ничем не приметное здание на тихой улице. Но именно здесь расположено хореографическое училище, выпускники которого известны сегодня всей стране.

В Большом театре танцует Надежда Павлова, в театре имени Станиславского и Немировича-Данченко — Светлана Смирнова, в Московском театре балета — Галина Шляпина, Станислав Исаев. Все — ведущие солисты. Это в Москве. А в Ленинграде, в театре имени Кирова, можно увидеть спектакли, где все главные партии танцуют выпускники из Перми. К примеру, в «Баядерке»: Никитя — Ольга Ченчикова, Гамзати — Любовь Кунакова, Солор — Марат Даукаев... Победители конкурсов, артисты с высокими званиями, лауреаты почетных премий — пермские воспитанники составляют цвет нынешнего поколения советского бале-

та. А на тихой улице в Перми в скромном здании начинается свою судьбу новая балетная смена.

...Огромный зал, где одну стену целиком занимает зеркало, а вдоль других тянутся деревянные перила, называемые балетными станками. — так выглядят танцевальные классы. Сюда каждый день приходят будущие Одетты и Жизели, принцессы Зигфриды и Спартаки, здесь постигают сложную науку классического танца. Этот предмет — главный в училище.

— Мальчики, внимательней! Мы об этом уже говорили: ноги — сильные! А ручка — мягкая...

— Висишь на палке! На ногах стой... — Живот убери! Плечи — ровные...

Нина Петровна Костырева ведет урок классики у малышей. Как трудно им помнить сразу обо всем, как сложно одновременно скоординировать руки, ноги, корпус, голову... Нина Петровна строга, требуя от малышей, как со взрослых, и терпелива, настойчиво повторяя одно и то же десятки, сотни раз.

В каждом классе на протяжении восьми лет обучения свои задачи, но общий девиз: через боль, усталость, неудачи — к желанной власти над собственным телом, к чарующей сво-

боду танца. Тогда только возможна его поэтическая выразительность, так глубоко трогающая сердца зрителей, способная рассказать о жизни человеческой души. Но как добиться, чтобы эта выразительность восторжествовала над школьно-старательной техникой? Над этим работают все педагоги, но особенно, конечно, старших классов.

— Все тело должно танцевать! Надо стараться, чтобы стараний твоих не было видно!

Владимир Николаевич Толстухин ведет урок увлеченно, темпераментно и нередко, увлекшись, вместе с учениками сам начинает прыгать в полную силу, будто вспоминая совсем недавнее время, когда он, окончив это же училище, танцевал в Горьковском театре.

— Пермь, как магнит, притягивает, — говорит Толстухин. — Когда уходил со сцены, уже была договоренность, что остаюсь репетитором в Горьковском театре. Но встретил Людмилу Павловну Сахарову, и вот я здесь... Людмила Павловна — пятнадцатый год художественный руководитель училища. Работать очень интересно, потому что мы все и пропадем в школе с утра до ночи.

А на уроке характерного танца у Ксении Андреевны Есауловой, заслу-

женной учительницы школы РСФСР, передо мной прошла целая панорама танцев народов мира. Испанский, узбекский, гопак, тарантелла, молдавский — тончайшие особенности их стиля раскрывает своим ученикам Ксения Андреевна, старейший педагог, одна из лучших знатоков характерного танца. Она приехала в Пермь из Ленинграда почти четыре десятилетия назад, и все, кто работает в театре, в школе, — ее ученики.

Танец классический, дуэтный, характерный, исторический — танцевальных дисциплин в школьной программе немало. А еще — актерское мастерство, которое преподают артисты Пермского театра оперы и балета, и целый курс других театральных

наук: история театра, балета, музыки, изобразительного искусства.

Каждый год в июне съезжаются в Пермь со всех концов страны попытать счастья свыше тысячи детей. А прием в училище — 50 человек. Конкурсные просмотры сложны, здесь учитываются и телосложение, и пропорции фигуры, и пластические возможности. И, конечно, отменное здоровье.

Сейчас во всех классах училища около 300 человек, более 200 живут в интернате. Он стал вторым домом для ребят 15 национальностей из 70 городов Союза.

Училище, создавшееся как областное, давно обрело значение всесоюзного и даже международного.

В расписании уроков с удивлением замечаешь строку: «Монгольская литература». Предмет этот предназначен для ребят, приехавших из Монголии. Их целый класс — 16 человек, классическому танцу их обучает Мария Александровна Мальцева. На уроке своей заботливостью она напоминает мать большого семейства. Одной поправит бант в косичках, другому подтянет носочки. Поинтересуется: померила ли температуру девочка, что вчера показалась ей бледной. Как сегодня позавтракала, как вчера провели вечер... Шестой год она с ними, и к каждому подобран свой «ключик».

— Спина болит? Потому что не воспитываешь ее у станка. Спинай надо работать! Неправильная работа — это болезнь!

— Держись, мое золотце! Молодец, мальчиш, умница!

— Мальчики, не хватает полупальцев. Стопу надо растягивать. Тренируйте в любую минуту. Сидишь за партой, а сам работой стопой...

Рано утром, как во всех школах, начинаются здесь занятия, но учебный день длится гораздо дольше — до 5—6 часов вечера. Ведь, по сути, хореографическое училище совмещает в себе три школы. Балетную, музыкальную (в объеме семилетки дети обучаются игре на фортепиано) и общеобразовательную: здесь так же, как всюду, учат литературу и алгебру, биологию и историю...

Заканчиваются уроки, начинаются репетиции. Их ребята любят больше всего. Утром они учатся танцевальным «фразам», а вечером из них слагается танец и чувствуют они себя не учениками — артистами.

— Подожди, голубчик. Ты вышла, увидела девочку в окне и не знаешь, что она «кукла». Вот и пригласи ее потанцевать. Это движение веселое и легкое. Не надо из этого целое дело устраивать.

— Конец должен быть неожиданным! А ты ногу вытянула, встанешь — завтра здесь встать — и будут аплодисменты, а самой в это время отдыхать. И отдыхать надо уметь.

Нинель Даниловна Сильванович репетирует с Таней Ропай партию Копелии.

Н. СИЛЬВАНОВИЧ, заслуженная учительница школы РСФСР. «Копелия» — наш «фирменный» училищный спектакль. Идет 26-й сезон, пользуется успехом. Все ученики проходят через него. Сначала танцуют в кордебалете, потом — маленькие прялочки, подружки, кукла, вариации, и, наконец, наиболее способные приходят к ведущей партии.

Т. РОПАЙ, выпускница. Когда ждешь спектакля, настроение всегда приподнятое и учишься лучше. Но приходит время идти на сцену — и я всегда этого боюсь. Страшно переживаю, даже злость на себя, когда что-то не получается так, как хотелось бы... Страх у меня проходит, только когда мама приезжает из Свердловска посмотреть меня. В Свердловске я занималась в балетной студии. И долго не решалась посту-

пать в Пермское училище, а когда приняли — прыгала от счастья.

...Репетиции проводятся в танцевальных залах, но самая большая радость для учеников — когда они танцуют на сцене учебного театра. Он открылся торжественно два года назад, на открытии танцевали Надежда Павлова, Любовь Кунакова. Прекрасный театр — с большой, как в настоящем театре, сценой, со зрительным залом на 300 мест, — он соединен крытой галереей со зданием училища. Здесь теперь проходят раз в полугодие «внутренние» отчетные концерты, здесь проходят публичные выступления учащихся для зрителей Перми.

Выезжают юные артисты и в другие города Союза, и за рубеж. Традицией училища стали отчеты в Москве в дни зимних каникул.

...Звучит бесконечно знакомая, но вечно волнующая музыка «Лебединого озера», и, отзвываясь на трепетное пение виолончели и скрипки, сама столь же трепетная, появляется на сцене в кругу подруг-лебедей Одетта. Нежный взмах руками-крыльями, мягкий перебор стройных ног, и она начинает свой мечтательно-элегичный танец... Захваченные его красотой, зрители отвечают аплодисментами. Зрители одного из крупнейших концертных залов Москвы — зала «Россия». А трогательная юная Одетта — всего лишь ученица Пермского училища, новая воспитанница Сахаровой. Зовут ее Таня Гурьянова. Москвичи познакомились с ней в 1984 году на Всесоюзном конкурсе, где Таня, тогда ученица шестого класса, стала лауреатом.

В концерте она выступала вместе со своими товарищами из училища. Здесь были малыши и старшеклассники — Наташа Ситникова, Таня Ропай, Анджела Кондрашова, Павел Голман, Витя Дик... Выступления на большой сцене помогают ребятам быстрее взрослеть, уже в школьные годы готовят к жизни артиста.

В прошлом году в Перми проходила неделя искусств Ленинграда. Не случайно. Города эти связаны узлами кровными. На ту неделю искусств приехали известные балерины — Ирина Колпакова, Любовь Кунакова. Также не случайно. Кунакова, как уже говорилось, воспитанница Пермского училища. Колпакова — Ленинградского, но поступала она в него в Перми. Было это в годы Великой Отечественной войны.

Тогда в Пермь были эвакуированы и Ленинградский театр оперы и балета имени Кирова, и Ленинградская балетная школа. Здесь, на пермской сцене, танцевали прославленные артисты — Галина Уланова, Татьяна Вечеслова, Наталия Дудинская, Константин Сергеев... Здесь Арам Хачатурян заканчивал партию своего балета «Гаянэ», и здесь состоялась его премьера.

Здесь учился Юрий Григорович, ныне всемирно известный хореограф, главный балетмейстер Большого театра. В ту пору он, ученик пятого класса, добыв где-то лодку, пытался бежать на фронт, но его вернули к балетному станку.

Во время войны ленинградские педагоги, отобрав одаренных детей, и создали в рамках своего училища отделение, которое затем обрело права студии. В 1945-м студия превратилась в хореографическое училище...

По сложившейся традиции 1 сентября первоклассников ведут в музей. Материалы его знакомят не только с историей, но и с жизнью нынешних выпускников. Кто, где, кем работает. Какие партии танцует, какие балеты ставит. На каждого заведена особая карточка, для каждого своя папка, куда складываются вырезки из газет, журналов. Собраны здесь и фотографии, афиши, программы...

А на стене вдоль лестничного пролета, что ведет к самому музею, своеобразная галерея. Фотографии, запечатлевшие «начало начал» училища: первых педагогов, их учеников... Портрет

первого директора — Н. А. Багиной. А начинается эта галерея портретом женщины в розовом — то ли старинном платье, то ли сценическом костюме, подчеркнувшем женственный покат плеч, стройную удлинненность шеи. Темные волосы гладко убраны, в стиле, принятом в романтических балетах, и весь облик из времен Марии Тальони, Карлотты Гризи — умиротворенный и загадочный одновременно. Это — Екатерина Николаевна Гейденрейх, ленинградская балерина и педагог, основательница училища, его художественный руководитель до 1958 года.

Мимо портрета основательницы, нетнет да и проставив быстрый шаг, на дню по многу раз проходят дети — то в учебной театр, то в музей, то в зал, что расположен напротив. В зале этом ведет уроки Людмила Павловна Сахарова. Тридцать лет назад привела ее сюда сама Гейденрейх, заметив в танцовщице незаурядный педагогический дар. Как удивительно переплетаются судьбы. Сахарова окончила московскую школу, но учила ее там ленинградская в прошлом балерина Мария Алексеевна Кожухова. Танцевала Сахарова в Пермском театре, а в педагогику направила ее ленинградка.

В этом же зале ведет сейчас занятия и другой замечательный педагог — Нинель Даниловна Сильванович. Она «чистая» ленинградка. Там родилась, училась. Там, в Ленинградской консерватории, получила и педагогическое образование, занималась у самой Агриппины Яковлевны Вагановой, создавшей новую методику преподавания классического танца, которой ныне пользуется почти весь мир. В Пермском училище Нинель Даниловна тридцать три года.

Сегодня в училище преподают уже и те, кто сам его когда-то окончил. Немало среди них выпускников Гейденрейх, к примеру, Елена Владимировна Быстрицкая, Мария Александровна Мальцева. В младших классах у Сильванович, в старших у Гейденрейх училась Лидия Григорьевна Уланова. А Сахарова была ее репетитором в Пермском театре. У Сахаровой начинала учебу Нина Петровна Костырева (это был первый сахаровский класс), а у Сильванович заканчивала школу...

Так рождается преемственность, так складывается своеобразие школы, значение которой в жизни балетного искусства велико и разнообразно.

Л. УЛАНОВА, заслуженная учительница школы РСФСР. Чем сильно наше училище? Тем, что мы действительно — единый коллектив. В широком смысле слова мы все — воспитанники одной школы. Большинство из нас в Перми учились, танцевали, теперь преподаем. Мы воспитаны в одном духе. Единно понимаем жизнь, искусство, педагогику, хотя, конечно, мы все — разные. Мы можем спорить, и, бывает, спорим горячо. Но потому, что в главном мы едины, споры идут только на пользу, помогают развивать накопленное.

...Они действительно все разные, педагоги пермской школы. Каждый — индивидуальность. И это делает коллектив очень ярким.

Людмила Павловна — вся порыв, энергия, стремительность. По коридору не идет — летит и урок начинается с лету, на ходу бросит мне: «Садитесь на мой стул, так будет удобнее. Я все равно не сажусь». И не садится за весь урок ни на секунду. «Сидя я больше устаю, — признается она. — Не привыкла сидеть».

Весь экзерсис у станка Сахарова может простоять около одной ученицы буквально на коленях у ее ног, проверяя, что называется, каждую жилочку — так ли работает? Иногда задерживая девочку надолго в той или иной позе, закрепляя правильное, давая почувствовать и осознать работу мышц. На других в такие минуты она только зорко взглядывает: «Меня не ждите, продолжайте».

Но вот выходит девочка на середину

зала для новых упражнений, и кажется, что видишь Людмилу Павловну одновременно во всех концах огромного пространства. Так мгновенно видит она малейшую неточность исполнения, так молниеносно бросается к каждой ученице поправить ее.

...Улыбчивая Нинель Даниловна Сильванович не спеша входит в класс, как бы исподволь готовя к трудности урока. «Посмотрите, какая красивая у нас пианистка», — говорит она мне, стремясь создать хорошее настроение у всех. Здесь тоже безошибочный, быстрый глаз, а строгость кроется за шуткой, мягкой иронией. «Все уже видели, что у тебя большой прыжок», — говорит Нинель Даниловна ученице. — А теперь начнем работать серьезно».

Л. САХАРОВА, народная артистка РСФСР, заслуженная учительница школы РСФСР. Педагогу нужны многие качества. И жесткость, и мягкость, и терпение, и настойчивость, и выносливость... Но любовь к детям, желание их выучить, слабых и сильных — прежде всего. И творческое отношение к делу тоже прежде всего. Дети каждого набора разные, и каждый день они разные. Надо чувствовать именно сегодняшний день и применительно к тому строить урок, добываясь нужного результата сегодня, но думая о будущем. В этом — творчество педагога.

Вот Людмила Павловна и определила то главное, что объединяет коллектив, ею руководимый.

Проявления же творчества здесь самые многообразные. Оно и в том, что вдруг неожиданно Сахарова начинает разучивать адажио из «Жизели» с ученицей отнюдь не самой сильной. И в том, что Есаулова подготовила книгу по методике характерного танца. И в том, что Сильванович восстановила для своей ученицы вариацию из старинного забытого балета «Времена года». А Мальцева, Толстухин сочиняют новые номера для концерта...

Этот творческий дух воспринимается учениками и остается в них на всю жизнь, как и память о школе. Недаром повзрослевшие выпускники так часто приезжают навестить Пермь, выступить в концертах, спектаклях, а иногда и вновь позаниматься у своих школьных учителей. Живая связь времен и поколений сохраняется здесь без усилий. Портреты балетных «звезд» висят в интернате и школе не просто как дорожные реликвии.

Н. ПАВЛОВА, народная артистка СССР. Самая главная общая черта педагогов пермской школы, по-моему, фанатизм. Фанатичная преданность своей работе, фанатичная любовь к детям. Только сейчас, став взрослой, я начинаю по-настоящему это понимать. Они проводили с нами целые сутки, особенно когда готовилась какая-то роль. А у них ведь свои семьи, свои дети. У Людмилы Павловны, например, двое. Но она была всецело с нами, помогала абсолютно во всем, не только в учебе. Казалось, кроме нас, никто ее не интересует. Беспокоилась о любой мелочи в жизни своих учениц. И сейчас мы многим делимся, советуемся с ней. О школах нередко говорят «мой родной дом». Но иногда это лишь привычное, штампованное выражение. Пермское же училище в самом прямом смысле слова наш родной дом.

...Звонит школьный звонок. И начинается новый день. У первоклассников первый урок — классический танец. Символическая традиция. Отныне каждый день у них будет начинаться так. И так будет всю жизнь, каких бы высот в искусстве они ни достигли. Каждое утро — экзерсис у балетного станка до последнего дня, пока не покинут сцену. Но ребятам, о которых я упоминала, до этого еще очень далеко. Сейчас они, окончив училище, только начинают свою жизнь в театре.

Перемены в работе комсомольских организаций, отмечалось на XIII Пленуме ЦК ВЛКСМ, еще незначительны, они коснулись в большей мере внешней стороны, а не содержания, осуществляются темпами, которые никого не устраивают.

Сергей РОГОЖКИН,
первый секретарь
Горьковского
обкома ВЛКСМ

И...
К XX съезду ВЛКСМ.
Анализ
назревших
проблем

Перестройка затрагивает всех и каждого. Но от кого в первую очередь зависит, какой будет комсомольской жизни? Не открою особых секретов — от кадров и актива. Сколько лет говорим об активности активистов, а воз и ныне там. С этой проблемой сталкиваешься буквально на каждом шагу. Вот лишь один случай.

Недавно в Пильнинском районе вместе с первым секретарем райкома комсомола Николаем Егоровым пришли на головное предприятие объединения местной промышленности. Фабрика, выпускающая немудреную, но необходимую всем продукцию — мужские сорочки, женские халаты, чулки, носки. Директор воем нахваливал комсомольцев: они и борются с браком, и внедряют бригадный подряд, и отдыхают интересно. Казалось бы, по всем статьям крепкая, боевая организация.

Но вот встречаемся с комсомольцами (в основном тут девушки), и картина резко меняется. Оказывается, до благополучия, которое расписывал директор, еще далеко. Да, горячо взялись комсомольцы за бригадный хозрасчет, но быстро и остыли: невыгоден, говорят, он нам. Действительно, в стимулировании есть неувязки — работники перестали получать премию за перевыполнение плана, за качество. А наладчики, от которых, как известно, многое зависит, не включены в бригаду, у них твердый оклад.

— Ставили эти вопросы перед администрацией? — спрашиваю секретаря комсомольской организации.

— Нет. — Опускает глаза.

Чем больше вникал в дела объединения, тем больше нерешенных, давно волнующих молодых работников проблем открывалось. Да и девушки-активистки говорили о них прямо, без утайки — наболело! А вот секретарь, молодой инженер, начальник ОТК, отмалчивался. Может, по характеру молчун? Нет, причина, убедился, в другом. Ему, специалисту, способному досконально разобраться в ситуации, не хватает смелости пойти к руководству и, как говорится, поставить вопрос ребром. А чего боять-

ся? Ведь за ним мнение, сила комсомольского коллектива.

Честное слово, меня подобная «скромность» вожака беспокоит. Ведь сразу видно: человек не на своем месте. Разве можно с этим мириться?

Но нет, мы очень робко и нерешительно меняем актив. Совместима ли такая осторожность с перестройкой? Думаю, это должно стать четким и неукоснительным правилом: не хочешь работать, не справляешься с обязанностями — получи отставку.

А как часто бывает? Все видят, что человек попал на комсомольскую работу случайно, бездельничает, разваливает дело, но чего-то ждут, тянут. Некем заменить? Нет, просто лень как следует оглядеться, заметить у других задатки организатора, заранее подготовить резерв, к тому же не хочется признавать свою кадровую ошибку. Но кому от этого польза?

«Я считаюсь активисткой, — написала нам одна девятиклассница. — Но как я радовалась, когда удалось вырваться из школьного комитета. Тяжело быть формальным лидером. А главное — бесполезно. По-старому работать нельзя, а по-новому боязно».

Вот откуда начинается и смелость, и робость вожака!

Мы, комсомольские руководители, часто предъявляем претензии к активу, обвиняем его в инертности, безынициативности, неисполнительности. Но сами-то всегда ли являемся примером?

Ведь как еще бывает. Требуя от активистов работы на совесть, нередко сами о совести забываем. Больше упираем на дисциплину. А если у человека не лежит душа к организаторским хлопотам? Если у него нет для этого ни опыта, ни способностей. Зачем же заставлять его работать из-под палки? Иной руками и ногами отмахивается от комсомольской должности, а мы ему свое: «Поможем! Поддержим!»

Еще хуже, когда такой «лидер» приспособится, притрется, начнет выкачивать выгоду из своей должности. Каких только ошибок не натворит такой делец! Вот почему, подчеркну эту мысль еще раз, надо решительно, без промедления, не дожидаясь отчетно-выборной кампании, искоренять любые проявления формализма. Избавляться от бездельников и карьеристов. Строго наказывать тех, кто только занимает место, наводит тень на плетень. Причем каж-

дый такой случай должен стать достоянием широкой гласности.

Если говорить о себе, то, разумеется, и раньше обком комсомола снимал с работы того или иного проштрафившегося вожака. Но кому были известны эти факты? Членам бюро, реже — участникам пленума. Теперь подключаем молодежную прессу, радио, телевидение. К примеру, история, случившаяся с бывшим секретарем Починковского райкома Хоршевым, который пытался создать видимость дела — занимался приписками, давал «липовую» отчетность, а главное — втянул в эту позорную игру и других работников. Этот факт получил принципиальную оценку на пленуме обкома ВЛКСМ.

Кстати, на том пленуме мне и самому досталось — об этом писала «Комсомольская правда». Критика была своевременная. В аппаратной текучке порой сам не замечаешь, как превращаешься в этакое бюрократа. Когда на задний план отодвигаются простые, повседневные нужды молодежи, а ведь ради нее ты и работаешь.

Откровенно признаюсь: как на свежий воздух, выхожу в первичную организацию. Да, не все там просто и гладко, но ведь именно это и есть жизнь. Хотя, что греха таить, бывает, приезжаешь в организацию только на собрание. И рад бы поговорить с ребятами не с трибуны, а где-нибудь в «курилке», но уже посматриваешь на часы: не опоздать бы на очередное совещание.

А как хочется помочь молодым, и не только словом. Вот в той же Пильне зашла у нас с девушками речь о досуге. И тут у них неувязки: скука да и собраться молодым негде.

Договорились с директором — в фабричной столовой откроется молодежное кафе. Через несколько дней интересуюсь: как дела? Увы, кафе нет и в помине. Слово и не было клятвенных заверений, словно и не присутствовал при том секретарь райкома комсомола, а ведь это и его кровная забота. Разве так перестраиваются? Правда, сейчас уже есть сдвиги: будет у комсомольцев свое кафе.

Сегодня для нас досуг — проблема номер один. Что нужно молодым? Есть у них и свободное время, и энтузиазм, а вот базы подходящей недостает. Но если взглянуть на вещи по-хозяйски...

Обратились к нам в обком родители. Просили помочь устроить в пустующем двухэтажном доме клуб для детей и подростков. Сами готовы сделать все, что нужно, — и комнаты оборудовать, и кружки организовать. Казалось бы, какие могут быть возражения? Однако нашлись. Дом ведомственный, и у завода, которому он принадлежит, на него свои, правда, весьма неопределенные виды. Пока завод «думает», ребяташки могли бы заняться чем-то полезным. Полагал, один-два телефонных звонка,

и все будет улажено. Но не тут-то было. Больше месяца понадобилось, чтобы решить этот, по сути, простой вопрос.

И все-таки прошибать ведомственность, преодолевать разобщенность нам, комсомольским секретарям. Нельзя мириться, когда те же ведомственные клубы, дворцы культуры пустуют, а юноши и девушки неприкаянно слоняются по улицам.

Да, афиши приглашают молодых. Но мало кого привлекают примитивные, заорганизованные «вечера отдыха», скучные лекции и беседы. В то же время, судя по опросу, который провела областная комсомольская газета «Ленинская смена», наша молодежь готова все заботы по организации своего досуга взять в свои руки. Без нянек, мол, обойдемся!

Без нянек — да. А вот без помощи и понимания профсоюзных учреждений культуры трудновато. К сожалению, не всегда находится общий язык. Сколько энтузиастов отпугнули сухость, казенщина, а то и грубый запрет.

Так было и в Доме культуры имени Серго Орджоникидзе, когда молодые инженеры Горьковского авиазавода открыли там свой музыкальный клуб. Сейчас это многопрофильное хозрасчетное молодежное объединение известно и за пределами области. О его студиях, вечерах джаза, собирающих любителей музыки со всего города, можно рассказать много интересного. Но речь о другом — бывший директор ДК видел в затее молодежи лишь обузу и как мог ставил палки в колеса. Не вмешайся комитет комсомола авиазавода, не знаю, устояли бы в этом столкновении с косностью организаторы клуба.

Впрочем, устояли бы. Ведь мощная комсомольская поддержка была им обеспечена с самого начала. Не раз приезжали туда работники отдела пропаганды обкома ВЛКСМ. Решили: чем ждать или плодить директивы, лучше во всем разобраться на месте. И разобрались! Так будем действовать и дальше.

Сейчас во многих республиках и областях страны создается Фонд молодежной инициативы. Очень нужное дело! Ни одно начинание, ни одна конструктивная идея молодых не должны остаться без внимания. Ну, а кто первым оценивает инициативу? Конечно же, комсорг. Более того, у нас немало примеров, когда имя комсомольского вожака стало синонимом молодежного почина. Спросите, скажем, кто был сторонником и самым активным пропагандистом бригадного подряда в областной больнице имени Семашко? Сергей Глебов, секретарь комитета ВЛКСМ, врач-терапевт. В городе Чкаловске, на родине легендарного летчика, любимым местом отдыха молодежи стал дискотек «Фестивальный». Кто был его организатором и первым диск-жокеем? Евгений Сорокин, секретарь Чкаловского райкома комсомола.

Для каждого вожака закон: зовешь — веди, действуй не только призывом, но и личным примером. Такова славная комсомольская традиция. И продолжай ее нам, комсомольцам и комсоргам восьмидесятих.

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.
№ 19 (1425) ОКТЯБРЬ 1986

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
фотоэтиюд
Льва
ШЕРСТЕННИКОВА.

- 1** Сания ДАВЛЕКАМОВА. «ПЕРМСКОЕ ГРАН ПА».
- 3** К XX СЪЕЗДУ ВЛКСМ. АНАЛИЗ НАЗРЕВШИХ ПРОБЛЕМ.
Сергей РОГОЖКИН.
«И ЛИЧНЫМ ПРИМЕРОМ».
- 4** ДИСЦИПЛИНА ТРУДА.
Леонид СМИРНОВ. «МИЛОЧКА И ОСТАЛЬНЫЕ».
- 6** Леонид ПЛЕШАКОВ. «ФОНТАН».
- 9** Рассказ Анатолия МИХАЙЛЕНКО «РО-ДИ-ОНИ!».
- 12** Евгений СТЕЦКО. «БЕСПОКОЙНОЕ ХОЗЯЙСТВО».
- 14** АДРЕС ИНТЕРЕСНОГО ОПЫТА.
Петр НОВИКОВ. «КВАРТИРА НА ЛЮБОЙ ВКУС».
- 16** НАУКА — ТЕХНИКА — ПРОГРЕСС.
Виктор САКК. «СОЛНЕЧНАЯ ПЕЧЬ».
- 18** Лев ОЗЕРОВ. «КАК «ПРОБИТЬСЯ» В ПОЭТЫ».
- 20** МОЛОДЕЖНАЯ МОДА.
Ирина СЕМЕНОВА. «АНСАМБЛЬ ОСЕНИ».
- 21** СКОРОСТЬ.
Владимир АНИСИМОВ.
«ПО ЗЕМЛЕ, ПО РЕКАМ, ПО БОЛОТАМ».
- 22** ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».
- 24** Валентин ТОЛСТЫХ.
«В ЗЕРКАЛЕ ТВОРЧЕСТВА».
- 29** Повесть Бориса ВАСИЛЬЕВА
«РОЗЫСК ПРОДОЛЖАТЬ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: В. И. ВИНУКОВ, Б. Л. ДАНИУШЕВСКИЙ (ответственный секретарь), В. И. ДЕСЯТЕРИК, М. Г. КИЗИЛОВ (заместитель главного редактора), А. П. КУЛЕШОВ, И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

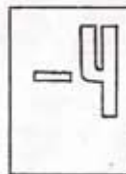
Художник Е. М. Ульянова. Технический редактор А. В. Гусева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1986 г.

МИЛОЧКА

Дисциплина труда

Леонид
СМИРНОВ

то это за чудо такое?
— Как ее зовут?
— Сколько ей лет? — наперебой
расспрашивали меня парни в спецовках,
видевшие, как на заводском дворе я
только что разговаривал с Милочкой.

Я уже привык, что ею интересуются.
Даже незнакомые нам ребята из других
цехов ходят в столовую далеко не кратчайшей
дорогой, чтобы пройти мимо нашего цеха — вдруг
повстречают Милочку.

На нее обращали внимание все. Она шла по
заводскому двору с гордым и независимым видом, а я,
глядя ей вслед, охотно отвечал ребятам, что это за
чудо, как ее зовут и сколько ей лет. Зовут
ее — Людм... нет, никак не могу выговорить «Людми-
ла», все равно что ребенка назвать полным именем
или пушистую игривую киску не Муськой, а Марией.
Так уж и назову, как все называют, — Милочка.
Работает она секретаршей начальника нашего цеха.
Если официально (что тоже очень сложно, когда речь
идет о Милочке), секретарем-машинисткой. На воп-
рос о возрасте я отвечаю обычно: четырнадцать лет.
Зрительно это вполне правдоподобно: маленькая,
хрупкая, с нежной кожей. На самом деле ей скоро
двадцать.

Милочка не обращает внимания ни на кого. Особен-
но, если это парни нашего завода. Если уж мне и
выпадает честь перекинуться с ней парой слов, то
лишь по той причине, что работаем мы с ней в одном
цехе, и мне, как «итээру», доступ в кабинет начальни-
ка, а значит, и в приемную, где сидит Милочка, открыт
постоянно.

А сейчас, отвечая на расспросы парней, я шел на
свой участок. Наиболее назойливый проводил меня
до самой конторки, и лишь когда я ответил: «Есть у
нее муж, есть. Только еще пионерский галстук носит»,
— улыбнулся, отстал. Поднявшись в конторку, я
увидел, как Сан Саныч, начальник участка, сидит за
печатной машинкой, долго ищет нужную букву, тычет
в нее указательным пальцем, ищет следующую...

— Саныч! Обедать-то пойдешь?

— Не до того сейчас, — бубнит в ответ начальник
участка. — Отдел охраны труда за глотку берет. Если
завтра не сдадим на подпись инструкции по технике
безопасности, премии нам с тобой не видать.

— Но без обеда тоже нельзя, — помогаю ему найти
нужную букву, — сходи, а пока я попечатаю.

— Ты не умеешь.

— Будто ты умеешь.

Сан Саныч пошел, в нерешительности оглядываясь,
а я уже нажимаю нужную букву.

К его возвращению заканчиваю печатать первый
лист, но с таким обилием помарок, что невольно
задумываешься: может ли в цехе быть на высоте
техника безопасности, если инструкции по ней в
таком состоянии?

Состояние Сан Саныча, когда он вошел, было еще
плачевнее. Расстроенный, выронил только два слова:

— Брак идет.

Этих двух слов достаточно, чтобы бросить все — ин-
струкцию, печатную машинку, премию, телефонную
трубку, что угодно — и бежать на участок, искать,
почему пошел брак, устранять, ругаться, требовать и
не возвращаться без победы. Но Сан Саныч остано-
вил меня:

— А инструкции?

Во взгляде было что-то умоляющее. «Все-все для
тебя сделаю, — говорили его глаза, — только...»

— Только попроси Милочку, чтобы она сама отпе-
чатала.

— Давай-ка лучше я брак устраню.

— Нет. Поговори с Милочкой ты. Ты с ней хоть
как-то контактишь.

— А ты все-таки — начальник участка.

— А ты — мастер.

Наконец, сообща приняли мудрое и единственно
возможное в нашей ситуации решение: идти вместе к

А И ОСТАЛЬНЫЕ

Реброву, начальнику цеха, просить, чтобы он поручил Милочке отпечатать эти злосчастные инструкции.

Ребров поручил. Мы благополучно устроили на участке брак и к концу дня поднялись к Милочке. — Ой да отвяжитесь вы от меня, — скорчила она гримасу, не отводя глаз от ногтей, которые шлифовала пилочкой.

Мы послушно вернулись в свою конторку.

— Год назад она была не такой, — протянул я безнадежно.

— Ничего, утром Тамару попросим, может, она отпечатает, — успокоил Сан Саныч и засобирался домой.

Мы помним Милочку год назад. В моде были брючки по колено. Она и пришла в таких. В кофточке симпатичной с короткими рукавами. Подумали, чья-то дочка. Реброва, наверное. Но, оказалось, нет: окончила училище, пришла работать по распределению и родственницей никому в цехе не является.

Приходила к восьми на работу, отвечала на телефонные звонки, записывала в тетрадь поручения, в альбом — номера приказов, печатала на машинке. Делала Милочка все, что и положено секретарю-машинистке. Но лишь первый месяц. Все чаще она вынуждала кого-нибудь набраться терпения, поджидать, заставляла умолять себя отпечатать какую-либо справку, все чаще отвечала: «мне некогда», «зайдите потом», а потом и — «отстаньте от меня». После чего уходила к своей подруге Тамаре попить кофе и покалякать.

Рабочие, отрывая глаза от своих серых станков с серыми деталями в зажимах, провожали Милочку взглядом, когда через цех она шла на работу. Радовало глаз ее веселенькое платьице, осенью — изящный плащик, зимой — модное пальтишко. Сначала ее появление в цехе радовало глаз в восемь утра, потом в девять, потом и в десять. Последние полгода она приходит на работу лишь в половине одиннадцатого.

Ребров делал ей замечания, она складывала губки, опускала огромные ресницы и голосом, будто сейчас заплачет, отвечала:

— Мне далеко ездить.

Ребров больше не приставал со своими замечаниями.

Так же, в одиннадцатом, мелькали в цехе ее модное платьице, брючки, плащик или пальтишко. Одевается Милочка действительно очень хорошо. Еще бы: ведь мама ее — известный дамский мастер. Клиенты на дому. Они приходят с дарами за модную укладку, за каждый эффектный локон. А если надо, готовы подождать, занять очередь.

И Милочка привыкла чувствовать себя представителем элиты. Только не несут в нашем цехе дары за каждую напечатанную букву.

— А что я буду ломаться за сто рублей? — четко обозначила однажды свою позицию Милочка. — Тамара тоже ничего не делает. А получает сто двадцать.

— Ну как я ее выгоню? — развел руками Ребров. — Где я найду человека на ее место? На сто-сто рублей?

Развел руками и каждое утро с восьми до Милочкиного появления сидит в кабинете, не отходя от телефона. За секретаршу. Иногда, если надо ему на утреннюю планерку к генеральному, сажает Ребров за телефон или же за печатную машинку Тамару.

У Милочки сравнения только в одном плане: «Ребров получает вдвое больше меня, Сан Саныч — вдвое. Какая несправедливость! Вот будут платить мне, как Реброву, ну, хотя бы как Сан Санычу, и я начну приходить на работу вовремя».

Как-то не идет у нее в счет, что за плечами и у Реброва, и у Сан Саныча бессонные ночи над конспектами, сессии, защита диплома, двадцать лет на заводе, должностной рост по ступенькам, на каждой из которых оставлено по миллиону нервных клеток, да и кресло руководителя не лучшее средство беречь здоровье.

И все-таки. Кто же виноват в преображении Милочки? Не мы ли сами? С кем-то Ребров и строг, и принципиален, и требователен. Благодаря этим его качествам цех действительно на хорошем счету. Но одно дело вызывать в кабинет Сан Саныча, драть с него три шкуры за любой мелкий просчет. Перед Санычем Ребров и кулаком по столу, и чуть ли не в крик. А вот перед Милочкой... Нет, не стучит кулаком по столу. Нет, не повысит Реброву голос — хлопнет Милочка дверью, а где он найдет лучше на сто рублей?

Милочке нет и двадцати. И не поздно еще задуматься, что за человека и работника мы растим? Старого рабочего два дня прогоняла за справкой, которая оказалась не нужна. Молодому отцу семейства два месяца забывает оформить к оплате больничный лист, и тот предпочел дорогу в ломбард дороге к Милочке. А мы вот с Сан Санычем в четыре руки (точнее, в четыре пальца) печатаем инструкции.

Мы растим из нее сварливую, капризную дамочку из приемной. И уже преуспели в этом. Она маленький человек, как любят говорить о себе люди, занимающие невысокую должность. Но в том-то и дело, что Милочка — маленький человек навыворотку. Она становится грозной и значительной для тех, кто хоть в чем-то от нее зависит. И для них она предстает очень большим человеком.

...Утром я попросил отпечатать инструкции Тамару. Хотя и очень неудобно просить человека делать чужое дело.

— Вот Ребров прикажет, тогда... — отрезала Тамара.

И опять мы с Сан Санычем у Реброва.

— Тамара, зайдите ко мне, — нажимает он кнопку селектора.

И тут раздражается гроза.

— Я не обязана! Не буду! Почему я должна работать за того, кто в это время спит?

Мы молчали, когда сыпались в лицо Реброву эти, увы, справедливые упреки. Ведь молчали мы уже полгода. Хотя каждый из нас имел моральное право напомнить Реброву, что, имея в штате машинистку, мы фактически ее не имеем. И уж, конечно, самому Реброву пора было ставить этот вопрос ребром.

Но поставила его Тамара.

Да, от ее, Тамариной, работы толку немного. Все знают, что она подшивает бумажки, раскладывает по папкам чертежи и деловые письма. А уж кофе заваривать — мастерица. Ей только ничего серьезного нельзя поручить. Когда-то, лет восемь назад, еще учась на четвертом курсе, Тамара проходила практику на другом заводе. Была она не такая маленькая, как Милочка, но тоже симпатичная. Но когда она представила руководителю практики совершенно беспомощный, безграмотный чертеж, сколько ни дула губки, ни округляла глазки, он заставил ее чертеж этот переделать.

Но второй вариант получился не лучше. А цех требовал. Чертеж был нужен. Руководитель практики сел рядом с Тамарой, объяснил ей все тонкости, на первый раз сделал чертеж сам и подписал ее фамилией. Она сочла это нормальным.

Следующий чертеж Тамара принесла выполненным блестяще.

— Извините, Тамара, — спросил руководитель практики. — Вы... вы сами чертили?

— Сама!

— Вы краснеете, значит, еще не все потеряно.

Но потеряно было уже многое. Третье задание тоже сделали чьи-то опытные руки. Руководитель догадывался, что «помогал» Тамаре молодой инженер, их нередко видели вместе.

— Да брось ты, старик, — похлопал тот по плечу руководителя практики. — Хорошенькая девчонка... Кофе варить умеет...

Начальник цеха подписал Тамаре прекрасную характеристику. И тогда руководитель практики вошел в его кабинет возмущенный:

— Я категорически возражаю!

— Что тут возражать? Чертежи ее — отличные!

— Отличные, да не ее!

— Да бросьте вы, — сказал начальник, ставя на характеристику печать. — Хорошая девчонка, зачем ей жизнь портить?

— Но...

— Не усложняйте...

Руководитель практики вышел из кабинета, как побитый. Он, всего в жизни добивавшийся сам, разгрузивший за студенческие годы не один десяток вагонов по ночам, верил в собственные руки, в собственную голову. И в другом уважал только то, что достигнуто самим. Он понимал, что отличная оценка, которую получит Тамара за практику, — это обман других студентов, работавших на практике честно. А для самой Тамары — это...

Но что же делать? Бросить об этом думать? Или же унизиться до того, что послать декану факультета письмо, рассказать о фальшивой практике? И он решил на второе. Декан вызвал Тамару, она промокала платочком свои прекрасные глаза, жаловалась декану и говорила, что она многому там научилась.

— Да вы успокойтесь, успокойтесь, — смягчился декан, подавая ей стакан воды, и согласился верить характеристике, данной начальником цеха.

Но обман — вещь объективная. Он существует сам по себе вне зависимости от того, пытаются его скрыть или нет. Тамара получила диплом инженера и вот уже седьмой год сидит в конторе нашего цеха, подшивая бумажки, перекладывая с места на место папки с документами, садясь за печатную машинку в приемной, когда Милочка еще спит или уже едет на работу.

Не оттого ли именно она первая поставила вопрос о Милочке, что узнала в ней себя, и сейчас, спустя годы, поняла: тот руководитель практики был по отношению к ней добрым, а тот, кто подписал фальшивую характеристику, — равнодушным?

Она честно отсиживала свое с восьми до пяти. Но постоянно, хоть и скрывала это, чувствовала себя ущемленно рядом с теми, чья работа измерялась не отсиженными часами, а делом. У нее настоящего дела так и не появилось. Уязвленная своей незаметной ролью, она будто мстила тем, кто не приучил ее всего добиваться трудом. И сегодня она не могла молчать.

— Сколько можно быть добреньким! — бросала она в лицо Реброву.

— Пусть мальчишки ходят перед Милочкой на цыпочках, — подхватил Сан Саныч. — А мы все же за дисциплину отвечаем!

Ребров нахмурился, взял лист бумаги. Вывел на нем: «Акт». И далее: «Мы, нижеподписавшиеся... в том, что... опоздала на работу на два часа тридцать минут!»

Из приемной послышался скрежет отодвигаемого стула, потом отзвуки телефона: вероятно, пришла Милочка и названивала Тамаре — пусть поставит кофейник.

— Немедленно зайдите ко мне, Милоч... Людмила! — рявкнул Ребров в селектор.

И она вошла. На ней был веселенький в полосочку свитерок, в волосах яркий пластмассовый бантик. Глаза изумленно раскрыты — ну, в пол-лица глаза.

— Почему вы до сих пор не отпечатали инструкции? — спросил Ребров намного мягче, чем рявкал по селектору.

— Что они? Жалуются? — кивнула Милочка сердито на нас. — А у меня работы полно. Пусть сами ради своей премии инструкции печатают.

Милочка достала крохотный платочек. По щеке потекла черная дорожка туши. Нас не покидало ощущение, будто мы бьем ребенка... Противное ощущение.

— Идите, Милочка, — кивнул Ребров и, только она вышла, в ключья порвал составленный акт.

Больше Милочка не приходит на работу к половине одиннадцатого вместо восьми утра. Она приходит в одиннадцать.

Это случилось в ночь с 23 на 24 июня 1985 года на скважине №37 Балыкшанского управления разведочного бурения объединения «Эмбанефть».

В ту злополучную ночь проходку на 37-й вела вахта мастера Зинура Сатайбаева. К этому дню инструмент достиг продуктивного горизонта и скорость проходки резко возросла. Пласт начал бурно поглощать буровой раствор. Ознакомившись на месте с положением дел, главный инженер Балыкшанского управления разведочного бурения Эдуард Федорович Черкасов распорядился поднять инструмент из забоя до глубины 3500 метров, посчитав, как он объяснил позже, что это стабилизирует раствор в скважине и позволит более точно определить нужную его плотность. Так была нарушена главная рекомендация регламента, предусмотренная именно для подобного случая: работы прекратить, провести необходимые исследования и быть готовым ко всякого рода неожиданностям. Черкасов уехал на промбазу. А бригада начала подъем колонны.

Где-то в полпервого ночи при подъеме пятнадцатой «свечи» скважина начала «переливать», причем поток раствора интенсивно увеличивался. Буровики, как положено в таких ситуациях, взяли аварийную трубу с шаровым краном, направили на инструмент, опустили до ротора и попытались перекрыть струю, которая уже была на высоту 15—20 метров. Видимо, в спешке было сделано что-то не так, кран, который перед тем легко открывался и закрывался, теперь почему-то не поддавался. А недра изрыгали раствор все с большей силой.

Об осложнениях на 37-й почти сразу же было передано по радию в ЦИТС — центральную инженерно-техническую службу управления. Об истинных размерах беды в тот момент никто еще не имел точного представления. Даже бригада, которая по-прежнему пыталась задвинуть бивший все с возрастающей интенсивностью фонтан. Манометр, меривший давление в затрубном пространстве, показывал триста атмосфер. Давление же в самой трубе определить не удавалось. Вырвавшаяся из нее струя с ревом взлетала уже на пятидесятиметровую высоту. Но теперь это были не вода и не раствор, а смесь нефти и газа с сильным сероводородным запахом. Вырвавшись на волю, она превращалась в белесый туманоподобный шлейф, который вопреки здешней «розе ветров» потянуло на юго-восток в сторону Сарыкамыса. И это сразу же сделало ситуацию критической. Все работавшие на этом месторождении буровики были, как положено, обеспечены противогазами. Поселок же, мирно спавший всего в двадцати восьми километрах от взбунтовавшейся скважины, оказался беззащитным перед двинувшейся на него ядовитой пеленой...

Найдите на севере Мангышлакской области почти рядом с Каспийским морем небольшой поселок Сарыкамыс. Так вот, буровая №37 находится всего в 28 километрах к северо-западу от него, правда, уже в соседней, Гурьевской, области.

Открытое здесь месторождение Тенгиз пока что известно в основном специалистам, однако, по их мнению, в самое ближайшее время оно должно обрести солидный вес в экономике страны. Здесь места для проживания людей не больно уютны. Плоская равнина, где и глазу-то не за что зацепиться. Пески. Солончаки. Летом даже в тени столбик термометра взлетает за пятидесятиградусную отметку. Сушь, солончатая пыль изнурают. Зимой — морозец с ветерком, который несет соленую пыль вперемешку со снежной крупой. Столкнувшись со здешней спецификой, самая крупная водная артерия этих мест, река Эмба, пала духом, иссякла, так и недотянув до Каспийского моря, к которому она стремилась семьсот километров.

То, что нрав новичка крут и капризен, стало понятно еще в самом начале работ в этом районе. Произведенные при бурении первых здешних скважин анализы «флюидов» — содержащихся в природных пластах воды, нефти и смеси различных газов — показали высокую концентрацию сероводорода. В его агрессивной среде работать могло только оборудование, изготовленное из специальных сталей. По данным сейсмической разведки, вероятные продуктивные горизонты лежали на больших глубинах, где в пластах можно ожидать аномальное давление, поэтому бурильное оборудование должно было обладать еще и высоким запасом прочности. В то время на Тенгизе такого не было, и проходку пришлось временно прекратить.

СПРАВКА. Через испытание концентрированным сероводородом прошли многие нефте- и газодобывающие страны. Раньше всех с этой напастью столкнулась Франция, когда в послевоенные годы в предгорьях Пиренеев начала освоение газового месторождения Лак. Шестнадцать процентов сероводорода, содержащегося в смеси метана и углекис-

лого газа, разъедали любую сталь. Генерал Шарль де Голль, отлично понимая, какое значение сможет иметь Лак в энергетическом и сырьевом балансе страны, призвал французов решить эту сложную проблему, подчеркнув, что речь идет, помимо прочего, еще и о национальном престиже. В конце концов ученые и специалисты нашли методы борьбы с агрессивной высококонцентрированной сероводородной средой. Можно ли было в таком случае использовать чужой, уже накопленный опыт? Безусловно, но только до определенной степени.

Буровики подчеркивают: нет месторождений, в точности повторяющих друг друга, даже скважины, работающие на одной площадке, и те каждая со своим нравом. Тенгиз своим букетом экстремальных параметров превзошел все, что было открыто ранее. Прежде всего — высочайшим пластовым давлением.

При проходке скважины по бурильной колонне к долоту все время подается буровой раствор. Он охлаждает долото и, возвращаясь на поверхность уже в затрубном пространстве, выносит наверх разрушенную породу. Одновременно раствор выплывает еще одну важную, может быть, даже главную, функцию: своим весом гигантский столб жидкости гасит пластовое давление, предотвращая тем самым возможные аварийные выбросы.

При работе на месторождениях с аномальным давлением в бурильных растворах добавляют различные «утяжелители», повышающие удельный вес используемой жидкости. Пластовое давление на Тенгизе превышало 850 атмосфер, что заставило применять раствор с высоким коэффициентом плотности.

Как ни парадоксально, но именно этот, единственно возможный в данных условиях способ держать в узде экстремальный нрав пласта таил в

Этот очерк — о героизме. А еще — о безответственности.

Мы часто говорим о том, насколько могучими сделала людей изобретенная ими техника. И упускаем из виду, что эта же техника придала чрезвычайно разрушительную силу и их ошибкам. Халатность или неумение даже одного человека могут привести к таким труднопредсказуемым последствиям, ликвидация которых потребует героических усилий сотен специалистов и колоссальных материальных затрат.

себе и наибольшую опасность. В «зонах несовместимости» известняки имеют повышенную пористость. Тяжелый буровой раствор легко оттесняет тут нефть и газ на периферию, занимая их место в околозобной зоне пространства. Пласт начинает дикородно поглощать его. Давление недр как бы отступает. Но одновременно с этим начинает снижаться уровень жидкости — а вместе с нею и давление — внутри колонны. Такое развитие событий может привести к выбросу. Специалисты сумели разгадать сложный характер месторождения и предложили такой порядок освоения Тенгиза, который сводил до минимума возможные неожиданности. Регламент предусмотрел все... кроме, как принято сейчас говорить, человеческого фактора.

...Лаборатория охраны окружающей среды быстро оценила обстановку и подняла поселок по тревоге. Отрезанный от ближайшего жилья многими десятками километров выжженного степного бездорожья, Сарыкамыс мог надеяться только на свои силы. А их-то как раз не хватало. Эвакуировать все население сразу не хватало ни машин, ни горючего. Решили увозить в несколько приемов, и недалеко — на ближайший пригорок, который несколько возвышался над плоской равниной и был, как казалось, недоступен стелившемуся над землей тяжелому сероводороду.

Первыми эвакуировали больницу и родильное отделение. Дальше детей, женщин, стариков. Последними покинули опасную зону мужчины. Те, кто имел личное хозяйство, торопливо уводили от гибели овец и верблюдов.

Однако к полудню зловонная невидимая пелена достигла спасительного пригорка, стала подниматься к его вершине. Людям пришлось перекочевывать дальше на восток, к железнодорожному поселку Опорный.

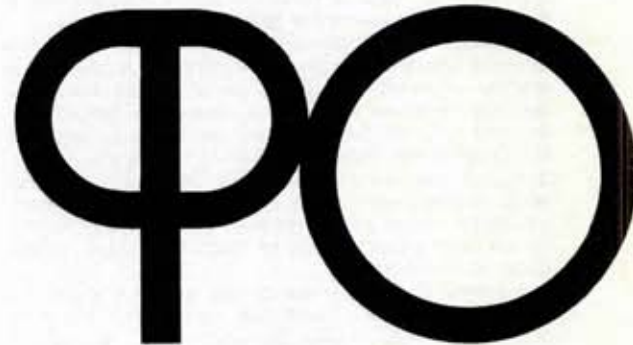
СПРАВКА. Когда подобный выброс случился на одной из буровых на севере Канады, угроза отравления сероводородом заставила там эвакуировать население в округе 110 километров. Правда, на севере Канады плотность населения еще меньше, чем в прикаспийских степях, и провести подобную спасательную операцию там было, разумеется, проще. Однако есть общая закономерность: всюду, где нефть и газ соседствуют с сероводородом, вести их разведку и добычу всегда трудно и опасно и любая

ошибка оборачивается тяжелыми последствиями.

Известие о случившемся на Тенгизе быстро пошло «наверх». В Москве, в Министерстве нефтяной промышленности СССР, знали о ЧП уже в три часа ночи. О нем тут же было доложено министру Василию Александровичу Динкову, другим руководителям. Для знакомства с ситуацией на месте ближайшим рейсом в Гурьев вылетели первый заместитель министра Валерий Иванович Игrevский, заместитель начальника управления по бурению Миннефтепрома Юрий Сергеевич Ропяной и начальник управления, курирующего предупреждения и ликвидацию фонтанов, Виктор Иосифович Хоботко. Они еще находились в воздухе, когда министр издал приказ о создании комиссии по расследованию причин выброса. Все трое назначались ее членами, Игrevский — председателем. Вертолет доставил москвичей из гурьевского аэропорта на буровую в семь часов вечера того же дня.

К этому времени сюда успело прибыть уже много народу. Раньше всех приехали специалисты Тенгизской группы Волгоградского военизированного отряда по предупреждению и ликвидации открытых нефтяных и газовых фонтанов, руководители Балыкшанского управления разведочного бурения и объединения «Эмбанефть». Приехали тампонажники, пожарники, транспортники. Уже был создан штаб по ликвидации фонтана. Однако для ликвидации аварии сделано было слишком мало. По нерасторопности штаба не был организован подвоз цемента и бурильного раствора, необходимых для последующей закачки в колонну, не были подтянуты резервные силы, которые могли ускорить все необходимые для ликвидации выброса работы.

В этой ситуации комиссия министерства взяла руководство в свои руки. Став фактически новым

штабом, она попыталась наверстать упущенное. Однако потерянное время вернуть не удалось.

В первые минуты и часы аварии вахта, работавшая на 37-й, еще пыталась ликвидировать выброс своими силами. Но эти попытки не увенчались успехом. Буровую пришлось обесточить: из-за большой загазованности мог произойти взрыв. Без электроэнергии вахта тут делать было нечего, и она в соответствии с правилами покинула буровую.

Теперь вся надежда была на фонтанщиков. К сборке на устье скважины им нужно было подвести дополнительные линии трубопроводов, в определенный момент подать по ним в ствол мощный поток раствора и попытаться задвинуть фонтан.

Все работы фонтанщиков были расписаны теперь по часам и минутам. Предполагалось, что к середине следующего дня, 25 июня, дополнительная линия трубопроводов будет смонтирована и ее опробуют в деле. Все шло, как намечено. Оставалось соединить и стянуть последние стыки. Как подсчитали после, на это требовалось всего шесть — восемь минут...

— Где-то около трех часов дня, — вспоминает Ю. С. Ропяной, — я отправился на буровую. Показалось, что фонтанчики как-то долго возятся, могли бы и побыстрее. Шагах в десяти от скважины я поднял голову посмотреть, куда дует ветер, и вдруг увидел у самой вершины вышка, там, где кронблок, — огненный шарик. Сорвавшись с высоты, он быстро помчался вдоль струи вниз — и сразу все как польхнет! Я развернулся и назад, смотрю: рядом бегут фонтанчики, все шестеро. Они тоже успели выскочить из опасной зоны. Тут же пламя махнуло вдоль шлейфа по степи, метров, наверное, на шестьсот. В мгновение буровая превратилась в огненный ад. Стальная вышка продержалась в нем минут шесть-семь. Потом, зардевшись малиновым цветом, стала мягко оседать на колени.

Часа через два-три, когда выгорели все разливы нефти, соларки и битума, пламя изменило свою конфигурацию. При падении вышка буровой разбилась обвязку превентора, и теперь из покореженных труб сборки в разных направлениях били, как из огнемата, несколько устойчивых разъяренных струй. Их свирепый жар обжигал лицо метров за 200—250. Теперь даже специалистам стало ясно, что произошла авария, и чрезвычайно сложная.

Утром двадцать пятого июня еще до пожара из Грозного прилетел Михаил Лукьянович Некрасов, начальник военизированной части по предупреждению и ликвидации открытых нефтяных и газовых фонтанов Северо-Кавказского промышленного района Миннефтепрома СССР. Когда 37-я загорелась, Некрасов вызвал подкрепление из Баку, Краснодар, Ставрополя.

Авария на Тенгизе перестала быть делом одних нефтяников. К решению сложной задачи подключились специалисты Министерства геологии СССР и Министерства газовой промышленности, Главного управления пожарной охраны МВД СССР, других ведомств страны, различные отраслевые исследовательские и проектные институты. На совещаниях, которые прошли на месторождении и в Москве, рассматривались и отвергались различные варианты укрощения фонтана, каждый из которых имел свои сильные и слабые стороны. Единственное, на чем все сошлись сразу: нужно начать проходку наклонной скважины к аварийному стволу. Если ни один из обычных «наземных» вариантов не даст результата, придется производить на большой глубине мощный подземный взрыв: вызванное им смещение пород прочно затрамбует ход нефти и газа на поверхность.

До того, как отдать предпочтение какому-то из наземных вариантов, было решено освободить устье от нагромождения металла. Лучшее всего, посчитали, с этим справятся танкисты.

Со старшим лейтенантом Василием Чурзиным я встретился поздней осенью, но подробности не-

устремлялся в скважину, задавливая собою нефть и газ.

При всей своей кажущейся простоте этот вариант оказывался чрезвычайно сложным в исполнении.

Чтобы задавить скважину, надо было иметь в этот момент под руками многие сотни кубометров раствора. Значит, поблизости от буровой нужно было смонтировать установки, подготавливающие его и соответствующие емкости для хранения. Нужно было выполнить еще массу разных подготовительных работ.

План был принят, и теперь более пятисот человек, многие десятки автомашин, тракторов, бульдозеров, экскаваторов надрылись в раскаленной степи, внося свою лепту в общее дело. Но самый тяжелый и опасный труд Кальна оставил все-таки себе и своим ребятам. Им предстояло работать у самого устья, рядом с огнем.

ФОНТАНЩИКИ

Они не любят, когда их называют пожарниками, и в разговоре обязательно подчеркнут, что их дело — не пожары гасить, а предупреждать и ликвидировать нефтяные и газовые фонтаны, независимо от того, горят они или нет. Так что они фонтанщики, а не пожарники. Поначалу такое уточнение воспринимается с улыбкой, как некий профессиональный форс. Но позже убеждаешься: действительно, эти специальности отличаются друг от друга так же, как фонтан от пожара.

О Кальне и его команде я много слышал еще в Москве и, прилетев на 37-ю, первым делом захотел посмотреть их в деле, а потому сразу от вертолета отправился к ним, на «голубятню», где, как мне

воды, долго расслабленно молчат, и пот ручьями струится по их лицам. Наконец, немного прийдя в себя, они роняют несколько фраз следующей группе, которая уже облачилась в сверкающие доспехи. И эта группа уходит тем же размеренным шагом, вздымая ногами облачка серо-рыжей пудры, в которую перегорела земля.

Так они и работают: пять минут у скважины, сорок — пятьдесят отдыха. И дело, на которое в обычных условиях ушли бы часы, тут затягивается на многие дни, ибо «чистое» время работы приходится собирать из коротких пятиминутных, прослуженных вынужденным долгим отдыхом.

Леон Михайлович Кальна «царит» на втором этаже «голубятни». В стеганом ватнике, такой же ушанке, добротных яловых сапогах на толстой подошве, он сидит на высоком табурете перед узкой прорезью в алюминиевой стене и неотрывно смотрит на бушующее пламя в двенадцатикратный бинокль. Меня предупредили: здесь Кальну нельзя отвлекать вопросами, а лучше всего вообще не подниматься на второй этаж.

Я соглашаюсь с этим условием, так как вижу: такой порядок одинаков для всех, даже членов штаба. Хочется самому получше рассмотреть то, что видит он. И я занимаю место в углу перед такой же амбразурой и врываюсь точно таким же, как и у него, биноклем в огненное жерло скважины.

Десятидюймовая труба поднимается над землей метра на два. А из ее среза, как из форсунок, бьет белое пламя. Оно тут же расширяется метров до полутора и взлетает постепенно толстеющим фонтаном метров на 180—190. С высотой огонь меняет цвет от белого до оранжевого, малинового, а в высоте на его ревуший столб надвинута высокая каракулевая шапка из иссиня-черной сажи и дыма.

Огонь оживает только на высоте, у самого же среза трубы он, словно застывшее белое пятно, в котором едва-едва различима непонятная пульсация. Именно под этим пятном, полусогнувшись, с чем-то возится очередная группа в серебристых костюмах.

Когда люди возвращаются из огня, Леон Михайлович спускается вниз, что-то спрашивает у них, дает какой-то совет и вновь поднимается на свою табуретку, чтобы опять неотрывно впериться в раскаленное пятно. Что он там умудряется рассмотреть? То, что ему приходится руководить работами с помощью бинокля, — досадный каприз случая. За три недели до моего приезда Кальна почувствовал боль в правом боку. Держался несколько дней. А когда терпеть стало невмочь, вертолет доставил его в Гурьев, и прямо из аэропорта он попал на операционный стол: аппендицит.

Он вернулся на «голубятню» через десять дней. И хотя шов еще толком не затянулся и из него торчала дренажная трубочка, Леон Михайлович, стянув живот полотенцем, оделся в защитный костюм и в сопровождении наиболее опытных ребят отправился к скважине посмотреть, что там изменилось без него. Работать со всеми, как всегда, он не мог. Но время от времени все-таки ходил под огонь. И хотя в этом был определенный риск, он шел на него вовсе не ради поддержания своего непререкаемого авторитета, а потому, что так было необходимо. У скважины были тонкости, которые невозможно рассмотреть в самый мощный бинокль.

Я прожил рядом с бригадой Кальны пять дней. И теперь сам могу объяснить, чем отличается пожар от фонтана, а пожарный от фонтанщика.

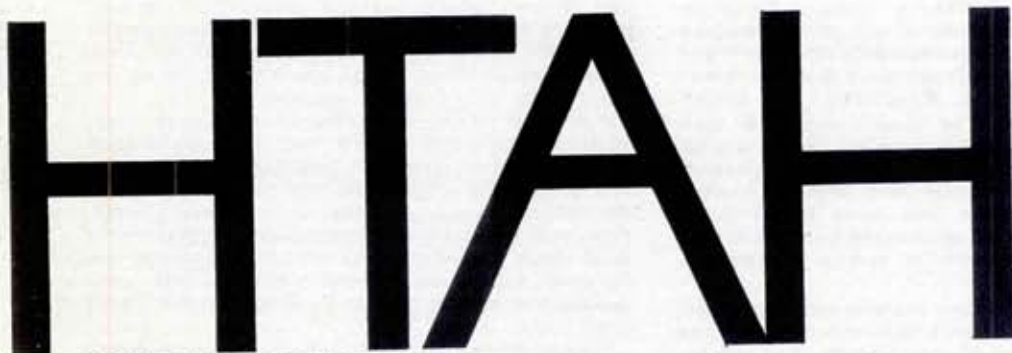
При обычном пожаре самое главное — как можно быстрее локализовать очаг возгорания, вывести за пределы опасной зоны все, что может гореть. Лишенный «подпитки» огонь легче гасить.

Фонтан «питает» себя сам. Вернее, ему подбрасывают горячее земные недра, где топлива заготовлено столько, что иным природным факелам хватит его на годы и десятилетия. Разумеется, если такое разбазаривание добра допустят люди. Человеку тут ничего не надо локализовывать. От него требуется только одно — давить. Не силой — мать-природа в этих случаях покуда сильнее — давить умом, выдержкой, последовательностью своих действий. Тут ни в чем нельзя спешить и без нужды рисковать, так как за торопливость порой приходится платить слишком высокую цену.

ШТУРМ

Под «штурмом» обычно подразумевается решительная атака, стремительное преодоление каких-то невероятных трудностей, когда победа вырывается напряжением всех сил на каком-то коротком временном отрезке. Тут, на Тенгизе, людям тоже пришлось выкладывать все силы, однако не коротке, а на дистанции длиною в несколько месяцев.

Уезжая отсюда в июле после выполнения задания, старший лейтенант Василий Чурзин не думал, что всего через полтора месяца ему суждено будет

Леонид ПЛЕШАКОВ

обычного задания, которое ему довелось выполнять летом, он помнил так, будто это было вчера. Вот его рассказ.

— ..Провожал нас сам командир соединения. Погрузили на платформу танк и боезапасы, подцепили теплушку для экипажа, и помчал дизель-тепловоз наш крошечный состав по «зеленой улице», обгоняя скорые поезда. От станции Кульсары до буровой 140 километров ехали верхом на трейлере. Утром второго июля были здесь.

Нам объяснили: нужно снарядами обрубить отводы труб на превенторной сборке. Костер к тому времени, как говорили, уменьшился. Но все равно был шириной метров сорок. Трубы, которые нам предстояло отсечь, имели в диаметре всего пять дюймов, и в ревушем пламени их совершенно не было видно.

На позицию выходили только троим. Капитан Боголепов — за механика-водителя, я — наводчик, сержант Шевцов — заряжающий. На улице — за сорок градусов. От нашей позиции до огня всего метров 30—35. В танке — печко. Заливаешься потом. Нечем дышать. И все-таки стреляем. Бью вслепую. Прошли пространство слева от сборки, потом справа, израсходовав на это два боекомплекта. Реальных результатов я, честно говоря, не заметил, а нефтяники говорят — хорошо. Теперь, говорят, вся нефть сторагет сверху, не растекается по земле, и костер обрубился метров до двадцати.

...Где-то в середине июля на Тенгиз приехали заместитель министра геологии СССР Роман Авакович Сумбатов и начальник военизированной части по предупреждению возникновения и ликвидации открытых нефтяных и газовых фонтанов Миннегоса СССР Леон Михайлович Кальна. Предложили свой план.

Идея Кальны на первый взгляд была необыкновенно простой. У устья скважины нужно было смонтировать гидронатаскиватель, с помощью которого предполагалось посадить на изрыгающую нефть и газ трубу новую превенторную сборку. После этого к отводам превентора нужно только подсоединить магистрали, идущие от нагнетательных агрегатов, и подать по ним под большим давлением буровой раствор. Когда нагнетательные агрегаты выйдут на максимальные параметры работы, превентор перекрывал ход вверх и раствор

сообщили в штабе, происходили самые главные события.

«Голубятня» — несуразного вида плоский двухэтажный сарайчик, металлический каркас которого со всех сторон обшит алюминием. Широкой своей стеной он смотрит на фонтан, неистово ревуший и извергающий пламя всего в двухстах метрах отсюда. На первом этаже «голубятни» по стенам, на лавках — вороха одежды, в углу — ящики с минеральной водой. Тут фонтанщики отдыхают между своими выходами к огню. К фонтану они уходят группами в пять-шесть человек. Перед тем старательно, неторопливо одеваются, вернее сказать, облачаются. Плотное хлопчатобумажное белье, хлопчатобумажные костюмы, куртка и брюки из толстого солдатского шинельного сукна. На ноги — валенки, на голову — шлем. На пояс — кислородный прибор с гофрированным шлангом и загубником. Поверх всего — сверкающий серебристый теплоотражательный костюм, такой же башлык с оконцем из жаропрочного стекла, просторные сверкающие рукавицы. Для страховки башлык, рукавицы, куртку и брюки прикручивают друг к другу проволокой. Иначе сорвет в подсаживающем восходящем вихре, что свирепствует у огня.

К фонтану они шагают медленно, с какой-то особой степенностью. И только вблизи самой скважины вдруг срываются на несколько шагов бега. Минут через пять все повторяется в обратной последовательности. Со стороны кажется, что у них что-то сорвалось, не получилось, уж больно быстро они возвращаются. Оказывается, нет — все в порядке. Просто под факелом больше не проработалось. Земля у самой скважины нагревается до 160 градусов и выше, воздух — за сто, порой доходит до 180 градусов. Метрах в двадцати от устья своеобразный тепловой барьер, где земля раскалена уже до 450, а воздух за 200 градусов. Вот эту «мертвую зону» и приходится преодолевать бегом, потому что такую температуру долго не выдерживает даже теплоотражающая ткань. На «голубятню» фонтанщики возвращаются в дымном ореоле. Только что сверкавшая серебром одежда сейчас в рыжих подпалинах, кое-где зияет прогорелыми дырами. Они сбрасывают ее на пол, и я вижу: их сукожные куртки насквозь промокли от пота. Они обессиленно садятся на лавки, залпом выпивают по две-три бутылки

вновь оказаться здесь. Вторичная командировка ломала его личные планы. На восьмое сентября, День танкиста, у него была назначена свадьба, а тут неожиданный приказ: выехать к месту 30 августа.

От прежнего экипажа остались только Чурзин да «пятьдесятчетверка». В части машину подремонтировали, и она снова была готова к выполнению очередной задачи: предстояло срубить сферический превентор, чтобы фонтан окончательно сформировался и огонь бил только вверх.

На этот раз они выбрали позицию метрах в 70 от скважины. На линию огня выходили втроем: майор Ващенко, возглавлявший команду, старший лейтенант Чурзин и Леон Михайлович Кальна.

Три дня они долбили стальными «болванками» по превентору, и восьмого сентября, в День танкиста—бывают же такие совпадения,—все-таки «срубили» его. Пламя рвануло вверх огненным почти двухсотметровым столбом. И только тут обнаружилось, что вся надустьевая сборка тоже повреждена. И когда через несколько дней была отсечена и она, из земных недр медленно выглянул верхний край буровой трубы. Давление пласта было столь мощным, что, упершись в долото, как в поршень, оно погнало вверх по скважине многокилометровую стальную «свечу».

Выброс буровых труб продолжался часа полтора, и когда последний их кусок вместе с долотом взлетел в пламя, а потом рухнул вниз, все облегченно вздохнули: одной опасностью стало меньше.

Испытания, выпавшие на долю людей, не выдерживала даже земля. В бушевавшем вокруг устья нефтяном костре почва расплавилась, превратилась в темную стеклоподобную массу, напоминающую видом и свойствами обсидиан, затвердевшую вулканическую лаву. Спаянная с обломками труб и стальных конструкций в один искрящийся монолит, она не поддавалась ни бульдозерным ножам, ни клямкам «камацу», ни зубьям ковшового экскаватора. Пришлось брать ее мощными зарядами взрывчатки.

Так несколько недель кряду люди подставляли огонь себя и технику, каждый час, каждую минуту рискуя жизнью не в переносном, а в самом прямом смысле слова, и наградой за весь их невероятный рискованный труд была внешне небольшая, но очень важная победа: площадка вокруг устья в конце концов была расчищена от завалов, и труба, из которой в небо грохотал столб пламени, теперь поднималась над землей на целых два метра. Теперь к ней можно было не только подойти, но и начать монтаж фланца, на который позже должен был опереться гидронатаскиватель. И начались для фонтаников собранные из пятиминутных заходов к огню часы кропотливой работы.

Каждое утро я уходил вместе с ними на «голубятню». До сих пор перед глазами стоят переутромянные лица людей, только что вернувшихся из-под огня. Представляют ли родные, какова работа у их отцов, сыновей, мужей? Как-то вечером спросил о том Кальну.

— Дома мы стараемся не говорить о нашей работе, а если все-таки разговор заходит, обычно переводим его в другое русло — чего зря волновать. Слава богу, что до конца не представляют, чем мы тут заняты. Тут чуть поторопился, чуть ослабил внимание... Да вы сами знаете, что может случиться.

Я знал. Всего два дня назад они проводили в последний путь Володю Бондаренко. Всеобщего любимца. Стокилограммового богатыря, вымахавшего ростом под два метра. Это произошло 29 октября. На вечер ребята запланировали отметить день рождения Ленинского комсомола. А утром и днем им предстояло начать на трубе сборку опорного фланца. Две его разъемные части весом в четыреста килограммов были вручную подтащены к устью, сдвинуты, оставалось подогнать их друг к другу и шпильками свинтить в одно целое.

Они вышли к скважине всемером: Виталий Маркарчук, Владимир Кухарь, Александр Новостройный, Петр Тютюнник, Александр Елгаев, Владимир Лукьянов, Владимир Бондаренко. Обо всех деталях договорились еще на «голубятне». В те несколько минут, что могли выдержать у скважины, они успели поточнее подогнать друг к другу части фланца. Что произошло в следующее мгновение, когда они решили возвращаться, никто из них не заметил и не понял. Не увидели этого и наблюдавшие за работой в бинокли. Владимир Кухарь, работавший в тот момент бок о бок с Бондаренко, так рассказал мне:

— Под факелом мы смотрим только вниз под ноги, на то, что делают руки. Поднять голову нельзя — жжет лицо даже через жаропрочное оконце маски, да и по сторонам смотреть-то некогда: быстрее бы сделать дело и уйти из-под огня, а то костюмы начинают дымиться. Вот и тогда подважили мы ломиками фланец, чтобы поточнее совпали отверстия двух его частей. Володя махнул рукой:

нужно, мол, выходить. И мы сразу пошли напрямую к «голубятне», он почему-то решил обойти трубу справа. Это всего два лишних шага. Но ни я, ни кто-либо другой этих его шагов не видел. Мне только показалось, что справа как будто что-то пролетело. Первая мысль: у кого-то башлык сорвало. Пробежали «мертвую зону», а навстречу уже следующая группа торопится: почему вас шестеро? Глянули: нет самого высокого — значит, там остался Бондаренко. Бегом обратно, к скважине, и по другую сторону, рядом с канавой, по которой отводили воду, бушует костер. Горит что-то облитое нефтью. Ни подойти, ни оттащить, на нас самих уже горят костюмы. Да и поздно было. Думаю, он погиб сразу, как только его всосало в факел, и он вдохнул концентрированного сероводорода. Струя раскаленной нефти обдала его, отбросила в сторону уже неживого... Такой парень был... И зачем он вдруг распрямился во весь свой рост?

Людам давно известно, что высокоскоростной поток газа как бы подсасывает в себя окружающий воздух или жидкость. Но еще никому из тех, кто работал на ликвидации этой аварии, не приходилось слышать, что фонтан может подсосать в свою струю человека. Это был еще один преподаватель Тенгизом урок. Дорогой ценой приходилось людям платить за эту науку.

Вечером на аварийной скважине прекращались все работы. Уставшие за напряженный день люди шли отдыхать, а оставшийся в гордом одиночестве фонтан, казалось, еще больше разъярился. То ли от упоения своей так и не покоренной людьми силой, то ли от предчувствия, что они эту силу все-таки скоро укротят, с наступлением темноты огонь взвизгивал себя до истерики. Человеческое ухо, оказывается, привыкает к постоянному грохоту и реву, постепенно низводя их до непрерывного шумового фона, на который накладываются другие звуки. А вот наши временные жилища никак не могли привыкнуть к этому и тряслись, повторяя стенами все рулады, вырывающиеся из горла скважины. В беспрерывно вибрирующей коробке вагончика было трудно уснуть. Я уходил в степь. Бушующее пламя освещало ее далеко окрест. В двух километрах от факела легко читался самый мелкий газетный шрифт. Двухсотметровый огненный столб, подпиравший черное небо, ночью выглядел еще более фантастично, чем днем. В нем было что-то таинственное, завораживающее. Можно было бесконечно наблюдать за ним, и это жуткое зрелище не надоедало.

Едва утомленное солнце сваливалось за ровную линию низкого горизонта, в темном небе возникали стаи перелетных птиц. Певчая мелочь летела шпеной россыпью невысоко над землей, а в глубине неба тянулись с севера на юг стаи и косяки уток, гусей, журавлей, лебедей, фламинго. Каждый вид держался того строя, который выработали их предки за тысячелетия предыдущих перелетов. Летели углом, уступом, развернутыми шеренгами или длинными цепочками в хвост друг другу. Почему птиц так притягивает любой свет в ночной темноте? Почему их, как завороченных, сбивает с курса огонь маяков, кораблей, габаритное освещение башен? Факел на 37-й, как магнитом, тянул к себе пролетающие стаи. Даже те, чей путь лежал в стороне от него, вдруг неожиданно поворачивали в его сторону. С земли подсвеченные огнем тела птиц на фоне черного неба выглядели то россыпями мелкого иссира, то нитями жемчуга, которые, извиваясь, неслись в небе по какой-то невидимой, постепенно неумолимо сжимающейся спирали, в центре которой бушевало пламя. Каждый круг все больше сокращал расстояние. Жемчужным ожерельем становилось тесно вокруг огненного столба, но вожаки упорно вели стаи все ближе и ближе к нему, и когда стаи пересекали вдруг некую невидимую границу, ее молниеносно втягивало в пламя. Птицы исчезали лишь на мгновение, тут же с другой стороны их горящие тела выбрызгивало в темноту, словно снап искр или ракет. Эти горящие брызги неслись по крутой дуге к земле, оставляя за собой тонкие шлейфы дымок.

А следом уже подходил к невидимой границе очередной косяк. И ничем нельзя было помочь.

Утром в степи можно было встретить тех, кто прошел крещение огнем, но каким-то чудом сумел уцелеть. Закопченные кольчатые горлицы, дрозды, добоносые будто одуревали от ночного потрясения. Стрессовая ситуация убила в них инстинктивный страх перед человеком, они не торопятся улетать, спокойно даются в руки, но не берут корм. Гуси, у которых огонь только опалил крылья, спокойно сидят на земле, совершенно безучастные к своей дальнейшей судьбе.

Большая людская беда не обошла стороной и природу.

...В конце ноября гидронатаскиватель был наконец смонтирован на скважине. Когда через подведенную систему в его цилиндры подали под давле-

нием воду, он, как и рассчитывали, поднял всю сборку и поставил ее на место. Теперь основное пламя, как и ожидали, било уже метрах в шести над землей, но между фланцами почему-то оставался зазор, через который часть огня все-таки шла в стороны, поэтому монтировать трубопроводы от нагнетательных агрегатов было нельзя.

Установленную с таким трудом сборку пришлось вновь опустить на землю.

Причина неудачи оказалась в необузданной мощи Тенгиза. До сих пор еще не установлен истинный дебит 37-й скважины. Теоретические расчеты специалистов допускают десятикратное разночтение. Ввести же в обезумевшую струю измерительную аппаратуру было нереальной затеей. Гидравлическая система первого натаскивателя развивала такое сжимающее усилие, которого могло хватить для любых дебитов. Но только не для дебитов Тенгиза. Пришлось конструировать новую гидравлическую систему, которая по мощности в восемь раз превосходила прежнюю. Целый месяц неимоверного труда ушел на ее монтаж и установку. И, наконец, в новогоднюю ночь она все-таки стала на свое место, как ей и полагалось. Поднятый на шестиметровую высоту огонь уже не так жег землю и воздух, и работать на устье стало несколько легче. Группа Кальны отбыла с Тенгиза на другой объект. И уже без полтавчан фонтанички Миннефтепрома, руководимые Некрасовым, в начале февраля смонтировали и подключили к сборке все необходимые трубопроводы и провели все нужные исследования.

Тщательный анализ состояния скважины показал, что задавливать ее, как планировалось ранее, сейчас опасно. Разболтанный за полгода аварии ствол мог выкинуть какой-нибудь новый сюрприз. Идеальный вариант — подать нефть из скважины по трубопроводу на переработку — пока что невозможно: сероводород в два счета разест его стальные стенки. Значит, сначала необходимо отделить нефть от агрессивного спутника, для чего на месторождении нужно построить сепарирующие установки, целый завод. Такой завод будет, но на его сооружение уйдут многие месяцы.

А пока четыре двухсотпятиметровых отвода направили фонтан 37-й в степь, где разделенный на четыре части факел по-прежнему горел, но уже под контролем людей. И это все, что удалось достичь за восемь месяцев неимоверных усилий. Если этот результат вдруг покажется незначительным, смею утверждать как очевидец обратное: это большая победа над стихией, победа, которая потребовала истинного героизма и колоссального упорства.

Однако люди не успокоились на этом. Испробовав все, на что хватило опыта и сил, они решили задавить фонтан на 37-й способом, который ранее никогда не применялся в отечественной практике. Над устьем была смонтирована сложная установка, с помощью которой в скважину вгонялись буровые трубы. Четыре отводка по-прежнему полыхали в степи гигантскими факелами, а над той точкой, где огненный смерч черпал свои силы, люди свинчивали трубы в многокилометровую колонну и все факелы вонзали ее во взбуртовавшиеся недра. С чем сравнить их труд? Разве что с эквилибристикой с горящими факелами на бочке с порохом. Эту тяжелую и чрезвычайно опасную работу вели военнизированные отряды и подразделения по предотвращению и ликвидации открытых нефтяных и газовых фонтанов из Ставрополя, Волгограда, Эмбы, которые возглавляли Л. П. Арьков, А. Н. Фирсов, И. М. Петров, И. М. Шаповалов, А. П. Мальцев. Руководил работой всей группы Михаил Лукьянович Некрасов.

Когда колонна достигла глубины в три с лишним километра — опустить ее до самого устья так и не удалось, — десятки нагнетательных установок подали в скважину глинистый раствор. Фонтан яростно сопротивлялся, но в конце концов вынужден был сдаться. Лишенные подпитки четыре аварийных факела наконец погасли, и над степью разразилась вдруг неожиданная тишина. Это произошло 27 июля 1986 года, на 398-й день после аварии. Человек все-таки укротил стихию.

Но, помня и восхищаясь героизмом одних, мы не вправе забывать о преступной халатности других. У подвига, который свершался на Тенгизе, была отправная точка: головотяпство и небрежность, приведшие к аварии на буровой №37. Непосредственные виновники были сняты с работы и наказаны в партийном порядке еще летом прошлого года. Идет следствие. Суд вынесет по поводу случившегося свое решение. Но никакое, даже самое суровое наказание не вернет нам Владимира Бондаренко, средства, потраченные на усмирение факела, не возместит убытки, которые мы несем от того, что фонтан более года грел и без того жаркое небо прикаспийской пустыни. Если бы можно было подсчитать, в какие миллионы порой обходится нам работа по принципу «авось пронесет»!

РОДИОН!

Рисунок Ильеса АЙДАРОВА

Анатолий МИХАЙЛЕНКО

РАССКАЗ

Гость приехал в точно установленное время — хоть часы сверяй. Стоя у окна, они наблюдали, как из машины неторопливо вылезал тучноватый мужчина. Одет он был в сине-красную болоньевую куртку, сверкавшую множеством застежек-«молний».

— Видишь? — толкнул локтем Ярмалюк.

Родион молча кивнул.

— Главный, — как бы мимоходом сказал Ярмалюк.

«Главный... — подумал Родион. — Не просто «главный»,

а Главный...»

С той поры, как давний приятель устроил его на в общем-то странную — даже для недоучившегося лесника — должность, Родион привык к тому, что Ярмалюк всем давал прозвища. Однажды, помнится, они тоже стояли в каморке и через пыльное окно наблюдали, как из легковушки выбирались гости.

— А вот... в тирольской шляпе, — сказал Ярмалюк, — хозяин.

И тут же Родион мысленно стал называть того человека Хозяином.

Приезжал к ним и Сам. Бывали Директор, Заведующий и Замзав. Да разве всех упомянешь? И нужно ли? Его, Родионово, дело маленькое. Целься, бери на мушку... Единственное, чего Ярмалюк не разрешал, — так это стрелять дичь не по сезону. Даже Самому. Чего не было, того не было. И на том спасибо... Хотя и это его не касается. Главное для него — вовремя выстрелить. В один звук. А какие из них, этих главных и завов, стрелки? Каждый день с утра и до вечера — планы, кредиты и дебаты, месячные и квартальные отчеты, а в результате — выговоры, с занесением и без... Вконец издерганные, они изредка вырываются в лес, словно на другую планету. По всему, что шевелилось среди листвы или пряталось за кустами, они палили с таким неиссякаемым наслаждением, словно с каждым выстрелом как можно дальше отгоняли от себя всякую нервотрепку, мысли о недопоставках и недоделках, выговорах и инсультах...

У Главного была только фигура плотная, а лицо нормальное. Родион даже успел отметить, что Главный, оглядываясь вокруг, распрямился, глубоко вздохнул и, не подозревая, что за ним наблюдают, с наслаждением потянулся. Может, при этом он даже сказал: «Господи, до чего же хорошо на природе...»

— Пошли, слышь ты... — подтолкнул Ярмалюк.

Они, торопливо выйдя из каморки, остановились на пороге. Родион изображал на лице радость.

— Извините, мы и не заметили, как вы подъехали. Заходите, заходите... — начал усердно приглашать Ярмалюк.

К подобному лицемерию Родион давно привык, теперь он не протестовал против него даже в душе.

— Прошу вас... Завтрак уже холодный... — продолжал суетиться Ярмалюк. — А это... — кивнул на Родиона, — мой помощник.

Даже имени не назвал.

А поздно вечером или даже ночью (всяко приходилось), когда поднятая машиной пыль садилась, Ярмалюк еще долго смотрел вслед красным огонькам, а

затем говорил: «А бульдозер так и не пообещал...» Или какую-то другую технику, в которой нуждалось большое лесное хозяйство. Молча возвращался в комнату или гудульский шатер (обедать после охоты устраивались то там, то там, в зависимости от погоды), убирал со стола консервные банки, куриные кости, остатки рыбы... Еще и бросал: «Только день угробил...» Как будто в том виноват он, Родион.

А Родион, он что, не угробил? И не день, и не два, а, может, всю жизнь?.. И только после этого Ярмалок выкатывал из гаража «Жигули», нехотя бросал Родиону: «Слышь ты, поехали, подвезу...»

А может, сегодня случится все вот так: Ярмалок будет долго и тщательно складывать в туристский мешок гостя уток, зайцев, кабана или косулю, но последних, понятно, не в мешок, а в багажник «Волги», ластиво приговаривая:

— Иван Иванович, кто бы мог подумать, что вы так метко стреляете! Ну, прямо с лету. Ну, мастер! Вам бы на международных соревнованиях выступать. Считаю, норму мастера с первой попытки выполнили... И где вы так наловчились? Посмотрите, в левом паху осталась одна маленькая дырочка. Ну, попадание! Бывает, охотник так распотрошит кабанчика, что вместо кожи одни ошметки висят...

Гость от удовольствия дышит учащенно. Он и сам не верит, как это он умудрился одним выстрелом свалить такого зверя. И не зная, не догадываясь, душа его искренне радуется, становится щедрой и податливой, как воск, тает и тает от удовольствия.

А Родион, как прежде, будет послушно стоять в сторонке, и на него никто не обратит внимания.

В подобные минуты гость готов был пообещать Ярмалку что угодно, и хотя потом не все обещания выполнялись, тем не менее лесничеству кое-что перепало. Трактор для корчевки, шифер, дополнительный наряд... разрешение на внеплановое строительство...

Когда щедрый на обещания гость уезжал, Ярмалок поворачивался к Родиону, радостно усмехался и горделиво, но все же дружески хлопал его по плечу:

— Ты молодец, молодец!
За что начальник его хвалил, Родион знал. Но та хвала уже не радовала, а все чаще стегала его, как крапива по телу...

Сегодня позавтракали на скорую руку гречневой кашей с кровяной колбасой, тонкими, как бумажка, замороженными в холодильнике кусочками лосятины, забили чайком и залили кипятком термосы. Ярмалок глазами показал на бутылку со звездочками, еще золотисто закупоренную: не прихватить ли ее с собой? Но Главный одним глазом возразил.

Родион знал, что Ярмалок спрашивал для порядка: теперь не то время, но с бутылочкой да с добычей всегда легче разговор вести.

— Пора. Ранние птицы росу пьют,— сказал Главный.
Ярмалок выглянул на улицу, как бы намекая: как же им идти, когда еще не приехал Самый Главный, он ведь давно собирался отвести душу на охоте.

— О, я ведь забыл...— задумчиво свел брови гость.— Семенович просил передать, чтобы не ждали. Не приедет... Хлопоты заели.

— Но ведь сегодня... суббота,— удивился Ярмалок.

— Кому суббота, а кому работа,— повел плечом гость.— У тебя тоже вот не выходной.

— Да разве нашу с ним работу,— Ярмалок снисходительно посмотрел на Родиона,— с вашей сравнить? Так себе, лесное затворничество... А вот вы... вы все можете...

— Не преувеличивай, далеко не все. Не могу, например, занарядить для твоего лесничества паром и самолет не могу. Даже вертолетик,— предупредительно сказал гость.

— Ну! — подумал Ярмалок.— Продолжать разговор или повременить? — А мне вертолет и не нужен,— все же сказал он.— «Жигуль» есть. И паромод ни к чему. А вот катерок на крыльях пригодился бы. Озера-то у нас какие, заповедные...

— Подумаем, подумаем...— засобирался гость.

— Нет, теперь не стоит... после охоты...— окончательно решил Ярмалок и выразительно посмотрел на своего приятеля. Родион понял тот взгляд: теперь многое, если не все, зависело от него.

Родион пожалел, что гостей оказалось мало. Разве это охота — втроем? Бах-ба-бах! — и все. Он чувствовал себя уверенней, когда от выстрелов трещало в ушах. Тогда и его меткий выстрел растворялся среди других.

Возле гудульского шатра складывал матрац водитель Главного. Родион посмотрел на него с сожалением: значит, этот на Молочное не собирается.

Чем ближе они приближались к воде, тем туман становился гуще.

Вдруг вспомнилось: такой же большой туман стоял и тогда, на стрельбище. Потеплело, низом, словно дым от костра, плыли сырые хлопья, и мишени едва просматривались. Родион, тяжело переводя дух, жмурился и целился, каждый раз считая до десяти и нажимая на курок.

Как давно это было!.. Будто в другой жизни, в другом измерении.

Мог ли он думать тогда, что его выстрелы в туман, в серые зависшие мишени принесут такую славу?.. И такой позор...

Двигались по тропинке, резиновые сапоги раз за разом наступали на сухие ветки, те гулко лопались, но звук тут же таял, словно нырял в воду.

Озеро уже рядом, но гость вряд ли догадывается. Тропинка вдруг уперлась в камыш, шумевший совсем не так, как в солнечную погоду: он напоминал дыхание простуженного человека.

Главный остановился и удивленно оглянулся.

— Пришли...— шепотом сказал Ярмалок.

— Куда пришли? — не понял гость.

— Как это куда? На Молочное...

— А-а...— протянул Главный.

Родион угадал: из этого Главного охотник тоже никудашный. Так, постреляет всего лишь в небо, и все...

Камыш шумел глухо, неровно, узнаваемо, и Родион вспомнил: волнами, будто трибуны на стадионе...

О, что тогда произошло в секторе, среди наших туристов! Сидело их там всего человек тридцать, но такое подняли! «Мо-ло-дец!» — кричали, флажками махали.— «Мо-ло-дец!»

А потом он привик и к этому, и ко всему остальному. Как только появлялся с винтовкой, болельщики вскакивали с мест, махали шляпами, обрывками газет и скандировали: «Ро-ди-он! Ро-ди-он!» А он, словно возгласы на трибунах его не

касались, уверенно направлялся к стелу. Недаром в команде он слыл как самый невозмутимый. Знал бы кто, чего стоила ему подобная сдержанность!

Вот и сейчас едва владел собой: до каких же пор? Ведь не утки служат для него мишенью — он сам давно стал как бы мишенью Ярмалюковых притязаний. Даже имени своего не имеет. Все «ты», «ты»...

Тем временем Ярмалок осторожно раздвинул камыш, где пряталась лодка, пошарил рукой в воде и, найдя цепь, потянул ее на себя. Капли воды спадали с цепи, лодка нажала своими боками на камыш и заскрежетала, словно по песку.

— Садитесь...— кивнул Ярмалок гостю.

Неуклюже выбросив руки, Главный стал на нос лодки, затем оторвал от земли другую ногу — и оказался в лодке. Она угрожающе качнулась, камыш зашелестел, где-то неподалеку сонно крикнула утка.

— Тише...— еле сдержался Ярмалок. Схватив лодку за нос, чтобы она не зачерпнула воды, позвал и Родиона:— Садись и ты!.. Или ты не собираешься? — язвительно спросил.

«А куда же мне теперь без тебя?» — уныло подумал Родион.

Лодка стала медленно пробираться между густых камышей. Не имея возможности работать веслами, Ярмалок и Родион хватились за стебли, а гость задумчиво наблюдал, как камыш тут же смыкался за ними серой стеной.

...Гость сидел тихо, удивленно оглядывался вокруг, а ружье поставил между коленей дулом вверх. Родион хотел было сделать замечание, что так ставить ружье не полагается, но передумал. Гости в большинстве случаев слушать замечания не любят, и Ярмалок предупреждал сегодня, как и всегда, чтобы ни во что не вмешивался, его дело маленькое: стрелять метко.

— Скоро будем в нужном месте...— успокоил гостя Ярмалок.— А тогда и время подоспеет.

Досрочно открыть стрельбу Ярмалок не позволит даже Главному — вот за это его уважал Родион, это и держало при нем. Был такой случай. Пригласили на охоту одну компанию. Правильнее сказать, пригласил Ярмалок Директора, надеясь что-то выпросить, а тот прихватил с собой каких-то приятелей или знакомых — охота так охота. Один среди них оказался уж больно суетлив. А тут еще прямо перед лодкой выводок проплыл, утки упитанные, плыли лениво и смело, не обращая на них внимания. Тот, нервный, не удержался и пальнул. За полчаса до начала охоты. Ничего не сказав, Ярмалок развернулся и погреб обратно. Греб он шумно, не боясь нарушить тишину, потому что ее и так рвали сотни выстрелов. Родион с пассажирами послушно плыл следом. Так у них было принято, на всякую же самодельность Родион не имел права. Принимая его в лесничество, Ярмалок заявил: «Хватит, слышишь. Жил ты до сих пор, как хотел. А теперь будешь жить, как нужно».

О том, что охота не состоится, гости поняли только тогда, когда лодки, протаранив стену камыша, снова уткнулись в берег.

— Выходите,— сказал Ярмалок.— Охота отменяется.

А там, на другом берегу, который не считался заповедным, продолжали хлопотать и хлопотать. От частых выстрелов дрожали небо, земля, вода и камыши.

После удачной охоты Директор, наверное, пообещал бы для лесничества какой-то дефицит, а теперь дудки, но простить нарушение порядка Ярмалок не мог. «Хотя,— думал тогда Родион,— если трезво рассудить, то разве что-нибудь в мире изменится, если сезон откроется на полчаса раньше? Только и всего, что убьют на какой-то десяток уток больше. А когда все начнут палить, сколько их, бедных, погибнет...»

Неожиданно из тумана вынырнул берег. Стараясь не хлопотать, остановили лодку. Первым ступил в воду Ярмалок, показывая, что тут мелко, а за ним Родион. Вдвоем подсобили гостю. Вылезая, тот сопел и весело ругался шепотом.

Участок берега, на который они выбрались, был болотистый, поросший камышом. Он примыкал к заповедной зоне, собственно говоря, сам он тоже считался полузаповедным. Оказываясь здесь, Родион как будто слышал у себя за спиной глухое роптание сотен охотников, с завистью посматривавших на безлюдный берег...

...А потом он уехал в новую зарубежную командировку, поднялся на новую ступень в славе, потому что его хлопцы тоже оказались способными учениками. А вот в Африке Родиону впервые не повезло. Он сам быстрее научился метко стрелять из их раскрашенного лука, чем они из винтовки. «Зачем им понадобилась стендовая стрельба?» — спрашивал сам себя Родион.— Во все времена ведь обходились луком. В мире и так много пороха взрывается...»

Вернувшись после той неудачной командировки домой, Родион вскоре понял, что о нем как-то вдруг забыли. Ну и пусть. Такая уж их, тренеров, судьба. Впрочем, у спортсменов тоже: пока приносят победы и очки, до тех пор на гребне славы. Никого так быстро не забывают, как не оправдавших надежд тренеров.

И повелел Родиона в ту сторону, где еще недавно мог бы себя увидеть разве что в дурном сне.

Случилось это давно.

Он не раз проклинал тот день, когда зашел на тренировку. Какая-то неодолимая сила потянула. Родион встретил там много чужих парней. Были, впрочем, и знакомые. Те наскоро здоровались кивком головы, но ни один из них не подошел, не спросил, не поинтересовался его житьем-бытьем. Тот, кто не оправдал надежд, становился как бы прокаженным, к которому боялись прикоснуться.

Толкнул же его черт сделать замечание новичку, вовек себе этого не простит. Новичок смерил Родиона колючим взглядом и сказал: «Что ты в этом понимаешь? Не мешай...»

Этот новичок не знал его, Родиона!

Он даже не догадывался, что это его имя когда-то скандировала тысячная толпа: «Ро-ди-он! Ро-ди-он!»

Страшная обида, словно внезапная боль, перевернула его. Родиону хотелось кого-то обругать, затеять скандал... Вон стоит тренер, с ним когда-то начинали на стенде, вместе ездили на соревнования — то противниками, то в одной команде, а теперь он словно обо всем позабыл. Хорошо, что сегодня при встрече буркнул: «Привет, Родион! Как живешь?..» И не стал слушать, что ему Родион ответил. Подойти бы и бросить в лицо: «До тех пор, пока на высоте... Пока в «яблочко»... Спасибо, что хоть поздоровался...»

Он не помнил, как оказался тогда перед неказистой дверью, как потянул ее на себя.

В маленьком зале вдоль стен стояло несколько столиков на одной ножке. Столики облепили мужчины, на обрывках газет лежала закуска, стояли полупустые бутылки вина, скрытые за бутылками с пивом.

«ИЗБЫТОЧНЫЙ ВЕС»

Напомним нашим читателям, с чего все началось.

В последнем номере журнала за прошлый год был напечатан материал «Как стать рабочим», объективно рассказывающий о проблемах и трудностях в работе школьного завода «Смена» в городе Таганроге Ростовской области. Тогда же редакция обратилась с пожеланием к городскому комсомолу не оставлять завод без внимания и поддержки.

А потом мы получили ответ из Таганрогского горкома ВЛКСМ, в котором критические замечания журнала ставились под сомнение, а то и полностью игнорировались. Одновременно мы получили и ответ из Таганрогского горкома КПСС, в котором отмечалась правильная постановка вопроса корреспондентом «Смены», рассказывалось о принимаемых мерах по устранению недостатков.

В двенадцатом номере журнала мы познакомили наших читателей с обоими ответами. И, надо сказать, не смогли удержаться от комментария, в котором шла речь о стиле работы комсомольских работников в наши дни, об умении реагировать на критические замечания, о том, что внешняя солидность и конторская благопристойность вовсе не являются ведущими достоинствами работника комитета комсомола. Называлось наше выступление «Избыточный вес».

На него мы получили ответ из Ростовского обкома ВЛКСМ.

«Уважаемые товарищи!

Сообщаем, что действительно Таганрогский горком ВЛКСМ неверно отреагировал на критику и предложения, изложенные в

статье «Как стать рабочим», на что бюро горкома ВЛКСМ указано.

В настоящее время пересмотрены формы работы комсомольских организаций г. Таганрога на школьном заводе «Смена», определены конкретные участки работы, которыми будут заниматься комитеты комсомола. Это организация содружества комсомольско-молодежных коллективов и бригад, создавших производственные участки и бригады школьников, проведение конкурсов профмастерства, организация соцсоревнования, поставка заказов бригадам школьников и другие вопросы. Областной комитет ВЛКСМ, Таганрогский горком ВЛКСМ видят необходимость перестройки организации производственного труда и в целом воспитательной работы на школьном заводе «Смена».

Критические замечания, правильные выводы из них помогают нам определять конкретные пути нашей дальнейшей деятельности.

**Секретарь обкома ВЛКСМ
В. ПЕТРЕНКО».**

Предвосхищая вопрос наших читателей, спешим сообщить, что сам Таганрогский горком ВЛКСМ на выступление журнала никак не откликнулся. Все-таки обиделся? Или не считает нужным? Мы можем только гадать. Но при этом отметить, что ни то, ни другое не может восприниматься как конструктивный и деловой подход к критике.

**Отдел рабочей молодежи
журнала «Смена»**

«Игры в сумерках»

Бюро Ржевского городского комитета ВЛКСМ обсудило статью «Игры в сумерках» («Смена» № 11 за 1986 год). На заседание бюро были приглашены председатели советов подростковых клубов, а также автор письма в редакцию журнала «Смена» М. Плющева. Статья единодушно признана в целом правильной. Бюро горкома ВЛКСМ отметило, что в статье поднят вопрос о неудовлетворительной организации досуга молодежи в городе Ржеве, бесконтрольности и отсутствии воспитательной работы со стороны комитетов комсомола в подростковых клубах по месту жительства.

В принятом постановлении указаны меры по улучшению воспитательной работы с молодежью и подростками, членами ФСК, в том числе:

1. Утверждены шефствующие над ФСК комитеты комсомола.

2. Для координации совместной деятельности ФСК и комитетов комсомола при горкоме ВЛКСМ создается городской совет ФСК из числа руководителей ФСК, работников аппарата ГК ВЛКСМ, членов комитетов комсомола шефствующих предприятий.

3. Городскому координационному совету рекомендовано рассмотреть вопросы, связанные с материально-техническим обеспечением ФСК.

**Секретарь Ржевского
горкома ВЛКСМ
В. ПОЯРКОВ**

— Неужели Родион?! — словно не веря своим глазам, кинулся к нему мужик в мятой шляпе и сдвинутом на сторону галстуке.

Жалость к себе и тихая радость смешались в душе неудавшегося тренера. Его знают! Его не забыли! Его еще узнают!

В ушах опять будто зазвучало многоголосое «Ро-ди-он! Ро-ди-он!».

— Пошли к нам,— тем временем тянул его за руку мужчина в мятой шляпе.— Хлопцы, да это же Родион! Неужели не узнаете?.. Сам Родион! Ро-ди-он! — воскликнул он, и все вокруг начали оглядываться на них.

Ничего не говоря, даже не думая отказываться, он выпил какую-то гадость. На сердце, кажется, отлегло...

Потом Родион приметил, что точно так своим главным, завам и замам услужливо подливал Ярмалюк. Он угодливо приглашал их закусить олениной и медвежатной; все было, как за теми неказистыми дверями, только закуски подавались изысканные...

Там его и застал Ярмалюк. К тому времени Родион поменял не одну компанию. Болельщик в мятой шляпе, первым его узнавший, давно куда-то исчез без следа, но одна компания передавала другой как эстафету рассказы о том, какой когда-то он был известный. В той легенде было столько навраво, что он и сам, наверное, услышав ее, не догадался бы, о ком речь. Достоверным оставалось только его имя.

Он понимал, что стремительно катится вниз, духу не хватало остановиться, поэтому обрадовался неожиданной встрече с бывшим однокурсником.

— Ну, ты даешь! Дошел до ручки... — бурчал Ярмалюк, когда они пришли в номер ведомственной гостиницы. — Оторвался от берега. Вот что делает с людьми слава!

Ярмалюк с удовольствием поругивал притихшего и присмирившего человека, того самого, чье имя не раз слышал по радио, но когда осторожно хвастался кому-то, что это его однокурсник, никто не верил, даже смотрели косо и отворачивались. Хвастун стадионный...

Теперь тот самый Родион сидел на краешке кровати и виновато, как школьник, хлопал белесыми веками.

— Завтра поедом ко мне,— властно сказал Ярмалюк, радуясь, что, может быть, хоть так прикоснется к бывшей знаменитости. — Ну, у меня лес! Ну, воздух! И до Киева недалеко...

Родион безразлично глядел перед собой.

— У меня и должностимка как раз для тебя имеется,— продолжал Ярмалюк. При этом он назвал такое заковыристое слово, что Родион, хотя и учился когда-то на лесотехническом факультете, не мог вспомнить, что оно означает. — И не смотри ты на меня так. Должность должность, а делать будешь ты, что я скажу. Метко стрелять не разучился?

Родион машинально кивнул.

— Вот и хорошо, вот и ладно,— похвалил Ярмалюк. — Твое дело будет вовремя выстрелить, и метко, конечно. У меня разный народ охотится, какие они стрелки... сам понимаешь... Сумеешь «тулкой»?

— Я... я стендовик,— вдруг заерзал на кровати Родион. — Меня в Африку приглашали...

— Еще бы! Понятное дело! — весело согласился Ярмалюк, думая о своем: «Такая добыча. Вот теперь я заставлю всех этих главных работать на мое лесничество. А то, бывает, придут, ноги власть находят, а возвращаются без ничего. Действительно: ни пуха ни пера! А злые, как сто чертей вместе. Их приглашаешь: «Вы, пожалуйста, приезжайте и на следующую субботу, обязательно что-нибудь уберете», а те только устало отмахиваются. Где уж тут что-нибудь выпытывать...»

Они вышли на берег. Ярмалюк нетерпеливо поглядывал на часы, словно хотел поторопить время, а потом показал взглядом на заросли камыша: там они прячутся, утки, там. Кивнул и Родиону. «Гляди, ты, не подведи! Повнимательней, ты...» — говорил его взгляд.

Последние минуты истекали еще медленней. Гость даже пританцовывал от нетерпения. По его поведению лесничий понял: после удачной охоты, когда уток будет, как переспевших грибов под деревом, Главный станет покладистым и стоворчивым. Ярмалюк еще раз подмигнул Родиону, показывая глазами, чтобы тот держался подальше и случайно не оглушил гостя своей двустволкой.

Дальше все пойдет как всегда. Гость вскинит ружье, станет долго целиться, волноваться, потом часто стрелять и не слышать (или прикидываться, что не слышит), как позади него бухает еще один ствол. Его, человека с потерянными именами. Сбитые на лету утки резко сорвутся в штопор, плюхнутся одна за другой в воду. А Ярмалюк одними глазами прикажет: «А ты собери...»

Да ведь есть у него имя! И не просто Родион, а Ро-ди-он! Как скандировали стадионы... Нет, не будет он собирать уток и стрелять тоже!

Нет, так больше не будет... не будет!..

— Ты что? — тихо, но властно одернул его Ярмалюк.

Родион встрепенулся, быстро вогнал патроны, поднял ружье. Ярмалюк испуганно посмотрел на него, однако сказать ничего не успел: один за другим грохнули два выстрела.

Ударная волна достигла воды, а потом эхо снова понеслось в небо. И вмиг из дальних и ближних камышей стегнуло огнем, догоняя взлетающих со свистом перепуганных уток.

Ярмалюк схватил было ружье Родиона за ствол, но тот резким движением отбросил его руку, привычно вставил патроны — и снова дважды выстрелы потрясли небо.

— Ну, дает... — растерянно посмотрел на гостя Ярмалюк.

А Родион уже шел берегом, тяжело ступая резиновыми, с длинными голенищами сапогами, загоняя патроны и дуплетом взрывая надоевшую ему тишину.

На его выстрелы откликнулись со всех сторон — охота началась как будто по его сигналу. Родион отстегнул пустой патронташ и забросил его далеко в озеро. Пошарил по карманам, но там ни одного патрона не оказалось. Тогда он схватился руками за обжигающий ствол, коротко и сильно размахнулся. В ответ до него донеслись всплеск и медленное бульканье воды.

Родион знал, что озеро большое, но, кроме как на этом тихом берегу, он нигде не бывал. Не знал он, куда выведет его этот берег, но все дальше уходил от того места, где остался Ярмалюк со своим гостем...

Перевел с украинского
Владимир СЕРЕДИН.

БЕСПОКОЙНОЕ ХОЗЯЙСТВО

Евгений СТЕЦКО.

Фото автора

Игорь давно обещал показать мне черных аистов. Но в прошлый мой приезд — было это осенью два года назад — обещание выполнить не удалось: птенцы вылетели из гнезда... Я надеялся, что нынешнее мое появление на кордоне — стоял июль — окажется в этом смысле более удачным. Игорь выбрал на этот раз из всех известных ему гнезд самое доступное и назначил в провожаемые своего ученика Сергея Гоманюка, десятиклассника из поселка Новенькое.

Мы шли к гнезду черных аистов. Трава доставала до плеч. Пересекли скошенный лужок. Сергей потрогал сено: сухое, значит, скоро опять придут люди, будут шуметь. Я знал от Игоря, что черный аист — птица особенная, и понимал, почему обеспокоился Сергей, увидав сенокос вблизи гнезда.

— Кто их обнаружил? — спросил я.
— Мы с Камардиным Сергеем из восьмого класса двадцать четвертого апреля восемьдесят четвертого года, — отчеканил Сергей так, будто отвечал урок и называл историческую дату. — А в прошлом году мы на соседнем клене скрадок поставили, то есть укрытие для наблюдателя, вроде маленькой палаточки. Оказалось высоковато. Аист корм птенцам дает, а сам глазом на скрадок косится, нервничает. Игорь Петрович попросил переставить скрадок ниже. Мы так и сделали, и аист сразу же успокоился.

— Вы раньше что-нибудь знали о черных аистах?

— Да, нам Игорь Петрович рассказывал...

Тут две косули выскочили так близко от нас, что даже всезнающий Гоманюк удивился. Они скакали, таякая, как щенки. Лес был живой.

— Игорь Петрович у вас что преподавал? — спросил я.

— Литературу и труд, — шепотом ответил Сергей, остановившись и указывая вверх: — Вон они, смотрите.

Я не увидел ничего в сплетении ветвей...

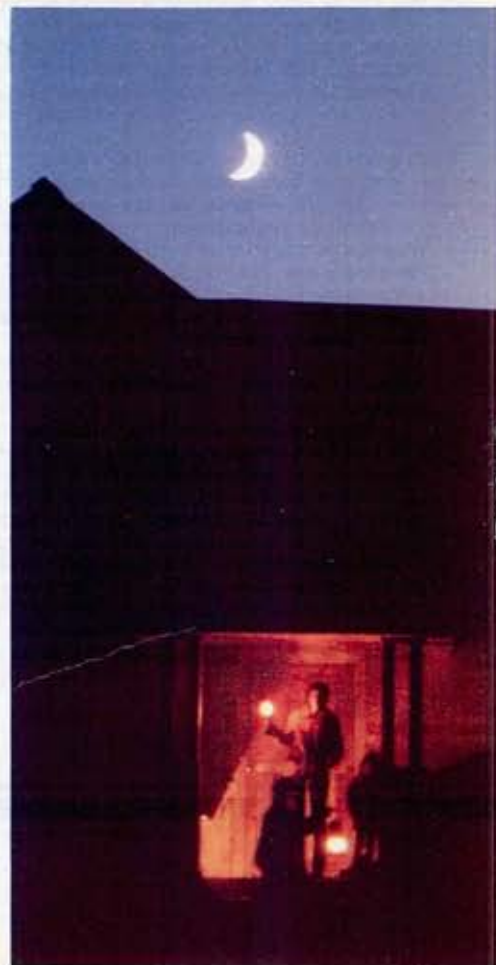
Игорь Шпиленок. Из «Писем с кордона». «...Впервые я увидел их лет двенадцать назад, когда еще школьником днями пропадаю в лесных и луговых дебрях. Незнакомая птица ходила по краю болота. Над высокой травой в знойном мареве расплывалась и колебалась ее голова на длинной шее. Мне никто не мог сказать, как называется таинственная птица. Но в школьной библиотеке нашелся определитель, а в нем на цветной вклейке я сразу узнал ее. Черный аист. Оказалось, что птица эта очень редкая, внесена в Красную книгу СССР. И что в отличие от своего белого собрата живет черный аист только в старых глухих лесах, окруженных непроходимыми болотами. О повадках птицы, вследствие ее малочисленности, почти ничего не известно».

Пытаясь пристрастить Игоря к охоте, отец часто брал его в лес. Но мальчику гораздо интереснее было разглядывать зверя и птицу, чем стрелять в них. Еще третьеклассником он выпросил у отца фотоаппарат, чтобы снимать лесных обитателей. Многими часами Игорю приходилось ходить по следу, забираться в самую глухомань, а наградой за эти испытания становились фотографии лисы, косули, лося. Мальчик не боялся леса, он был для него родным, близким и потому увиденная впервые рубка леса просто потрясла Игоря своей жестокостью. Может, тогда и сделал он свой главный выбор?

После школы Игорь решил устроиться на работу в какой-нибудь заповедник. Даже ездил в Березинский и Окский. Но потом понял, что лучше остаться, попытаться сделать что-то доброе для родных мест. Отец настаивал, чтобы сын продолжал образование, и сын последовал его совету.

Из Белой Березки в Брянск летал кукурузник. На нем Игорь, никогда до того на самолетах не летавший, и отправился в Брянск. Ближайшее от аэропорта учебное заведение — педагогический институт. Туда Игорь, не долго думая, и сдал документы.

Биологический факультет мог бы примирить Игоря с судьбой, но в аттестате у него среди пятерок были и тройки, одна — по химии. Окончательно он простился с биологическим, поговорив с двумя четверокурсниками: он «разочна-

**ЮНЫЕ ДРУЗЬЯ ЛЕСА
СЕРГЕЙ КАМАРДИН
И СЕРГЕЙ ГОМАНЮК.**

**В ГНЕЗДЕ—
ЧЕРНЫЕ АИСТЫ.**

**ОБЕД, ПРИГОТОВЛЕННЫЙ
НА КОСТРЕ,
ВКУСНЕЕ ДОМАШНЕГО.**

**ТВОРОГ ДЛЯ КАРЛУШИ,
ДА ЕЩЕ ИЗ РУК ТИХОНА—
ЛУЧШЕЕ ЛАКОМСТВО.**

ровался в уровне их знаний!» Через год, будучи уже студентом литфака, он занял первое место в викторине, которую проводили на биологическом.

В институтской библиотеке Игорь открывал очередной том хорошо сохранившегося издания сочинений Альфреда Эдмунда Брема, учителя зоологов, во многом ошибавшегося, но безошибочно усердного в любви к описываемому миру...

В летние каникулы Игорь брал резиновую лодку и плыл в поисках глухих мест. Одно из них ему особенно приглянулось. Там протекала невеликая речка Нерусса, название которой объяснялось тем, что раньше река разделяла земли:

после русских земель за рекой жили «неруссы», другими словами — ляхи. Теперь же Нерусса земли не разделяла, и все глуше, тише и темнее становились ее берега.

Из «Писем с кордона». «Во время поисков черных аистов мне пришлось побывать почти во всех лесных кварталах в треугольнике Бела Березка — Суземка — Трубчевск. Постепенно круг поисков сузился до пяти квадратных километров — своеобразного островка старого леса, прижатого Конским болотом к Неруссе... Изучению этих пяти кварталов я отдал сначала студенческие каникулы. Но место оказалось столь не-

ВЕЧЕРОМ НА КОРДОНЕ.

СЕГОДНЯ ВСЯ СЕМЬЯ В СБОРЕ.

обычным, что после окончания института я выбрал его для жительства... Кордон здесь построили в шестидесятых годах. Но лесники скоро отказались здесь жить: ни дорог, ни электричества. Много лет дом простоял пустой, рыбаки и охотники растащили все, что можно было оторвать. Огород начал зарастать осиною и березой, в руднувшем погребе поселилась лиса, а в развалинах трубы на чердаке сыч. И вот появилась у сына сосед, который целыми днями бродил с фотоаппаратом вокруг кордона».

В Суземский районный отдел народного образования явился выпускник пединститута, словесник, с распределением в район и с конкретным пожеланием: направить его в школу поселка Новенькое. Заведующий считал, что худшей дыры, чем Новенькое, нет.

— Все идет к свету, а ты в самую глушь, — изумился заведующий. — Молодец. За это, так и быть, оставим тебя в райцентре, тем более, что ты первый явился, спешил, что ли?

Оставаться в райцентре Игорь не отрез отказался, и вскоре в Новенькое появилась молодая семья: учитель с городской женой Аллой и сыном Тихоном. (Тихон родился, когда Игорь и Алла учились в четвертом курсе.)

От Новенького до кордона — десять километров трудной дороги по болотам. Но Игорю эта дорога была интересна, потому что каждый раз она сулила открытия. «Волки очень любопытны. Я прошел утром по тропе, назад возвращаюсь, смотрю: по моим следам — волчки. Отец шутил: они ждут, когда ты пожирнешь. Весной встречал аистов...» Дом на кордоне должен был стать его домом, но по закону это жилище мог занимать только лесник. И тогда, ради сына временно расставшись с работой наладчика счетных машин, в лесники пошел Петр Никитич Шпиленок. В Белую Березку, где ждали его жена и младший сын Дима, отец теперь приезжал только по выходным.

Из «Писем с кордона». «...На кордоне поселились два Петра. Петр I — это мой отец, Петр Никитич, лесник. Петр II — деревянное чучело в форме лесника. Наш сторож. За кокарду его боится все браконьеры, а как-то раз, когда нас не было дома, один подвыпивший чухравец до хрипа разговаривал с Петром II, стоя на противоположном берегу затона, требовал перевода.

...Всю ночь орут утки — разве услышишь? Полная луна висит над разливом. Лунная дорожка подходит к самому окну. Начинаю ругаться в форточку, и утки ульвают за вербу. Четвертый год я знакомлюсь с соседями по кордону и не могу до сих пор со всеми перезнакомиться. Вчера перевернул во дворе колоду, а из-под нее метнулась ласка».

Тут можно было бы сказать: мечта человека исполнилась. А между тем его судьба едва начиналась, и Игорь Шпиленок только приблизился к делу, для которого оказались важны и литература, и Брем, и Тихон с Аллой, и ученики в классе, для которых, идя по утрам с кордона (один раз опоздал, дикая свинья продержала на дереве), замечал множество нового, требовавшего немедленного рассказа.

Иногда встревоженный, иногда удивленный, иногда счастливый он входил в класс, нуждаясь в аудитории, потому что аудитории и участия требовала идея, захватившая его.

Из «Писем с кордона». «Брянский лес не менее ценен для общества, чем Беловежская пуца, Мещера или Усманский бор. Однако эстетическую и экологическую целостность тех мест давно уже охраняют заповедники и национальные парки. В Калининградской области три заповедника общей площадью более 200 тысяч гектаров. Брянский же лес стремительно теряет своеобразие... превращается в цех по добыче торфа, древесины, живицы.

Должен же остаться хоть клочок,

по которому наши потомки могли бы судить, каков он, настоящий лес, — с таинственными черными аистами, с удивительной сон-травой, с голубыми зимородками по ольховым речушкам, с сумеречными совами и древниками, реликтовыми глухарями. Лес без дуллистых деревьев, непролазных дебрей и урюмых болот — это не лес, а кубометры на корню.

...В качестве срочной меры можно предложить создать пока микрозаповедник — своеобразную зону спасения для редких видов, занесенных в Красную книгу СССР. Создать его надо на тех нескольких кварталах леса, прижатых Конским болотом к Неруссе, о которых шла речь в предыдущих «Письмах». Заповедование столь крошечного клочка окажется для области в хозяйственном отношении практически неощутимым. Но в экологическом плане эффект будет огромным. Мною встречено здесь более ста пятидесяти видов птиц, в том числе такие редкие, как орел-бвеед, сокол-сапсан, черный аист. Из растений, внесенных в Красную книгу СССР, произрастает черемша (медвежий лук). В водоемах распространены плавающий папоротник-салвиния, тоже краснокнижный. Из редких животных встречаются еноты-полоскуны, выдры, филины, ястребиные совы, осоеды, пустьелги, серые журавли, глухари.

Нужно, не откладывая, приняться за спасение того, что пока есть, что еще можно спасти!»

Граница микрозаповедника проходит по Неруссе. На правом берегу могут останавливаться туристы. Но левый берег — уже другой мир, заповедный. Игорь был первым человеком, кто стал отстаивать клочок глухого леса, а после добивался, чтобы установленные заповеди строго соблюдались. О строгости Игоря сейчас знают все в округе, а уж браконьеры — в первую очередь.

Работал в этих местах какое-то время егерь по фамилии Рак. В его ведении находилась и территория микрозаповедника. Народ стал Игорю говорить про егеря: сам браконьерит, а нам запрещает охотиться. Оказалось, что это правда. Задержав егеря с полицием — тот стрелял на озере диких утят, — Игорь поступил по всей строгости закона: штраф, конфискация оружия. Затем последовало увольнение. Нового егеря подбирали с таким расчетом, чтобы у человека полностью отсутствовала страсть к охоте. И нашел такого в охотничьих краях! Двадцатипятилетний егерь заповедника Григорий Барсуков, он на год моложе Игоря, раньше работал слесарем. Теперь у него такие заботы: кабанам картошки заготовить, липы — для косуль...

— Недовольных много, — говорил мне Игорь, — ведь на территории заповедника раньше были покосы... Конечно, у кого-то руки чешутся мне отомстить. Раз получаю телеграмму о скоропостижной смерти отца. Не помню уж, как бежал тогда до Новенького. Отец выходит на порог — жив-здоров. Вот такие шутки.

Алла на кордон перебралась только этой зимой. Ей, человеку сугубо городскому, пока здесь трудно. Не думала она, что придется жить в такой глухомани. «Свет к нам провели — все повеселей», — поделилась она со мной своей радостью.

Из «Писем с кордона»: «...не скучно здесь жить без электричества, телевизора и дорог».

Перед обедом Алла сказала:

— Вы, наверное, там, в Москве, антрекотами питаетесь, а я, по мнению Петра Никитича, готовить не умею — суп слишком жидкий варю, картошки в нем мало! — Она засмеялась.

А за столом сидели Петр Никитич, Игорь Петрович, Тихон Игоревич, Петр Игоревич — малыш без малого двух лет и Дмитрий Петрович — все Шпиленки. Не было только среднего сына Петра Никитича — Николая, студента биологического факультета пединститута.

...Открыв в институтской библиотеке

первый том Брема, Николай обнаружил в библиотечном формуляре последней фамилию брата и после рассказывал об этом смешном факте Игорю: после одной фамилии «Шпиленок» библиотекарь должен был поставить вторую, и вполне могло получиться так, что, когда Дима окончит школу, библиотекарь повторит их фамилию и в третий раз. Но насколько огорчительно, что только Николай, наслушавшийся Игоря, писавший Игорю письма из армии, ставший первым его учеником и попросившийся на практику к нему на кордон, вслед за Игорем открыл Брема, наставлявшего любить природу терпеливо, усердно и без тщеславия!.

Петр Никитич, узнал я, из лесников ушел. Надо было помогать сыну — студенту Коле, больше зарабатывать. Да и Дима стал хуже учиться: все бегаёт на кордон, все у Игоря сидит.

Из «Писем с кордона». «...При появлении так называемого «фактора беспокойства», то есть при высокой насыщенности угодий людьми, птичьё население тает на глазах даже без выстрелов. Нам хорошо иметь два выходных в неделю, но птицам от них в два раза больше бед. И как сильно бы человек ни хотел не причинить вреда, он не знает наперед, где наткнется на гнездо чибиса, тетерева или глухаря. Полностью искоренить «фактор беспокойства» даже на сравнительно небольшой территории можно лишь одной мерой — созданием заповедника».

«Письма с кордона» взволновали многих. Областная партийная газета, опубликовавшая их, была удостоена первого места во Всероссийском конкурсе по освещению вопросов охраны природы, а в личном конкурсе первое место занял автор «Писем». Вскоре после их публикации на кордон неожиданно наведалься первый секретарь обкома партии Анатолий Фомич Войстроченко. Приехал в четверг, а уже в понедельник вызвал Игоря на секретариат обкома. Игорь выступил на секретариате, подробно рассказал об идее организации заповедника. Состоялось также заседание экологического совета при газете «Брянский рабочий». На нем выступали ученые. Решение облисполкома: создать на территории кордона памятник природы с заповедным режимом. Учителю Шпиленку предложено стать смотрителем микрозаповедника.

Итак, что человек может? Отвечаю: один — ничего. Даже если он очень предан делу, очень обеспокоен. Но если его беспокойство понатно многим, если оно захватывает их — дело сдвинется. Так произошло в истории с черными аистами.

А Игорь твердил мне: микрозаповедник — это всего лишь тысяча четыреста гектаров. Нужен же государственный полномасштабный заповедник в тридцать — сорок тысяч гектаров.

— Это дело будущего?

— Да. Но беспокоиться нужно сейчас! Нужны тщательные исследования, нужны научные обоснования, нужен проект заповедника. Делается же пока до мизерного мало. Многие из тех, от кого зависит решение вопросов, считают их второстепенными. Таких надо все время тереть.

Наверное, многим людям с Игорем тяжело. А некоторым — невыносимо трудно. Для них Игорь — «фактор беспокойства»!..

...Мы стояли у гнезда черного аиста.

— До Игоря Петровича мы ведь как в лес ходили, — тихо говорит Сергей, — пойдем, пошумим, встретим гнездо — разорим, увидим белку — гоняем ее.

— Высоко скрадок, не забраться, — сказал я.

— Нет, нормально, — ответил Сергей. — Высоко для всех, кроме нас с Камардиным.

Я дал Сергею фотоаппарат, и он ловко вскарабкался по высокому, без единого сучка стволу клена. В гнезде сидели четыре подросших, уже черных птенца.

Адрес интересного опыта

Ж

ивем мы в разных городах и никогда до этой встречи друг друга не видели, однако общий язык с Виктором Чеботарем — слесарем-оператором Балаковского комбината специальных строительных конструкций — нашли быстро, потому что мы с ним новоселы.

Оказавшись у Виктора в гостях, я, конечно, попытался сравнить его квартиру со своей московской. Увы, сравнение получалось не в мою пользу. И дело не в площади комнат и высоте потолков. Главное отличие состояло в качестве отделки. Не верилось, что квартиру именно в таком виде Виктор получил от строителей, и я долго мучил его вопросами:

— Как въехал, ручки дверные, наверное, заменил?

— Да нет, не менял.

— Но уж линолеум-то перестелил?

— Даже и не думал трогать.

— Ну, а плитку где доставал? У тебя же плитка на кухне и в ванной в одинадцать рядов!

— Все это было, — улыбается. — И карнизы на окнах были, и лепная отделка в гостиной, и стенка в коридоре. После новоселья я даже мелким ремонтом не занимался и надеюсь, что без этих хлопот проживу еще года три.

Я рассказывал ему, как год назад мы с соседом, тоже новоселом, ломали голову над тем, где доставать цемент, древесностружечные плиты, в каких магазинах найти карнизы нужных размеров. Сразу же после переезда большинство моих соседей занялись ремонтом. Не избежал этой участи и я. Оказалось, что в одной из комнат линолеум прикрывал громадную дыру в бетонной плите. Хорошо не сквозную. Отсутствовала электропроводка в туалете. В гостиной оконную раму строители забыли навесить на петли, и я чуть не уронил ее с девятого этажа.

Чудом мне удалось заполучить плотника. Он навесил петли, дав совет не открывать окно никогда — рама оказалась с заводским браком. Электрика я так и не нашел. Выручил сосед: метровый кусок провода, упрятанный под декоративный дверной косяк, решил проблему. Два дня ушло на добывание килограмма цемента, чтобы заделать дыру в полу. В целом легко отделался.

Пока не выпал первый снег, вокруг нашей новостройки уныло грудились обрывки обоев, обломки плитусов, куски линолеума, битая плитка и даже вполне пригодный к употреблению так называемый санфанас...

Подсчитано: в таком крупном городе, как Москва или Ленинград, с каждого миллиона квадратных метров новой жилой площади выбрасывается отделочных материалов на сумму семь-восемь миллионов рублей.

Свалки строительных материалов возле новых домов множатся. Хотя при нынешнем спросе до качества должны бы постепенно исчезать. Не исчезают. Гражданам нашим требуется уже не просто жилье, а квартиры, отделанные по их вкусу. Именно строительство «отвлеченного жилья» (термин балаковских строителей) приводит к миллионным убыткам, незапланированным расходам.

...Виктор Чеботарь слушал рассказ о моих мытарствах и сочувственно улыбался. Ибо он, а вместе с ним десятки, нет, уже сотни балаковцев еще за несколько месяцев до вселения знали, как будет выглядеть их квартира. В городе на Волге третий год идет эксперимент — местные строители принимают заказы на улучшенную отделку жилья по предварительным заявкам новоселов.

Сначала будущего жильца приглашают в квартиры-эталон, расположенные в одном из микрорайонов города. Здесь на двух этажах нового корпуса разместились своеобразный демонстрационный зал. Квартиры одно-, двух- и трехкомнатные «работают» по удобному для всех расписанию. В одной из них посетителям ожидает представитель подрядчика, который здесь же оформляет заявку:

— Какие обои выбрали? Номер пять? Хорошо, так и запишем. Линолеум? Номер три... Паркет? Плитку? Какие светильники повесим в гостиной? Ах, вы хотите отделать свою трехкомнатную целиком по нашему образцу? Прекрасно!

Четырнадцать вариантов работ предлагают новоселам балаковские стро-

ру посмотреть, как идут дела. И высказать прорабу претензии, пожелания. После окончания работ новосел с семьей приходит принимать квартиру. Ясно, что при таком порядке не скалтуришь: заставят переделать. Затем отметки по пятибалльной шкале, выставленные своим квартирам новоселами, суммируются, выводится средняя. С ней и считается принятым новый дом. И только после — но ни в коем случае не раньше — получают то, что им причитается, и строители.

— Знаете, кто наш самый строгий контролер? — говорил начальник местного жилстроя Аркадий Константинович Ислентьев. — Женщины — будущие хозяйки квартир. Мужчина еще может не заметить мелкий дефект, но жена его — никогда!

полностью готовый к жизни в нем. Ради этого мы затеяли и развиваем эксперимент.

...А вот я в своем «отвлеченном жильце» не смог бы «засечь» отделочников в тот момент, когда они прикрывали линолеумом дыру в полу. Не мог я и обратить внимание электриков на отсутствие света в туалете. Ведь по существующему ныне порядку распределения жилья строители уходят из квартиры раньше, чем в нее войдет новосел.

Кажется, преимущества опыта балаковцев налицо, но вот факт, без комментария трудно объяснимый. Из 110—120 тысяч квадратных метров жилья, которые мастера «Саратовгэсстрой» ежегодно сдают горожанам, на долю экспериментальной площади приходится всего 7200 квадратных метров.

КВАРТИРА НА ЛЮБОЙ ВКУС

Петр НОВИКОВ.
Фото Виктора САККА

ители. Средняя стоимость заказа — от шестисот до двух с половиной тысяч рублей, в зависимости от размеров квартиры и трудоемкости работ. Уточним: в стоимость улучшенной отделки входит не цена той работы, которая обычно выполняется после окончания монтажа, а лишь разница между стоимостью стандартной отделки и фактически выполненной.

Еще уточним: высококачественные отделочные материалы новоселы покупают не по розничным ценам, а по более дешевым — оптовым.

А какова география поставщиков! Линолеум из Югославии, Мытищ, Сумгита. Плитка — из Чехословакии, Югославии, Турции, Харькова, Волгограда, Воронежа. Обои — из ГДР и Саратова (кстати, лучшие в стране). Много отдал бы, предложи мне кто-нибудь несколько месяцев назад порываться на полках такого хозяйственного магазина!

...Далее взаимоотношения между новоселом и строителем развиваются так. Новосел не раз и не два, а сколько захочет может прийти к себе в кварти-

ру. На трех китах стоит здание балаковского эксперимента. Высокое качество работ и безусловная экономия от того, что отделочные материалы из экспериментальных квартир не выбрасываются на свалку. Это раз. Вторая опора — инициативные люди, которые верили и верят, что настали, наконец, времена, когда поговорка «инициатива наказуема» окончательно уйдет в прошлое. И, в-третьих, эти инициативные люди в своем эксперименте опираются на человеческий фактор. Новая форма взаимоотношений заказчика и подрядчика живет потому, что учитывает жизненно важные интересы каждого конкретного человека.

Начальник ордена Ленина управления «Саратовгэсстрой», которое, помимо своего основного дела — возведения атомной электростанции, — строит в городе и жилье, Александр Иванович Максакос говорил:

— Большую популярность завоевал сейчас метод работы с оплатой труда по конечному результату. Что есть конечный результат труда строителя? Дом,

Это сто сорок квартир. Интересно и другое: ни один из очередников, дождавшихся своего часа, не отказался от улучшенной отделки.

Эксперимент балаковцев привлек к себе внимание солидных ведомств. На основании «Инструкции о порядке выполнения работ по оборудованию и улучшенной отделке квартир по заказам граждан с привлечением их средств», утвержденной одновременно в Госплане, Минфине, ВЦСПС и Стройбанке СССР, новую систему строительства жилья решено было опробовать практически во всех союзных республиках, а также в Москве и Ленинграде.

Летом 1984 года в Госкомгражданстрой при Госстрое СССР съехались специалисты со всей страны, чтобы оценить первые итоги предложенного балаковцами новшества. Анализ подтвердил интерес новоселов к эксперименту, но при этом выяснилось, что выгодное всем нам совсем не выгодно... строителям.

Это им платить штрафы за то, что смонтированный дом не сдан новоселам

в сроки, установленные действующими нормами.

Это им лишаться премий за то, что не растет, а даже падает в целом производительность труда, неуклонный рост которой определен соответствующими инструкциями.

Это им в конце концов отвечать за перерасход отделочных материалов.

Между тем и кадровый вопрос тоже требует своего решения. Мало найти столько мастеров 5—6-го разряда, сколько требуется для выполнения всего объема высококачественных работ. Надо ведь им платить и соответствующую зарплату. А где взять деньги, если фонды на зарплату установлены согласно действующим правилам, а отнюдь не экспериментальным?

«Нет высококачественных материалов, — единодушно и с видимым облегчением докладывали на совещании одни. — Поэтому и сворачиваемся». «Перегружены обязательствами по жилищному строительству», — извещали другие. Один за другим закрывались полигоны, выделенные по предварительной договоренности для экспериментальных работ в Прибалтике, Белоруссии, Молдавии, Грузии, Азербайджане, Киргизии... Не стали дальше возиться с этим делом и в Москве.

Однако в Балакове мужественно планируют, неофициально, разумеется, сдать еще два дома с улучшенной отделкой по сто восемь квартир каждый. Возникает вопрос: чем же балаковские строители оказались сильнее своих многочисленных коллег?

— Действующие строительные нормы и правила едины для всех, — говорил мне начальник балаковского жилстроя А. К. Ислентьев. — Чтобы получить, скажем, качественно окрашенную поверхность, нашему мастеру так же, как и везде, нужно проделать одинадцать операций. А по существующим нормам у него есть время лишь на четыре-пять. Стоит ему улучшить качество, как тут же упадет производительность труда, заработок, соответственно и интерес к делу.

— Формально у нас есть основания отказаться от эксперимента, — говорит начальник «Саратовгэсстрой» А. И. Максакос. — Все существующие правила, нормативы, инструкции против эксперимента. Но согласитесь, работать «по правилам» в то время, когда жизнь требует от каждого из нас инициативы, поиска резервов, — просто совесть не позволяет! Наши люди почувствовали вкус к качественной работе. Строить кое-как они уже не хотят.

Балаковцы предлагают: настало время узаконить эксперимент и с точки зрения нормативной. План с учетом ввода домов с улучшенной отделкой позволит строителям не волноваться из-за зарплаты, а финансистам из-за кредитов, выданных строителям. Повышение строителям-профессионалам зарплат — ведь они будут выполнять художественную работу! — решит вопрос материальной заинтересованности. А коли работа будет включена в план, снабженцы в обязательном порядке обеспечат мастеров-художников необходимыми материалами.

Это на первых порах. Затем, поскольку мнение «дайте построить хоть как-нибудь, ведь люди ждут», ныне устарело, предлагается организовать Дом новоселов — своеобразную первичную организацию новой системы жилищного строительства. В этом доме будущие новоселы закажут загодя — по образцам, проспектам, слайдам, кинофильмам — всю необходимую отделку своего будущего жилища, посоветуются со специалистами, прикинут свои материальные возможности, оформят заказ.

Именно опираясь на эти заказы, заинтересованные организации составят заявки на материалы, определят фонды заработной платы и все остальное, необходимое для того, чтобы мастера гордились своей работой, а мы, новоселы, не устраивали свалок под окнами, то есть, говоря словами Виктора Чеботаря, «вошли в квартиру и стали жить».

В СООРУЖЕНИИ ОПЫТНОГО НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА «СОЛНЦЕ» УЧАСТВУЮТ ВЕДУЩИЕ СПЕЦИАЛИСТЫ ФИЗИКО-ТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ИМЕНИ С. В. СТАРОДУБЦЕВА АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР.

ШЕСТЬДЕСЯТ ДВА ГЕЛИОСТАТА ФОКУСИРУЮТ СОЛНЕЧНЫЙ СВЕТ НА ГИГАНТСКИЙ ЗЕРКАЛЬНЫЙ КОНЦЕНТРАТОР.

**Наука —
техника —
прогресс**

Виктор САКК.
Фото автора

Ташкент остался позади. Теперь машина шла по шоссе, и солнце палило особенно нещадно. Я опустил боковое стекло, надеясь, что в кабине станет прохладнее, но знойный ветер не освежал.

— Это еще ничего, у нас на объекте жара доходит до сорока трех, — заметил Пирматов.

Мы ехали на «объект». Дорога шла сначала вдоль каменистого полувысохшего русла реки, потом заплетляла в тьянь-шаньских предгорьях. Сморенный жарой, я и не заметил, как задремал. Мне привиделась картинка из старого школьного учебника: солнечный зайчик скользит по борту римской галереи с воинами, вот он остановился, уменьшился в размерах — и... корабль запылал...

Машину качнуло на повороте, и я очнулся. Мы въезжали в ущелье. Я рассказал о привидевшемся Пирматову. Мой спутник, директор строящегося научно-производственного комплекса «Солнце», рассмеялся:

— Сон в руку. Только наш солнечный зайчик в фокусе даст три тысячи пятисот градусов по Цельсию и запросто будет плавить металл. Поэтому металлурги возлагают большие надежды на солнечную печь.

**Солнце
в роли металлурга.
Сегодня это уже
не фантастика,
а реально
осуществляемый проект
советских ученых
и конструкторов.**

СОЛНЕЧНАЯ

**ФЕРУЗА АШУРОВА НА СТРОЙКЕ
ПРИБРЕЛА ПРОФЕССИЮ СТРОИТЕЛЯ.**

**ГЕОДЕЗИСТЫ ПРОВОДЯТ ТОЧНЫЕ
ЗАМЕРЫ И ЮСТИРОВКУ ЗЕРКАЛ.**

ОСНОВАНИЕ КОНЦЕНТРАТОРА.

— А чем она отличается от обычной? — спросил я.

— Во-первых, материал плавится сам в себе, то есть ненужным становится привычный тигель, во-вторых, плавить можно в любой среде, в-третьих, возможно мгновенное охлаждение. Эти и некоторые другие способности солнца-металлурга позволят получать сверхчистые сплавы, причем в немалых количе-

**МОНТАЖНИКИ ПРОЯВИЛИ НА
УНИКАЛЬНОМ ОБЪЕКТЕ ВЫСОЧАЙШИЙ
ПРОФЕССИОНАЛИЗМ И МУЖЕСТВО.**

Я ПЕЧЬ

ствах. На обычных металлургических установках достичь таких результатов просто невозможно.

Мы въехали в небольшой поселок, расположившийся на склонах. Перед нами предстала вереница современных двухэтажных коттеджей, отличающихся оригинальной архитектурой.

— Здесь будут жить ученые-металлурги, — пояснил Ильхом Исаакович.

Еще один поворот дороги, и на вершине высокого склона появилось фантастическое сооружение, придававшее окружающему пейзажу что-то неземное, космическое. Серебристо-желтое сооружение, массивное в основании, взмывало ввысь ажурными переходами. Чем ближе подъезжал запылавшийся «жигуленок» — сказывалась высота, — тем сильнее поражали размеры конструкции.

— Это основание гигантского концентратора. Видите: со стороны он напоминает парус, правда, сказочной величины. — Пирматов на правах хозяина любезно согласился быть моим гидом. — Общая площадь зеркала — две тысячи квадратных метров. А напротив концентратора на бетонных террасах установлены шестьдесят два гелиостата площадью пятьдесят квадратных метров каждый. Гелиостаты — это зеркальные отражатели. Их назначение — постоянно следить за солнцем и направлять на концентратор лучистую энергию. Необычно смелая архитектура и дизайн сооружения — проект его, кстати, отмечен в свое время золотой медалью Союза архитекторов СССР как лучший проект года — подчинены одной цели: не допустить даже малейшего колебания огромного зеркального паруса, не сбить с «прицела» шестьдесят два солнечных зайчика. Решить эту задачу в условиях высокой сейсмичности очень сложно. От авторов проекта потребовались нестандартность, смелость конструкторских решений. Ведь многие вопросы ставились впервые в строительной практике.

Проект опытной промышленной гелиоустановки вообрал в себя многие новые идеи узбекских ученых. В качестве отражателя впервые выбрано коническое зеркало вместо традиционного параболического. Оно обеспечит более равномерную концентрацию света на фотопреобразовательных элементах, чем параболическое. Это намного упрощает и удешевляет изготовление солнечной установки.

Впервые применено теллурическое покрытие зеркал. Оно значительно выгоднее покрытия из алюминия и других металлов. Теллур почти в десять раз дешевле серебра и значительно устойчивее к атмосферным воздействиям.

А вот в этой прямоугольной башне, — продолжал свой рассказ Пирматов, — расположен гелиоприемник, в котором будет фокусироваться собранный концентратором солнечный свет. Это, по существу, и есть солнечная печь — сердце сооружения. Осталось еще сказать, что всю фокусировку гелиостатов, их слежение за солнцем будет осуществлять автоматика по заданным программам, рассчитанным на 8—10-часовой рабочий день. Замечу, что и на других объектах гелиокомплекса найдут широкое применение уже освоенные профессии солнца. С его помощью будет создаваться комфорт в коттеджах жилого поселка и даже показываться время на часах, которые украсят фасад конференц-зала. Но главное — солнце приобрело новую профессию, профессию металлурга. И это уже не фантастика, это сегодняшний день.

Короткая экскурсия подошла к концу. Недалек тот день, когда опытная гелиоустановка даст первые результаты. Основываясь на опыте узбекских ученых и конструкторов, в других южных районах нашей страны будут созданы новые, более мощные солнечные печи, страна получит сверхчистые, высококооперные материалы, так необходимые новым развивающимся отраслям промышленности.

Лев ОЗЕРОВ

КАК "ПРОБИТЬСЯ" В ПОЭТЫ

Недавно я получил письмо, в котором была фраза: «Помогите пробиться в поэты». Эта, с позволения сказать, просьба меня не только озадачила, но и ошеломила.

Это чудовищно!
Пытаюсь представить себе такого рода просителя в эпоху Пушкина. Не могу. В эпоху Некрасова. Не могу. В эпоху Блока. Не могу.

Почему же стало возможным сейчас такое просить, о таком писать? Что случилось?

Поэзия в сознании некоторых наших молодых современников перешла из области призвания в сферу чуть ли не должностную. Из сферы бескорыстного служения и душевной ответственности в область, якобы сулящую материальные блага и «красивую жизнь».

Приходит рукопись начинающего автора. Стихи слабые, в них владычествоует унылый шаблон. Поэт еще не виден. И неясно, будет ли увиден. Но автор оформил свою рукопись должным образом: на титульном листе внизу проставлено издательство («Молодая гвардия») и год издания (1986). В письме задан вопрос: а может быть, передадите (в случае неудачи) в «Московский рабочий»? Мотив? Автор работает на одном из предприятий Московской области.

Такой утилитарный подход к своим попыткам, начинаниям, прогам ностраживает и огорчает. Такая преувеличенная оценка своих сочинений отпугивает. Не хочу возводить напраслину на всех начинающих. Но и не имею права замалчивать тенденции, кото-

рые — час от часу — все более ошутимы.

Один остроумный человек писал не без горечи: начинающему поэту нужен Троянский конь, а не Пегас.

Печально, что молодые силы расходуются не по назначению. Вместо серьезной и длительной работы над собой, над раскрытием своего дарования (если оно есть), над словом человек истощает себя в погоне за «местом». А ведь место — то в литературе не нумерованные, не загодя заготовленные. Место в литературе у настоящего поэта свое особое, устанавливаемое его произведениями. Он ничье место не занимает, и никто другой не может занять его.

Как бы мы ни любили Михаила Светлова, усаживать его на место предшественников нет смысла. У него своя собственная делянка на Парнасе. Ушел Михаил Светлов, и никто не может занять его места.

В этой незаменимости и неповторимости поэта вижу модель незаменимости и неповторимости каждого человека.

Итак, меня отпугивает деляческий подход к своей литературной судьбе с первых же шагов, с первых же попыток.

Большим злом считаю леность ума и вялость рабочих мышц начинающего литератора. Подчас иждивенческий подход к работе.

Не так давно один молодежь автор принес мне свою рукопись.

— Здесь три тысячи сто двадцать семь строк, — сообщил он. Подсчитал. Не поленился.

— Буду читать, — говорю ему. — А пока суд да дело, не покажете ли мне хотя бы одну, две, ну, десять строк, которые меня сразу заинтересовали бы? Лучшие, что ли, ваши строки, заповедные.

— Сами увидите. Не знаю, с моей стороны, это было бы нескромным — указывать на свои лучшие строки...

Нина ЛОКШИНА

✿
*Моросило... И тепло рано...
Поднимаясь от сырой земли,
Осьминожь щупальца тумана
В сумраках по комнате ползла.*

*И легла на праздничные лица
Тень непраздничного бытия...
А казалось, радость будет длиться
Столько, сколько будем ты и я.*

*Нежная,
как в первый день творенья,
Пенилась листва вокруг стволов.
Вечер был. И утро. Было время
Думать, не обдумывая слов.*

Листок

*Как строен ствол и как высок,
Его растили предки,
А я лишь маленький листок
На самой верхней ветке.*

*Я вижу солнце и траву,
И смену тьмы и света,
Но я недолго проживу —
Одну весну и лето.*

*Ночами стало холодней,
И медленно светает,
И, отрываясь от ветвей,
Взлетают птичьи стаи.*

*И я за ними в свой черед
Метнусь прозрачной тенью,
Но будет кратким мой полет
И медленным паденье.*

*Все те, кто знает, что им надо,
На правоту обречены,
И не послужит им наградой
Сознание собственной вины.*

*Счастливые! Я не чета им,
Мне эта роль не по плечу,
Я проповедей не читаю,
Я исповедаться хочу.*

*Не любовь, не печаль, а досада
На любовь, на печаль, на слова,
Уцелевшая в дни листопада
На ветвях истлевала листва.
Это все было важным вначале,
А теперь и не стоит труда,
А деревья ветвями качали —
«Никогда... Никогда... Никогда...»*

*Эта быстротечная минута
Превращалась в бесконечность дня,
Теплохода тесная каюта —
В необъятный мир вокруг меня.*

*Мир, где всех предметов очертанья
Растворялись в небе и воде,
Где терялось чувство расстоянья,
Где все мысли были о тебе.*

*Мир, где все вокруг и все, что рядом,
Обретало дивные черты,
Где царил вечная триада
Разума, добра и красоты.*

Позволительно спросить, что же нужно считать нескромным — принести только десять строк или три тысячи сто двадцать семь? Странное понятие о скромности!

— Значит, — говорю ему, — вы старатель, который не хочет сам промывать песок. Пусть, мол, это делает другой, находит крупинки золота. Так?

Прочитал я эту рукопись. Нашел с десяток строк, говорящих о несомненном даровании автора. Для начинающего, еще не научившегося отделять песок от крупинки золота, а пшеницу от плевел, это допустимо. Он учится на том, как доводить свои строки до уровня наиболее удачных. Но для опытного человека, автора нескольких или многих книг, сие недопустимо. Читатель не станет с опытным поэтом проделывать то, что проделал я с начинающим. Он не станет промывать песок. Ему подавай золото.

Многословие, потоки строк, бездушное версификаторство, инфляция слова, высказывания, не обеспеченные золотом мыслей и переживаний, — род недуга. Здесь дело не только в недостатке мастерства. Причины более глубокие. Безответственность, непонимание значения и силы слова, верхоглядность. И еще: недержание речи — отсутствие самоконтроля и взискательности критики, недоверие к читательской строгости и честности.

Наша литература достигла такой степени развития и самосознания, что позорно оправдывать растянутые, серые, невнятные вирши величием взятых тем.

Самые простые средства нужны для того, чтобы произвести глубокое впечатление. Думаю об этом всякий раз и вспоминаю шестистишие А. Твардовского:

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие
не пришли с войны,
В том, что они — кто старше,
кто моложе —

Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог,

но не сумел сберечь, —
Речь не о том,
но все же,
все же,
все же...

Никаких претензий на глубокомыслие, никаких образных и словесных ухищрений, все шестистишие выглядит как запись из дневника. Но впечатление от этих строк непреодолимое, чувство шемящее, след глубокий... Да и вся книга «Из лирики этих лет» — наиболее зрелая из книг Твардовского. Самая зрелая и притом самая немногословная, тоненькая, с тетрадь величиной. Очевидна прямая зависимость зрелости и немногословия.

Одна строка. Мало ли это? Нет, много, если она исполнена смысла и значения. Одна строка может утолить духовную жажду в большей степени, чем иные пространственные монологи. «Онегин» — это летуче-кратко, а иное куда же восьмистишие в номерах журнала — это тяжело, затянато.

Одна строка? Что строка! Одно слово. И оно весомо в стихотворении. Есть у С. Есенина строфа:

И меня ль по ветряному свею
По тому ль песку
Повезет с веревкою на шею
Полюбить тоску...

К. Паустовский признается, что не знал значения слов «ветряной свеи». И вот однажды к писателю в гости пришел его друг — краевед. Оба пошли в луга, за реку. Накануне был ветер, и на песке, как это бывает всегда после ветра, лежала волнистая рябь.

— Вы знаете, как это называется? — спросил краевед, указывая на волнистую рябь.

— Нет, не знаю.
— Свеи! Ветром свевает песок в рябь, потому и такое слово.
«Больше всего я был рад, что слово

это выражало поэтическое явление природы», — пишет Паустовский. Он так и предполагал, еще не зная точного смысла самого слова. Но место в есенинской строке, которое оно занимает, его звучание, его живописность делают слово «свеи» здесь незаменимым.

Что слово! Одна буква может изменить если не смысл, то интонацию, мелодику стихотворения.

И чувства нет в твоих очах,
И правды нет в твоих речах,
И нет души в тебе.

Конечно, можно прочитать эти строки Ф. Тютчева без начального «И». Можно. Но сразу же нарушится не только ритм, но и интонация, внушающая торжественность и говорящая о значительности высказывания. Одна буква, один гласный звук создает тон, возвышенный, приличествующий данному содержанию.

Какое сильное чувство надо испытывать, какую чувствовать ответственность, когда берешься за перо. Нельзя не помнить, грешно не помнить, что под стихами, написанными на русском языке, ставили свои подписи Державин и Жуковский, Батюшков и Пушкин, Лермонтов и Тютчев, Некрасов и Фет, Блок и Хлебников, Ахматова и Маяковский, Пастернак и Исаковский.

Конечно, можно быть снисходительным. Можно прощать ошибки юности. Можно, наконец, понять, что повышенные требования далеко не все выдерживают.

Но статью на такую точку зрения непозволительно. Езда с опущенными вожжами не для поэзии. Она требует напряжения. Тетива лука натянута. А стреле лететь далеко — за горизонт.

И в этом максимализме нуждается прежде всего сама молодость.

Зовется так воздушно — Муза.
Как прост венок ее, как мал.

Не верьте, тягостнее груза
еще никто не поднимал.

Это слова Надежды Кремневой, приславшей мне не несчетное количество заполненных стихами страниц, а ровно столько стихотворений, сколько может показать ее с лучшей стороны. Редкий случай ранней взискательности и строгого самоконтроля. Теперь Надежда Кремнева — автор двух книг, поэт, отмеченный «лицом необщим выраженьем».

...Моя рабочая комната, по мнению друзей, напоминает складское помещение. Одновременно она жилье. Виктор Шкловский сказал по этому поводу: кровать вы сменили на койку, теперь надо койку сменить на гамак.

Большой отсек моего склада-комнаты — это рукописи начинающих. Их устрашающе много. Особенно это тяжело для моих глаз, перенесших две операции. Количественные показатели в искусстве необедительны. Дайте одно стихотворение, но настоящее. Одну строку, но крылатую. Увы, инфляция слова и стиха достигла неслыханных размеров. И все же таланты есть. Они крайне редки, но имеются.

Сейчас для поэтического вернисажа «Смены» я выбрал двух авторов: это Нина Локшина (Москва) и Игорь Непомнящий (Брянск). Она — научный сотрудник, он — студент. Этих авторов я не представляю в качестве образца или идеала. Они в работе, в поисках. И я выбрал их в силу серьезности их отношения к поэзии, их влюбленности в поэзию, их бескорыстия. Мы встречаемся, беседуем, у нас установились взискательные рабочие отношения. Оба автора не рвутся в печать. У них в запасе по книге стихов, вернее сказать, по тетради. Им близок девиз М. Володина: «Приятней быть не книгой, а тетрадкой». И все же, все же, все же... наступает момент выхода к читателю. В традициях «Смены», как наблюдаю, споспешествовать этому выходу.

НОВОЕ ИМЯ

Игорь НЕПОМНЯЩИЙ

Сюжет

Какая странная погода!
Они не виделись полгода —
И вот столкнулись на углу.
И точно вымерла округа,
И тень, качнувшись от испуга,
Всем телом прыгнула во мглу.
Минута или две — не боле...
...О пыльном ветре и о школе,
О том, что — жаль — не по пути...
О том, о сем, о том, об этом,
И лишь о главном — рикошетом:
Прости, прощай. Прощай, прости...

Сумерки

...с тех пор полюбил я, лицо запрокинув, смотреть,
Как голубь и ласточка мчатся в темнеющей сини,
И как-то по-детски надменно, боясь умереть,
Так суетно верил, что стану бессмертен отныне.
И так безоглядно жилось мне на шаре земном,
Таким же тяжелом и хрупком, как облако в небе,
Что мир мне казался распахнутым настезь окном
И знать не хотел я, что есть и заботы о хлебе.
И в этой гордыне забыл я о черной земле,
О той, на версту в глубину пропитавшейся потом,
Слезами и кровью... И вдруг — пошатнулся во мгле
От памяти, кто я такой и откуда я родом.
И я пошатнулся, и не устоял на ногах,
И телом неловким упал в тесноту глинозема...
А голубь и ласточка чертят круги в небесах —
Две точки, две тени, бесплотно,
почти невесомо.

Почерк Глазкова

Детский почерк поэта Глазкова.
Нынче этак не пишут — рисковно,
Да и хлопотно, да и смешно
Для эпохи цветного кино.
Он печатными буквами пишет
То, что внутренним слухом услышит
В голосах самолетов и птиц,
То, что внутренним зреньем увидит,
То в неслгаженных
Строчках и выйдет
На поверхность светлейших страниц.
Не заботясь о личном бессмертье,
На обычном почтовом конверте
Пририсует цветок в уголке...
Нынче почерки ценят иные:
Не каракули, а прописные,
Подчиненные твердой руке.

«А в старом парке
листья жгут,
Он в сизой дымке весь...»
В. ШЕФНЕР

Опять на медленном ветру
Ольха заламывает руки...
О, что мы знаем друг о друге?
Мы — безымянны на миру.
Здесь, между лип и тополей,
Звучащих слаженно и кротко,
Ольха моя, ты инородка
С нежданной дерзостью твоей.
Ольха моя, о чем, о чем
Мольба твоя без передышки
Неподалеку от афишки
С розовощеким циркачом?
Что он тебе, что ты ему,
Висящему вниз головою
Над жаркой бездной мировою
И знающему что к чему?
...А в старом парке листья жгут,
И горек дым продолговатый,
Не мы ль безвинно виноваты,
Что листья жгут и счастья ждут?
Ольха моя, шуми, шуми...
Под небесами городскими
И безымянность — тоже имя,
Коль приживешься меж людьми.

Снег метет.
И птицы в страхе
Затаились по углам.
Лишь вороньих гнезд папах
Вижу с горем пополам.
Птицы спрячутся, но эти
Липы, клены,
тополя?
Им на белом этом свете

Что прикажешь, мать-земля?
Им-то как под белой вьюгой,
Под вьюгой, затмившей свет,
Где — аукай, не аукай —
Все одно ответа нет.
Снег. Метет. И птицы в страхе
Затаились по углам.
Лишь вороньих гнезд папах
Вижу с горем пополам.

Молодежная мода

и немного удлинена. Наряду с прямым силуэтом полуприлегающий и приталенный завоевывают все большую популярность, особенно в костюме и платье. Здесь силуэт строится на контрасте расширенного плечевого пояса с узкими талией и бедрами.

Сочетание длины «мини» и «миди» в одном ансамбле вполне допустимо. Скажем, плащ или легкое пальто, свободное по форме, длиной по щиколотку надето поверх комплекта. Свободная блуза из тонкой шерсти с узкой юбкой до коленей создаст контраст длин.

Цветовое решение ансамбля сразу говорит о его возрастном адресе. Контрастное сочетание серебристо-голубого плаща с фиолетовым пиджаком и брюками из набивной бежевой ткани вряд ли придется по вкусу людям зрелого возраста. Такой вариант приемлем только для молодежи.

Принцип свободного комплектования ансамбля привел к взаимопроникновению разных стилей в одежду, изменению обычных сочетаний предметов в нем. Так, плащ спортивного стиля с «английским» воротником свободно соседствует с классическим жакетом и широкой длинной юбкой романтического стиля.

Многослойность — по-прежнему одна из главных черт современной моды. Для создания необходимого эффекта используются комбинированные материалы, отличающиеся по цвету, фактуре, применяемому сырью.

Для утепления и защиты от дождя можно предложить жилет из синтетических материалов, надеваемый поверх пальто, под которым, в свою очередь, находятся пиджак, свитер и рубашка-платье. Это принцип многослойности построения самого ансамбля. Жилет тоже может нести в себе эту идею — к нему пристегиваются отлетные кокетки, что создает иллюзию наслоения одного изделия на другое.

Детали в молодежной одежде заметно укрупнились, стали особенно выразительны. Для того чтобы их еще активнее подчеркнуть, используются контрастные по отношению к основному изделию цвет и фактура материалов.

Молодежную одежду, пожалуй, отличает также разнообразный ассортимент. Это пальто, полупальто, утепленные жакеты и куртки спортивного стиля, причем решение одежды этой группы может быть сходным как для юношей, так и для девушек.

Модные пиджаки, жакеты, беспокладочные куртки выполняются из сукна, фланели, твида, буклированной ткани. Вновь в моде «джинсовка».

Комбинезоны и полукомбинезоны на утеплителях предлагаются для холодного времени года. В них используются элементы, заимствованные из спецодежды, спортивной формы.

Брюки могут быть как очень широкими, так и плотно облегающими по бедрам, прямыми, зауженными или чуть расширенными книзу. Длина — от уровня коленей до щиколоток.

Юбки предлагаются самые разнообразные: прямые, косого кроя, со сквозной застежкой, запашные, в складку. Для них характерно множество деталей: кокетки, карманы разных конфигураций, отлетные полотноща, всевозможные пояса.

С мелое решение форм и пропорций, оригинальное цветовое построение костюма в сочетании с рациональностью, комфортностью и универсальностью одежды в целом — к этому стремится сегодня молодежная мода.

Акцентированная линия плеч, присущая современной моде, четко прослеживается в молодежной одежде всех ассортиментных групп. Прямой свободный силуэт верхней одежды предполагает мягкое округлое расширение плеча с пластично спадающими складками. Рукав цельнокроеный или рубашечного типа. Линия плеча четко выпрямлена

Ирина СЕМЕНОВА,
художник-модельер.
Эскизы автора

АНСАМБЛЬ ОСЕНИ

Скорость

Владимир АНИСИМОВ.

Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Как назвать сей далеко не роскошный агрегат, не знают и сами его создатели. Мотоцикл-амфибия? Моторекоболоход? Он прокатил, к великому восторгу детворы, по песчаному пустырю, лихо промчался (километров двадцать в час) по бетонке и уверенно съехал в быструю речку Аган.

Построили его Леонид Сергиенко и Федор Шевчук, молодые рабочие из молодого города Радужного, что в Тюменской области. Федя — моторист, Леня — токарь в Варьеганском управлении буровых работ. Шевчук, считай, северный старожил — шесть лет в Радужном.

Был у ребят старенький «Восход», да только куда на нем по здешним болотам? А оба рыбаки заядлые. Решили поставить свой мотоцикл на три баллона от грузовика.

Первый блин почти комом вышел: тонул вездеход в воде. Не совсем чтобы камнем ко дну, но погружался изрядно. Догадались: надо сделать широкое днище из пенопласта. Теперь другое дело — даже сапоги не обязательно надевать.

Правда, обнаружился еще один конструктивный недостаток — переднее ко-

лесо в воде служит тормозом, к тому же и выехать на берег можно только задним ходом. Но уже придумано новое техническое решение — переставить мотоцикл на все четыре колеса, и чтоб оба моста были ведущими. Первый вариант машины строили полгода. Во второй раз, надо полагать, справятся быстрее.

Кстати, мы видели у одного из домов в городе подобную четырехколесную машину, но установить владельца не удалось. Вот уж действительно не роскошь, а удобное по здешним местам средство передвижения...

Нередко приходится слышать сетования: в северных городах не создаются условия для полноценного досуга, отдыха молодежи, для творчества, наконец. Сетования обычно справедливые, и Радужный в этом смысле не исключение. Слабая спортивная база, для технического творчества вообще никакой нет, отсутствуют пока различные секции, кружки, клубы по интересам и так далее. Но это уже тема отдельного разговора; нам хотелось бы сейчас обратить внимание на другое. Всегда и везде есть увлеченные люди, умельцы на все руки, как Федор и Леонид. Особенно тянутся к ним подростки, которых хлебом не кор-

ми — дай повозиться с необыкновенной машиной.

В быстро растущем городе наверняка найдутся и другие незаурядные таланты, способные объединить детвору вокруг увлекательного дела — будь то техника, спорт или что иное. Горкому комсомола, наверное, стоило бы заняться поиском таких вот неформальных лидеров, помочь им. Требуется, в общем, немного: минимум оборудования, списанных материалов и техники, которые найдутся на предприятиях города, небольшое помещение.

Сейчас по инициативе комсомольцев управления буровых работ строится спортивный комплекс. С трудом, но удалось «выбить» материалы, закрепить за комплексом строительную бригаду. А почему бы не попробовать таким же методом народной стройки «поднять» молодежный центр? Собрать под одной крышей творческую молодежь города?

Вот такие соображения вызвала нечаянная встреча на берегу Агана. Мы попросились — ребята готовились к отъезду на рыбалку. Покатали напоследок детвору — и в неблизкий путь, через реки и болота.

Рисунок
Вячеслава ПАВЛОВА

Не проходило и дня, чтобы в бюро мэтра Морта не раздавался необычный телефонный звонок.

— Нет, мадемуазель, я хочу говорить именно с мэтром Морта.

— Он занят.

— Я подожду.

Мэтру Морта исполнилось пятьдесят лет, у него были солидная контора, основанная еще его прадедом, и полное отсутствие фантазии, что обеспечивало ему прекрасное будущее.

— Алло? Мэтр Морта? Это по личному делу.

— Минутку, простите, кто его спрашивает? То есть как это меня не касается?

Секретарша мэтра Морта была вне себя от возмущения. Это продолжалось уже три недели. На сей раз она пошла к патрону.

— В чем дело, Марта?

— Опять звонит кто-то, не желающий назваться.

— У меня нет личных дел, вы это прекрасно знаете.

Мэтр Морта улыбнулся Марте. Она подошла к нему. Они обменялись коротким поцелуем, и секретарша вернулась за свой стол.

— Алло?

— Наконец-то это вы!

— Простите, вы по какому вопросу?

Этот голос, эта связующая ниточка — мэтр Морта начинал привыкать к нему, ждать его.

Голос, простой и решительный, вызывал в воображении хорошенькую, упитанную брюнетку с немного влажными глазами.

— Алло?

— Сударыня! — сказал мэтр Морта.

Голос был похож на руку, полную и гладкую руку, которую серьезные женщины кладут вам на плечо, а потом легонько — на затылок.

— Марта, — попросил мэтр Морта, — не подходите какое-то время к телефону. Я хотел бы сам снять трубку, как только раздастся звонок.

Он улыбнулся Марте, которая была славным существом и довольствовалась раз в неделю объятиями в кабинете адвоката, среди алых папок. Оставшись один, он вытянул ноги и принялся размышлять. Голос развевался, скручивался спиралью, ложился, извивался змеей.

— Алло, да, мэтр?

Он заерзал в кресле.

Она повесила трубку.

— Марта?

Секретарша покусала губы и уселась ему на колени в окружении алых ящиков для бумаг. Марта, видя его и себя в збеновом, с золотыми прожилками зеркале письменного стола, поняла, что она просто заменяла другую. Впредь она стала снимать трубку на параллельном аппарате и узнала, что такое ревность. Ее мэтр Морта ворковал с незнакомкой, каждый день он говорил с ней все дольше о дожде, о хорошей погоде. В конце недели она осмелилась войти в кабинет. Он повесил трубку так, словно прикрывал простынями застигнутую врасплох любовницу.

— Марта!

Она подошла к нему, но... ничто не может бороться с новой любовью. Она срывает фундаменты крепостей, растет день ото дня, дурачится на глазах у всех. Это центр притяжения, флюгер, ориентир. Перемену в мэтре Морта почувствовали вначале в его конторе, потом на улице, потом на большой площади, где около полудня он выпивал по стаканчику портвейна с

некоторыми нотаблями. Однажды утром голос сказал ему:

— Любовь?

— Когда мы увидимся?

— Не будем опрометчивы!

— В «Кафе лучников»?

— Не теряйте голову. Я не хочу пересудов.

— Но я свободен! А вы нет?

— В воскресенье я уезжаю утренним поездом в Париж. В первом вагоне. На мне будет сиреневый шарф.

— Хорошо, — пробормотал Морта.

Он испытывал такое сильное желание, что позвал Марту, просто чтобы увидеть ее, посмотреть на нее, только посмотреть, найти ее безобразной и вычеркнуть из своей жизни.

— Что я должна предпринять по делу о наследстве Мантуза?

— Ждать, — сухо ответил он. — Можете быть свободной.

Субботняя ночь была долгой. Он много раз поднимался подышать ночным воздухом, высунувшись, как флаг, из окна. На рассвете он открыл чемодан, приготовленный перед сном, и сунул туда флакон одеколона. Утром, за час до прихода экспресса, он отправился на вокзал. Он смог проглотить только стакан воды. Сердце билось у него не в груди, а в горле, которое распухло так, что он едва не задыхался. Голос звучал в нем: «Я сяду в первый вагон. На мне будет сиреневый шарф. Что вы подумаете обо мне? Разумно ли то, что мы делаем?»

— Как вас зовут?

— Люсьена.

— Свет! Мой свет!

Он расположился у буфетного окна, не тронув налитый ему кофе. Не было видно никакого сиреневого шарфа. Поезд подходил к вокзалу.

«Она села на предыдущей станции», — подумал мэтр Морта.

Он не нашел ее ни в первом вагоне, ни в последующих.

«Она будет ждать меня на перроне в Париже». Морта крутился под стеклянной крышей Северного вокзала, искал ее повсюду, рыскал по поезду.

«Может быть, у выхода?»

Он был уже у самых дверей.

— Сударь, — сказала ему контролерша, — сударь! Вы сейчас потеряете свой шарф.

Морта посмотрел в направлении ее вытянутого пальца. К его чемодану был прицеплен сиреневый шарф, невероятно длинный, который тащился по земле. Он вынужден был присесть на тележку, присесть тут же.

В понедельник Марта пришла к матери и с грустью рассказала ей, что мэтр Морта вернулся очень гордый своим парижским приключением и что какая-то женщина подарила ему сиреневый шарф.

— Я знаю, — сказала мать, изменив голос.

— Каким образом?

— Он слишком легкомысленно к тебе относится. Я его проучила.

Перевела с французского
Светлана ЛОМИДЗЕ.

¹ Имя Люсьена (Lucienne) происходит от лат. lux (свет).

Аспарух*

Живая,
словно жизнь,
дуга пылающего горизонта
дала отростки корневые,—
они, скрепив,
как скобы,
и слившись
в тетиву тугого лука,
удерживают твердь и землю.
И гребнем облаков — трава.

И ты,
бессмертный человек,
в раздумьях стремишься
в заполнившую
глубь души
былого неизвестность.

Символика реальность обретает:
потом — кровь за него среди ночи всенародной.
Зажженные от будущих времен
огни в кузнечных
горнах первых
дух и железо
раскаляют добела:
белеют и Дунай,
и Хемуса хребет в снегах,
льняные сарафаны
пригожих молодич-невест
на стогнах града Плиски;
белее белого
от утомленья вечного
лицо у хана.

Так незаметно за стеной
метель изветривает теплый
морщинистый комочек чернозема —
это, человек,
твой образ,
твое чело,
прижатое к стене
под сенью мрака.

И кажется,
идет от камня
полушепот:
— Умри счастливым,
ибо дом народу твоему
ты создал!

* Аспарух — хан протоболгар, основатель Болгарского государства (681 г.).

След

Георгию Константинову

На юге самый первый
и прекраснейший из дней апреля месяца.
Перед тобою
на морском песке лежат следы
свидетельством нервозности походки
пошедшего
за счастьем человека...
Но слишком поздно жизнь сверять
с тем бесконечно длинным следом.
Ты потерял друзей.
И, сгорбась над едва
пробившейся травой,
ты понял сердцем,
что такое смерть.
Осталось только с вечностью свиданье.
Тебя притягивает море,
тянет в глубь...
Ты,
не противясь,
покоряешься ему...
До хруста край стакана прикусив,
ты ощущаешь сладкую прохладу
тропического льда
в сверкании лучей.
Глаза прикрой,
туда — к истоку сердца —
взгляд направь
и разгляди,
что рвется изнутри.
Мольба о солнце
или крови зов
к твоей
неутолимой,
бегущей по крутым волнам свободе.

Видение в Толедо

Непроглядная грустная тьма
сбитого ворона
крыльями
упадает наземь...
Все в ней моментально тает:
слезная бессонная гитара,
реактивные крыла
авиакомпания «Иберия»,
округлые
хрустальные чела
бокалов,
закрывающих в себе прохладу апельсинов,
дымный огонек
над густым вином кастильским,
проблеск губ,
с которых в ночь
слетать заклятьям
песенной тоски —
до крови
и до смерти,
до рожденья,
до любви к грядущему.
И прибежищем моим,
и увлечением
сделалась корчма
под черепицу зеленою:
лодочки
подметок дамских туфель,
и коленце галстука,
над свечкой подкрасненного —
узел на
от жажды пересохшем горле,
и у стойки бара взгляды утомленные...
Кто ты есть,
приятель,
чьи глаза
будто выцвели вконец от хмеля и от дыма?
— Я-то?
Был студентом
и себя кумирам равным мнил —
там,
на высоте огнистой, яркой,
наклоненной над полоскою шоссе
аркой древнеримской акведука.
В Сеговии
с моей испанкой —
тоненькой,
как летний луч в чащобе,
повстречался.

Необходимая вера

Кольо Севову

Ах, эти белые рубцы
на склонах гор Балканских —
апрельский,
поздний снежный след —
все тоньше делаются,
исчезают,
чтобы реки
в самозабвенье торопились бы вперед —
вниз
к расцветающей и жаждущей долине.
Меня нечестным словом оглушили,
оттого внезапно
душа моя,
комочек острой боли,
сквозь удивленья полные глаза
стремглав
в синь откровенья полетела,
чтоб отыскать на вечных
дорогах лучшего из всех моих друзей.
Он,
если надо,
знаю,
мир перевернет.
Забудет про еду и сон.
В бой вступит,
но пробьется он ко мне,
пусть даже в этот день и самому ему
необходима,
как в удушье воздух,
дружеская помощь.
Не страшно мне.
Готов я схватку
с толпой хулителей
один продолжить.
Такая сила вовсе не случайна.
Самоотверженность моя идет
от веры в то,
что где-то, так же смел,
мой самый искренний товарищ
справедливость открыто защитил.

По параболе надземной —
нравился
ей —
опасно —
каждый поцелуй.
Кто,
о кто же ты,
дружище,
у стола,
стоном еле слышимым
срубленной свободы
так ошеломленный, —
в этой черной тьме
не твое ли сердце
смерть
перлюстрирует на кладбище...
Она
там —
в гробах прогнивших,
в именах,
повыдолбленных на могильных
плитах, —
дивная твоя,
вечная
и на кресте
распятая Испания...
На перепутьях изнуряющих,
в цепях,
свисающих
с как бы проржавленной стены
торчмя торчащего,
заполненного белой скорбью
кафедрального собора,
свищет ветер...
Вечер переходит в ночь,
в которой
вместе с ритмом
страстного
и грустного фламенко
всюду
по долине пиренейской
высятся простреленные силуэты —
сыновей ее.
Где-то за холмом
зарожден рассвет,
резко
в памяти моей
проявлен
лишь виденья след.

Случай

Поезд. Вагон. Клетки купе. Промельк вокзала.
В тамбуре кто-то, как призрак, качнулся, пропал.
Фосфоресцируя, вьются светильников жала,
пенился в окнах крутой,
отработанный пар.
Брошенный горем на рельсы,
о кто ты, страдалец ночной?
Скрючены пальцы агонией... И на одежде
пуговиц ряд —
точно мыслей законченных строй.
Пыткой зовется, что мнилось душой тебе прежде.
Еле заметный на пыльном асфальте перрона,
кто ты, несчастный,
дошедший до самоубийства?!
Вот уже бросились к почте, в покой полусонный, —
болью твоей телеграмма в руках будет биться.

Ассоциации
среди белых берез

Любомиру Левчеву

Поворот...
Вновь за ним разорванный круг —
шоссейная лента
под сводом расцветших небес.
Шел смерч,
и чернеет итогом смерть.
В овраге изломан света хребет:
торчат где попало нежные ветки —
суставы берез,
изувеченных тяжко.
Две торбы,
наполненных радостью,
богатый товар искони,
как будто бы два патронташа,
со мной меж холмов проплывают.
Коня подгоняют они моего
туда,
к тому краю Родоп,
где кряж вековых Балкан воздымается.
Ах, русоволосой моей голове
нынче все нипочем!
Светлеет она —
и плавится снег
там,
в безднах,
где мгла загустела,
и там,
в моем отчем селенье,
на улице
вольной, гульливой,
с названием Гранитово.
По ней невидимо
отмерены шаги
погибших,
но давно живущих,
горячею свинчаткой залпов
расстрелянных
за будущее
коммунистов.
И скалы острые ножами
прорезывают тучи,
и кроветворно для поникших нив
дождь льется,
дождь,
благословен,
струится вдоль по стебелькам пшеницы.
Тускнеет позолота —
пожухлая листва —
под обновленным покрывалом травным.
И ничего нет в этот миг,
что юность
нам зеленая вернула бы.
И в половодье
молодость была
скорей всего
в разлива час
волной большой воды —
она с любовью дерзостно влекла по руслу
клокочущие думы,
разум непокорный,
заботливо пройтись
не успела бритва
с утра по складкам кожи умудренного лица,
которое светиться начинало,
голос
свой собственный искать тогда,
в году 1935-м.
Поэт прекрасно праздновал
свой день рожденья.
В кругу орлином
разбивались вздохи,
и перья упали к руслу Арды,
как апрельский снег.
Приветливо богини улыбались,
одетые в народные наряды,
цепями якорными извиваясь,
пред нами с чувством распахнули
синь небес.
И в небе
металлической десницей
комбайны
с верхом загружали вагонетки,
снуя по тросам
из крепчайшей закаленной стали
туда-сюда,
чтоб вдосталь накормить
изголодавшуюся топку моего
алеющего горизонта.
Авторизованный перевод с болгарского
Сергея БОБКОВА.

Фото Валерия ПЛОТНИКОВА

Всеобщность, общественная значимость явлений художественной культуры имеют свою специфику. Нередко это — единичное, некое «исключение из правила», выражающее, однако, какую-то важную тенденцию развития литературы и искусства. Так случилось, в частности, с творчеством Вл. Высоцкого, еще вчера казавшимся кому-то (многим и сегодня) чуть ли не периферийным ответвлением реального художественного процесса, своего рода «нонсенсом», не имеющим прямого отношения к волнующим нас общественным проблемам и вопросам. В свете уроков правды, осмысливаемых и переживаемых общественностью под воздействием прошедшего недавно партийного съезда, ситуация изменяется буквально на глазах.

Ныне нет недостатка в смелых, безбоязненных характеристиках и оценках противоречий и недостатков в народном хозяйстве, нравственных вывихов и упущений, проявлений несознательности, бездуховности, бескультурья. Но эта смелость, так сказать, «с разрешения», пусть искренняя и исполненная гражданского пафоса (потому что немало критики и в духе социальной демагогии, мастеров каковой у нас развелось предостаточно), все-таки вызывает и чувство досады. Имеются в виду деятели культуры, возмущенные существованием и распространением у нас целых «кланов» от искусства — поставщиков отечественной псевдокультуры, низкопробной «духовной» продукции или ратующие за «правду-матушку» в искусстве и полагающие, видимо, что художественная правда, как и научная истина, входит в жизнь обязательно под аплодисменты и получает сразу всеобщее одобрение. Удержимся от сакраментального бестактного вопроса: «Где вы были раньше, отчего молчали вчера?» А просто вспомним, а кому-то напомним, что были и те, кто не молчал, не дожидаясь лучших времен и «разрешения» сказать то, о чем художник не вправе умалчивать ни при каких обстоятельствах. Ведь были и Валентин Овечкин, и Александр Твардовский, и Василий Шукшин, и Юрий Трифонов, есть Василь Быков и немало других живущих художников, которые вовсе и не «борются» за правду, а ею жили и живут. Среди них и В. Высоцкий, без высокопарных деклараций и обещаний реализовавший на деле, в самом творчестве первейшую потребность настоящего художника-гражданина — сказать правду о времени и о себе.

Вряд ли кто будет настаивать на том, что стихи Высоцкого «гениальны», музыка его песен свидетельствует о выдающемся композиторском даре, а исполнение их самим поэтом совершенно с вокальной точки зрения. Но все вместе взятое образует некий

**Владимир
Высоцкий
как явление
культуры**

В ЗЕРКАЛЕ

У Лиона Фейхтвангера есть такие слова о Бертольте Брехте: «Нетерпеливый драматург Берт Брехт написал первые пьесы третьего тысячелетия. Ему повезло: время уже при его жизни приблизилось к нему, поняв и оценив то, что он сделал».

В фойе театра, где работал Владимир Высоцкий, рядом с портретами Станиславского, Вахтангова, Мейерхольда — портрет сурового, ироничного, одновременно и отчаянно, скальпельно резкого и безжалостно уязвимого и ранимого в своей доброте и вере в человека мудрого чудака Брехта.

Опережал ли в чем-то Владимир Высоцкий свое время или с несуетной и горькой истовостью высокого ума и таланта жил в нем?

Вопрос беспредметен: правда, видимо, и в том, и в том.

Правде вообще суждено быть диалектической, о чем мы, увы, не всегда помним...

Когда «Смена» вновь и вновь возвращалась к творчеству Высоцкого (напомним наши публикации в № 18 за 1985 год и в № 11 за 1986 год), то мы не стремились опровергнуть несправедливость умолчания о нем — она была опровергнута самой жизнью, не стремились и к тому, чтобы, как это ни цинично звучит, «погреть руки» на всенародной популярности, которая пришла к нему при жизни и была канонизирована после его смерти.

Мы пытались разобраться, рассуждая вслух, чем же стал для нас Владимир Высоцкий и почему.

Сегодня мы предлагаем вам, с нашей точки зрения, интереснейший эксперимент анализа личности и творчества Высоцкого, предпринятый доктором философских наук Валентином Толстых.

Мы благодарим автора и журнал «Вопросы философии», где были напечатаны размышления В. Толстых, за разрешение опубликовать их в «Смене». Благодарим от имени множества наших читателей, которые столь часто обращаются с просьбой помочь им разобраться в феномене Владимира Высоцкого.

сплав — уникальный, индивидуально-невоспроизводимый, оказывающий на слушателей сильнейшее воздействие. Его творчество неразложимо, целостно в самой основе, существе своем, требуя от того, кто берется о нем судить, такого же целостного подхода и оценки. При этом надо по возможности полнее учесть то обстоятельство, что Высоцкий появился не «вдруг» и не сам по себе, а в составе некоей особой ветви литературы и искусства 60—70-х годов, представленной именами Б. Окуджавы, Н. Матвеевой и других наших поэтов-бардов. (Не знаю, как они сами относятся к тому, что их называют так, но они именно барды, т. е. поэты-певцы и декламаторы, если исходить из социальной функции и жанровой характеристики их творчества.) И, стало быть, творчество Высоцкого нельзя понять вне общего контекста развития нашей художественной культуры последних десятилетий.

О Высоцком написано и сказано уже немало¹. Вопрос в том, насколько наши попытки объяснить этот феномен основательны и результативны, т. е. раскрывают истоки, закономерность возникновения,

¹ Два издания книги стихов поэта «Нере» сопровождаются обстоятельной вступительной статьей Р. Рождественского; появились брошюра И. Рубановой «Владимир Высоцкий» (издание Бюро пропаганды советского киноискусства), несколько пластинок его песен. В журналах и газетах опубликованы интересные статьи Я. Варшавского, А. Вознесенского, А. Демидовой, Ю. Карякина, Н. Крымовой, Л. Лавлинского, В. Надеина, И. Павловой, М. Снегирева и др. С критическими суждениями в адрес поэзии и песен покойного поэта неоднократно выступал С. Куняев.

художественную и общественную ценность его творчества. Понятно стремление найти и обозначить его место в искусстве, среди поэтов «хороших и разных». Без таланта, конечно, нельзя, просто ничего не получится. Но для того, чтобы талант проявился, надо, чтобы он понадобился, отвечая своим появлением каким-то потребностям общества и времени. Подход к оценке смысла поэзии для нас вполне естественный, можно сказать, традиционный. В соответствии с точным наблюдением: «Поэт в России больше, чем поэт!»

Настоящая статья представляет собой попытку социально-философской характеристики творчества Вл. Высоцкого, рассмотренного в основном в культурологическом аспекте.

Начать надо с того, что явление это — Владимир Высоцкий — сложное, весьма противоречивое, озадачивающее многих и многим. Попробуйте, скажем, объяснить неубывающую популярность его как барда, поэта-песенника, и вы столкнетесь с самыми полными ощущениями и оценками, которые придется принять во внимание. Это если считать с тем, что люди по-разному воспринимают одно и то же явление, и не считать пределом формулу «о вкусах не спорят». Спорят — еще как! Ведь для одних (очень многих!) это почти кумир, откровение, «охрипшая совесть» целого поколения, принимаемый почти безоговорочно во всем, что им сочинено и напето. А для других (их тоже предостаточно!) он не более чем модное явление, «хрипун», сочиняющий «на потребу» сомнительного свойства песенки и подыгрывающий невзыскательному вкусу. Одни буквально упиваются его песнями и балладами, не замечая многочисленных отступлений от правил классического стихосложения, «торчащих» рифм, сбоек ритма и пр. Другим все эти отклонения и нарушения коречат слух настолько, что они ничего другого (разве еще и голосового надрыва) не слышат, не замечают. Есть люди, предпочитающие Высоцкого читать, а не слушать, которым его собственное исполнение мешает понять то, что он хочет сказать. И, напротив, подавляющее большинство с трудом воспринимает его стихи без музыкального, обязательно его собственного сопрождения.

Меня поразило единодушие, с каким очень разные люди, не сговариваясь, почти в унисон говорят о человеческом и гражданском смысле творчества Высоцкого...

«Вы посмотрите, как все просто и ясно у него в песнях и стихах. Но ведь до него никто этого и об этом так не сказал. Он находит слова не только доступные, доходчивые, но близкие всем своей болью, состраданием, пониманием других. Сейчас стало трудно расшевелить, взволновать, тем более потрясти. Мы живем как-то «официально», «театрально», что ли, как бы играя роли — производственные, служебные,

воспетые, — полуспившийся Ваня, приклатненный Сережа, дефективная Нинка и т.д. А особенно то обстоятельство, что подобные песни пришлись по душе разного рода торгашам-шашлычникам».

И возникает вопрос: а может быть, есть еще и другой, второй Высоцкий — тот, что пришелся по душе мещанам, всякого рода умственным и нравственным недорослям? Нет, Высоцкий один и един в своем творчестве, но надо по возможности объективнее, историчнее подойти к восприятию и оценке его творческого пути, который не был таким гладким, проторенным, как кому-то хотелось бы это представить, где, безусловно, были и свои сложности, и срывы, и «сдача позиций», позволяющие посчитать его «своим» тем, кого он вряд ли сам назвал бы своими единомышленниками. Не следует упускать из виду и то обстоятельство, что между Высоцким, начинавшим пробу пера и струн с полублатных песен, ёрнических поделок и шутильных зарисовок, и тем, кто написал баллады «На братских могилах», «О борьбе», «О времени», разница большая и принципиальная. Общий контекст творчества поэта не надо терять при анализе даже самых ранних его песен.

Итак, налицо весьма серьезное разночтение в трактовке одного и того же явления. Но удивительно не самое это разночтение и непонимание, привычное в мире искусства. Удивительно то, что пройти мимо Высоцкого, оказаться им не задетым мало кому удалось. Тут есть какой-то секрет, какая-то загадка, которую надо разгадать.

Попробуем разобраться. Займемся вопросом скорее философским, чем филологическим, — с чего начинается поэт и кого можно такovým назвать. Видимо, все согласятся, что разгадка такого явления, как Высоцкий, начинается все-таки не с рифм и не с мелодики его песен-стихов, а с обозначения духовной природы и социально-культурной значимости его уникального дара и творчества. Или иначе с выявления той потребности, нравственной и эстетической, которую он, так сказать, явочным порядком реализовал, выполнил в составе живой, развивающейся художественной культуры наших дней. Почему, собственно, именно Высоцкий оказал и продолжает оказывать такое сильное духовное воздействие на столь огромное число столь разных людей (разных по образованию, привычкам, склонностям, вкусам, пристрастиям)? На чем держится общественный интерес к поэту?

Как ни покажется странным такое утверждение, дело здесь не в таланте и его своеобразии, а в богатстве и социальной значимости связей творца искусства с окружающим миром. В самом деле, почему-то художников, достойных общественного внимания, много меньше, чем людей, обладающих даром образного, художественного мышления и владеющих соответствующими навыками и приемами. Секрет всего значительного, созданного искусством и литературой, кроется, видимо, не только и не столько

чьево сходства с действительностью» (Гегель).

Вот такой душой, восприимчивой и мыслящей, а также удивительным умением воздействовать на «душу живую» обладал Владимир Высоцкий. И начинаешь понимать, что, как ни велика, ни заразительна сила страсти его надрывающегося голоса, не она трогает сердце, волнует душу. Что дело и не в манере исполнения — у Высоцкого внешне строгой и скромной. И даже не в темпераменте, поистине вулканическом, редкостном по своей активности, напору и жизнелюбию. Есть качества личности, которые невозможно не только повторить, но даже спародировать или сымитировать более или менее убедительно. Так что вряд ли кому-либо и когда-либо удастся, скажем, спеть «под Высоцкого». Настолько он выразителен. Здесь уникальна и потому недоступна и форма, и мера самовыражения индивидуальности поэта. Дело опять-таки не в психологических особенностях таланта, а в его особой общественной «закалке», заряженности и направленности. Ведь сколько ни копайся во внутреннем мире художника, никак не поймешь, откуда что у него берется. Природа, своеобразие той или иной индивидуальности лежат в сложном взаимодействии общественного и личного. Так и в данном случае.

При внимательном взгляде и обдумывании начинаешь понимать, что секрет удивительно мощного духовного воздействия Высоцкого на своих слушателей заключен прежде всего в объективном пафосе и содержании его стихов-песен (если под сознанием понимать «осознанное бытие», а высшее достоинство чувства и мысли видеть в их истинности, соответствии объективному содержанию жизни). Ему удалось добиться, пожалуй, самого редкого и завидного для художника результата — стать человеком близким, своим для очень многих людей, войти не только в дом, квартиру, но и в душу каждого, кого он задел своим творчеством. Впечатление от его многочисленных песен такое, что он попытался объять необъятное, что ему до всего и до всех есть дело. Я понимаю, что это всего лишь впечатление, что объять необъятное немислимо. Но как отвязаться от самого этого впечатления? Это можно объяснить развитым чувством причастности поэта — причастности не по обязанности, а по строю души, по велению совести, т.е. отличающим Владимира Высоцкого пронзительно личным восприятием дел, забот и раздумий своих сограждан, нас с вами, дорогой читатель. Но ведь многим, и не только художникам, свойственно это чувство: никому еще не удавалось создать, сотворить что-либо путное, стоящее, достойное внимания людей без той нити, которая тебя с ними соединяет, роднит.

Сотни песен, баллад и стихов Высоцкого — это целая вселенная явлений, сюжетов и героев, им подсмотренных и выхваченных из потока жизни, запечатленных в образах и картинах, которые ни с какими другими не спутаешь. При этом подлинность

ТВОРЧЕСТВА

семейные, дружеские и т.п. И надо, чтобы кто-то вроде Высоцкого заговорил с тобой обыкновенным, таким живым и сочным русским языком о вещах для тебя важных, вызвал в душе тепло, поселил какую-то радость...»

«...Понимаете, никакого заигрывания со своим талантом. Высоцкий никак и ничем себя не выделяет, не отделяет от других. Не на словах — на деле, в самом общении с миром. Он понимает, что, как бы люди ни были поглощены суетой, они горят желанием узнать правду, пробиться к истине».

«Высоцкий не из тех, кто делает что-либо только потому, что это «надо». Он всегда говорит и поет о том, что лично его волнует, что родилось внутри него самого. Таким, как он, можно довериться, верить. Он не будет заигрывать с высокими понятиями и словами. Патристичный человек, но словами «Родина» или «Россия» не разбрасывается...»

«Как когда-то Маяковский, он начал говорить языком «улицы», не чураясь просторечия, без которого литературный язык задыхается, немеет от собственной чопорности. Ни одного модного словечка... И еще — лад, мелодика его песен чисто русская, без интонационных «примесей», вроде явно заимствованного подвояния и завывания, чем грешат сейчас много на эстраде». — И т.д.

Это говорят те, кто Высоцкого признает, любит. Но надо бы прислушаться и к тем, кто его не признает, не любит. Иные отказывают ему даже в праве называться поэтом. Многим не нравятся его «алкогольные», «блатные» (и «полублатные») песни, некоторые «чрезмерно вульгарные тексты» и персонажи, в

самовыражении, а в том, обладает ли претендент в художники общественно значимым предметом для своей потребности в самовыражении. Ведь эстетический вопрос «с чего начинается художник?» изначально связан с другим, более общим вопросом — «с чего начинается личность?».

Безусловно, поэты чувствуют, мыслят и говорят стихами. Но поэт не тот, кто умеет писать стихи, и стихотворство еще не поэзия, если оно лишено духовного содержания. Поэт — это состояние души, это особое мироощущение, способность сердцем ощутить «трещину мира», как хорошо сказал Гейне². Поэзия начинается с чувствующей и размышляющей души, способной все характерное и индивидуальное в окружающем мире и в нас самих сделать общеинтересным, пропустив через очищающую стихию «обман-

² Поэтому, наверное, поэтов так мало, все больше — версификаторы, стихослагатели. По тонкому наблюдению Канта, от поэта обычно ожидают многого, и именно потому, что эти ожидания часто не сбываются, стихотворение оказывается еще хуже, чем оно могло бы считаться по своему прозаическому содержанию (И. Кант. Соч. в 6-ти томах, т. 6. М., 1966, стр. 493). Почему так происходит? Видимо, потому, что от поэта ожидают не абстрактно-формального подтверждения своей принадлежности к искусству посредством некой стихотворной формы, а чего-то совсем иного. Ведь поэтический слог есть особый способ самовыражения человеческого духа — и только. Искра подлинной поэзии усердием или умелым подражанием даже самым высоким образцам не высекается, и появление такого феномена, как Высоцкий, лишний раз доказывает, что (используем пушкинский образ) «божественный глагол» посещает лишь того, чья душа готова «встрепенуться», откликнуться на зов поэтической истины.

сочинительского дара его таково, что у многих появляется убеждение, что это все он сам прожил и пережил: что он и воевал, и был шофером, и матросом, и золотоискателем, и, простите, малость «посидел» когда-то. Согласитесь, этого одним лишь «умением» писать стихи не объяснишь. Тут нужен талант особого рода, редкого человеческого качества — способность слиться с предметом своего внимания, почувствовать его изнутри.

Оригинальность Высоцкого не в умении создать нечто причудливое, хотя он и был мастером сочинять необычное, удивлять и даже ошарашивать. Она имеет вполне земные корни и вытекает из самой жизненной установки поэта-певца — быть с людьми вместе, т.е. не около и не рядом, и смотреть на них не со стороны, не свысока и не снизу. Природа «личной причастности» Высоцкого такова, что и его создания, и личность самого поэта обретают характер какой-то неподдельности, непосредственной демократичности и человечности. При этом никакого амикошонства, стремления выдать себя за своего, прослыть «во всю доску». Будучи актером по натуре своему, он избегает актерства в поведении и общении, не выпячивая никаким внешним приемом или средством собственную персону. И это не игра, не маска скромности или деликатности, а выражение его, Высоцкого, принципа взаимоотношений с людьми. Отсюда и незастрадная в привычном смысле слова манера общения с аудиторией. Понятно, почему многим поклонникам его творчества он нравится больше с гитарой, а не с оркестром. Оркестровые переложения его песен в большинстве своем удачны, сделаны со вкусом, но в них

улетучивается, исчезает нечто такое, что можно назвать эфиром его творчества, что подчеркивает и передает особый эффект его публичности, общительности. С оркестром он, что ни говорите, все-таки выступает, исполняет, а с гитарой — беседует, разговаривает. Манера общения Высоцкого — исповедальная. И потому в том, что он рассказывает, поверяет тебе, нельзя ничего изменить, «поправить», как нельзя улучшить, сделать другой исповедь. Тут ничего не поделаешь — ее можно принять или не принять...

Прокладывая путь новой форме общения с аудиторией, Высоцкий предлагает свой вариант реализации общественной функции искусства. Пример показательный и неожиданный во многих отношениях, и в первую очередь в том, что касается поиска реальных путей и способов формирования сознания в социалистическом обществе. В современном обществе, как давно замечено, многое диктуется модой, навязывается рекламой, а иногда просто доступностью. Популярное такого рода нередко отождествляется с истинным («настоящим», «подлинным») искусством. И хотя во многих случаях это далеко не так, с массовостью признания того или иного явления в сфере культуры, искусства вообще считаться надо, стараясь отыскать истоки и причины популярности каждого феномена. Увы, хорошо знакома популярность, что сродни бездумному ажиотажу вокруг модной персоны или баловня судьбы, добившегося массового признания какой-то способностью — петь, хорошо двигаться или острить, чаще всего рекламируя праздную повседневность. Мы так боимся добраться до истоков этого сорта популярности, что предпочитаем не касаться потребности, ее вызывающей и воспроизводящей.

Широкая и устойчивая популярность Высоцкого совершенно необычного свойства, мало с чем сравнимая. Это популярность, как издавна ее именуют, «народного любимца». Она заставляет всерьез задуматься над тем, какую миссию выполняет (должна выполнять!) поэзия в наши дни и что значит быть художником, нужным людям. И почему поэзия такого рода — «низкая», «ироничная», «хлесткая», «грубо мужская» и в то же время очень «тонкая», «хрупкая», «ранимая» — нашла столь широкий отклик. Каким качеством, социальным и эстетическим свойством своим связала она прочной духовной общностью множество различных людей, для которых Высоцкий в определенном смысле стал неким паролем? В чем тут дело?

Живая практика духовного творчества гораздо богаче и неожиданнее в своих проявлениях, чем принято думать. Иногда она порождает явления культуры, непривычные с точки зрения устоявшихся представлений и вкусов, которые, однако, восполняют и дополняют то, что воспроизводится культурой «классического» типа, отвечая на запросы и ожидания целых слоев читателей, слушателей. Так когда-то появились песни-стихи «под гитару» Булата Окуджавы, восторженно принятые молодой интеллигенцией, а затем и Владимира Высоцкого, популярность которого росла и с годами приобрела непредсказуемые размеры и формы. Не секрет, часто к стихам и песням, заполняющим нашу эстраду, у слушателей и зрителей не возникает никакого отношения либо отношение сугубо стороннее. Напротив, чувство правды, истинности переживаний, страстное желание повлиять на жизнь, что-то в ней изменить, улучшить, исправить, столь недвусмысленно и ярко выраженное в песнях В. Высоцкого, как правило, поражают воображение слушателей, заражают своей активностью.

Да, кому-то мир песен Высоцкого может показаться недостаточно возвышенным, даже примитивным, а стихи и мелодии — не отвечающими самым высоким требованиям. Но ведь никто из серьезных почитателей таланта покойного поэта не считает, что его творчество свободно от недостатков, неподвластно критике, требовательной проверке «суждением вкуса». В свою очередь, и высокая культура должна признавать, что, отгораживаясь от того, что она считает «примитивным», с помощью эзотерического языка, она поступает так часто не по причине присущей ей «утонченности» мышления и вкуса, а из страха перед действительностью или в стремлении к покою. Ведь с тем, что преподносит ежедневно жизнь живая, с тем, что можно встретить в «гуще жизни», хлопот не оберешься. Так что часто обсуждаемая проблема доступного искусства вовсе не сводится, как иногда полагают, к проблеме сложности языка, используемых средств. Высоцкий своим творчеством проявил наиболее существенную сторону данной проблемы. Какую же?

Имеется немало интеллигентных людей, отнюдь не отсталых в своих вкусах, но не принимающих Высоцкого, как они думают, именно по вкусовым соображениям. При более внимательном рассмотрении, однако, выясняется, что мешают им принять его все-таки не «полублатные» интонации, жаргонные словечки и шокирующие ухо бытовые подробности в его песнях-зарисовках, где низкое и высокое порой соседствуют, живут, как говорится, в тесноте, да не в обиде. Не

нравится, отталкивает сама степень близости поэта к реальности, раздражает простодушие откровенности, с какой Высоцкий обнажает так называемую прозу жизни, но всегда считаясь с правилами хорошего тона. Подобное отношение как раз характерно для многих людей, профессионально занятых в сфере духовного производства. Это и есть подход тех, которым все заранее известно и ясно, и потому они изначально свысока смотрят на все новое, необычное и еще не устоявшееся как на плохое или по крайней мере отклонение от нормы, что требует, по их мнению, принятия решительных мер. Они-то и являются наиболее радикальными противниками такого нового, независимо от его разумности, и очень быстро остывают в гневе, когда это новое оказывается устойчивее, упрямее их неприятия. Нередко такая установка воплощается у тех, кто ею руководствуется, в позицию пассивной конформности по отношению к социальной действительности, побуждая ее представителей делать вид, что служат они делу прогресса и культуре «вообще». Предупреждая насчет «страшнейшей из амортизаций — амортизации тела и души», Вл. Маяковский имел в виду бытие личности, лишённое конкретного исторического и социального смысла.

«Ничто человеческое не чуждо» — эта формула-девиз для Высоцкого есть норма художественного воспроизведения жизни. Он знает, что настоящее искусство «не брезгливо» (А. И. Герцен), что ему все доступно и до всего есть дело. Его творчество — непрерывный диалог с обыденным сознанием, которое он сделал поэтической реальностью, своей художественной материей. Смело погружаясь в обыденный язык, в повседневные ситуации, оказываясь как бы внутри их, Высоцкий не только говорит о вещах, близких и понятных всем, но и говорит на языке, близком и понятном широкому слою. Песни его — это рационально (художественно) обработанные, отлитые в выразительную, часто в афористичную, почти фольклорную форму представления, настроения, чувства и мысли людей, которых именуют обыкновенными, простыми. И надо признать, сделано, сработано это мастерски, почти без отступлений от требований высокого вкуса и искусства. Анализ работы Высоцкого с материалом обыденного сознания ждет своих исследователей, но уже сейчас можно отметить его поразительную способность придавать емкую, впечатляющую форму аморфным представлениям и восприятиям. Зачастую таким, которые даже их носителям кажутся незначительными, не стоящими фиксации, банальными. Кажется, работа проще простого — подслушал, подсмотрел, записал и возвратил тем, кто был предметом его внимания и наблюдения. Но за всем этим — большой, изобретательный труд талантливого художника, фильтрующего и кристаллизующего разного рода самоочевидности эмпирического, бытового и небытового ради извлечения некоего человеческого, общественно значимого смысла.

Удивительно, но это так: в изображении и подаче Высоцкого почти любое жизненное явление перестает быть заурядным, ординарным, незначительным и обретает статус личностного, общеинтересного, всеобщего. Для него нет мелочей (пресловутого мелкотемья) там, где речь заходит о жизни и счастье людей. Но чего бы Высоцкий ни касался в своих стихах и песнях, он неизменно обращается к нашим душам, о «спасении» которых поет в одной из лучших своих песен. Занятие искусством, как, может быть, никакое другое, требует четкой позиции, гражданской и просто человеческой, т. е. ради чего все это говорится, пишется, поется. В творчестве Высоцкого такая позиция есть, и она хорошо чувствуется, просматривается (если, конечно, не заблуждаться насчет «простоты» его созданий). Ведь он всерьез, на самом деле озабочен желанием сдвинуть с мертвой точки человека, погруженного в стихию обыденного сознания, не привыкшего к саморефлексии, не обладающего этой способностью изначально.

Кажется, нет ничего важнее для Высоцкого, как передать непосредственную жизненность факта, события, явления с их неприукрашенной грубоватостью, силой и человеческими слабостями. Но так только кажется. Плотность, густота, полнокровие, всамделишность жизненного материала в песнях Высоцкого, безусловно, впечатляют, но неверно было бы воспринять это как апологию, вознесение обыденности. Еще больше его интересовал общезначимый смысл непосредственной жизни. Того, кто на школьный манер путает идею и тенденцию в искусстве с дидактикой, изображение без «морального хвостика» (Н. А. Добролюбов) в некоторых песнях Высоцкого может насторожить. Но схвачен образ, тип, характеры — и это уже обобщение, как правило, свежее, нынешнее, самое что ни на есть последнее. Не философия и не морализация, Высоцкий философичен в понятном всем общечеловеческом значении, в каком каждый из нас рано или поздно становится философом. Т. е. начинает всерьез размышлять над тем, как мы живем и почему живем так, а не иначе. (Как никогда раньше, человечество нуждается сегодня, по остроумной формуле А. Эйнштейна, «в скамеечке, чтобы сесть и подумать») И потому певец отмежевывается от

словесной и музыкальной макулатуры, что в последнее время так привольно зажила на нашей эстраде. Желание во что бы то ни стало (и любой ценой) развлечь породило эстраду духовной пустоты, чисто соматического воздействия, с расчетом на «три прихлопа, два притопа». У Высоцкого вы не найдете ни одной пустой песни, бессмысленного куплета. Он даже о физзарядке написал так, что песня скорее о душе, чем о теле.

Стихи, песня должны войти не в уши, а в душу, считает Высоцкий. Для этого нужно говорить о том, что людей действительно волнует, и говорить так, чтобы они восприняли твои слова и мысли, как свои собственные. Высоцкий говорит о любви и ненависти, о времени и борьбе, о рождении и смерти, поднимаясь в своих лирических излияниях до философского осмысления житейски близких, узнаваемых тем и проблем. Мужественно и нежно пишет он о «великой стране любви», лишающей покоя, отдыха и сна, но дающей человеку то, без чего жизнь не жизнь. «Потому что, если не любил, значит — и не жил, и не дышал» («Баллада о любви»). В удивительной по проникновению в психологию предвоенного поколения «Балладе о борьбе» «книжные дети, не знавшие битв», хотели в детских играх понять «тайну слова «приказ», назначенье границ, смысл атаки и лягу боевые колесницы». И попробовав вскоре на вкус настоящую жизнь и борьбу, станут поколением победителей в жесточайшей битве века. В таких случаях поэт не боится упрека в дидактике и смело ставит точки над «i»: «Если путь прорубая отцовским мечом, ты соленые слезы на ус наматал, если в жарком бою испытал что почем, — значит, нужные книжки ты в детстве читал». Жизнь — это нескончаемая борьба добра и зла, совсем не абстрактных, а вполне конкретных. Обращаясь к современникам, поэт размышляет, спрашивает, утверждает:

«Как у вас там с мерзавцами? Бьют?»

Подолом.

**Ведьмы вас не пугают шабашем?
Но не правда ли, зло называется злом
Даже там, в светлом будущем вашем?
И во веки веков, и во все времена
Трус, предатель всегда презираем,
Враг есть враг, и война все равно есть**

война,

**И темница тесна, и свобода одна,
И всегда на нее уповаем.**

**Время эти понятия не стерло,
Нужно только поднять верхний пласт,—
И дымящейся кровью из горла
Чувства вечные хлынут на нас...»**

(«Баллада о времени»)

Есть у Высоцкого стихи и песни иного склада, «замеса»: очень разные и в чем-то сходные, они порождены особым типом художественного обобщения, взаимодействия объективности и субъективности. На первый план в них выходит непосредственно чувство, настроение, духовное состояние, остро переживаемые человеком и не всегда ему самому понятные. Это образные зарисовки — всплески эмоций («Москва—Одесса», «Лечь бы на дно...» и др.), а то и целая картина-стенограмма чувствований, как, например, в «Баньке по-белому», где проверку на прочность проходит духовная сила человека, «жизнь самой жизни» (Гете). Здесь, в сфере духа, мимолетности и случайности теряют свой частный характер, ставя человека перед серьезным испытанием, которое выдержать, пройти совсем нелегко. Лирический герой Высоцкого не впадает в пессимизм, хотя порой человеку кажется, что «осталось одно — просто лечь и помереть» или «лечь бы на дно, как подводная лодка, чтоб не смогли запеленговать». Оптимизм — не в бездумном бодрчестве, а способности, когда надо, выстоять, сделать выбор, занять позицию, не сдать ее на милость обстоятельств, пусть они и сильнее тебя. А иногда Высоцкому достаточно лишь предупредить нас об опасности, остановить свершение поступка, о котором завтра мы сами будем жалеть. Объем духовной работы, проведенной поэтом в своем разнообразнейшем творчестве, поистине непередаваемо огромен.

Выходит, Высоцкий гораздо больше чем «певец проходных дворов», как его кто-то назвал, по сути, поставив под сомнение самостоятельность как художника-гражданина. Видимо, вернее будет назвать его художником наших нравов, нравственности практической (фактической), в анализе которой искусству нет равных. И надо признать, что информативно его песни богаче, более ценны, чем многие социологические (этические) сочинения. Нравы — взаимоотношения людей, ставшие массовой привычкой, манерами жизни и склонностями, свойственными тому или иному слою людей, обществу в целом. Это мораль на ее обыденном, житейском уровне, в обиходном проявлении. Она включает в себя и то, что не совпадает, расходится с нравственным идеалом. Для того чтобы воздействовать на людей, искусство должно, по

Ф. Энгельсу, «отражать и предрассудки масс» данного общества и времени³. Не желая никого обидеть, надо сказать, что ныне не так уж много авторов и произведений, по которым можно судить о наших нравах. Ведь мы даже о социализме, то есть о родном доме своем, научились писать так, что его трудно узнать — настолько он в наших книгах и учебных трактатах прибран, а жизнь в нем упорядочена и хорошо организована. Как на станциях нашего метро, где всегда чисто, никто не бросает окурков, люди даже в час пик стоят справа, пройдут слева, и поезда никогда не опаздывают. Мы будто бы боимся вторжения живой жизни со всей ее многосложностью, многообразием, непредсказуемостью. Гладкость, когда не за что зацепиться чувством и мыслью, в описании нравов особенно заметна. По одной только этой причине существенная часть реальной жизни выпадает из поля зрения искусства. А можно не сглаживать и не мельчить — и тогда появляются такие строки:

*Мы все живем как будто, но
Не будоражат нас давно
Ни паровозные свистки,
Ни паровозные гудки.
Иные — те, кому дано,
Стремятся вглубь и видят дно,
Но как навозные жуки
И мелководные мальки...*

*Средь суеты и кутерьмы,
Ах, как давно мы не прямы:
То гнемся бить поклоны впрок,
А то завязывать шнурок...*

По Высоцкому можно изучать практическую нравственность и судить о морали — и о личной, и об общественной. И о том, почему обе эти сферы часто так причудливо, смешно или печально соединяются. Человек может быть хорошим работником и, простите, не очень, порой совсем неумным. А как вам нравятся неумные борцы против частнособственнического инстинкта, выраженного в личном автомобиле или огороде? Есть и такие, что могут «одновременно грызть стаканы и Шиллера читать без словаря». Или такие, как «Борис Буткеев из Краснодара», уверенный, что «бить по лицу» можно — была бы сила, было бы желание. А толпа, забросавшая Кассандру камнями только за то, что она говорила правду? А «страсти-мордасти» семейные, служебные, спортивные? Все это интересует Высоцкого и находит в нем отклик. Чаще он мягко, с пониманием внутренней подоплеку явления или события иронизирует, вышучивает, нередко высмеивает, а иногда — это когда глупость, невежество, хамство воинственны, непроходимы — открыто и зло издевается. Узнаваемость вышучиваемых или обличаемых явлений такова, что вслух никто не отваживается возразить, оспорить, обидеться. Высоцкий любит человека, всегда старается его понять и готов (далеко не всегда!) простить, но он никогда ему не льстит, не угождает. Люди это чувствуют и отвечают ему взаимностью. Виктор Шкловский был прав: люди слушают Высоцкого и вспоминают, что они люди. А что касается узнаваемости, то нравственно сильному и развитому человеку, как и целому обществу, познать и узнать себя всегда полезно. Нравственный человек живет не мнением о себе и не самомнением, а правдой, то есть тем, что он представляет собой на самом деле. И воспитание прочно, надежно, когда воспитываешь правдой.

Настойчиво и терпеливо «приставал» к нам Высоцкий с вопросами, от которых в суете своей мы часто бежим, отмахиваемся (далеко не всегда из-за недостатка времени, как себя утешаем). Скажете: преувеличение, Высоцкому и в голову не приходило ставить перед собой такие вселенские задачи. Но объясните тогда, почему в который уже раз возникает потребность послушать хорошо знакомые мелодии и прислушаться к тому, о чем поет этот «хрипун», пытаясь достучаться до каждого из нас и, пробудив душу, мысль, гражданское чувство, вызвать ответную реакцию, понимание, действие... Поэтому надо пойти чуть-чуть дальше и попытаться отыскать истоки личной причастности поэта-барда, найти ту самую почву, что помогла ему среди «нехоженных путей» найти свой, столь отличный от других.

Наверное, это самый трудный, но и самый интересный вопрос — о противоречивой природе творчества Высоцкого. Отвечая на него, нельзя переводить разговор только в плоскость противоречий восприятия и оценок его стихов и песен или выяснения духовной структуры самого поэта. Хотя об этом тоже и можно, и нужно говорить. Можно, например, без особого труда выделить более и менее удачные произведения, указать на слабые в поэтическом отношении строки — и при этом мало что сказать и доказать по существу (откройте томик стихов любого хорошего, даже именитого поэта, и вы найдете

слабые, недостаточно выразительные, проходные вещи). Разумеется, это важно, кто и за что именно не принимает Высоцкого. Но даже самый объективный анализ достоинств и недостатков личности и творчества поэта не объяснит, почему в нем, как и вообще в талантливых людях, ярких личностях, встречается (и прощается) такое, с чем теоретически смириться бывает трудно. А как быть с причудами и каверзами восприятия, когда одно и то же явление разные люди любят за разное?..

Каждый из затронутых вопросов серьезен, может стать предметом особого рассмотрения. Но это будет разговор о противоречиях творчества на уровне «следствий», констатаций, не затрагивающих объективных оснований исследуемого явления. Потому что настоящий, состоявшийся художник стягивает на себя противоречия времени, его породившего. И поскольку это так — не надо сводить вопрос о том, что можно увидеть в зеркале творчества Высоцкого, лишь к сумме неудачных произведений или заблуждений художника.

Какое же противоречие времени — нашего с вами, читатель, времени — острейшим образом ощутил, как бы вообрал в себя и выразил своим творчеством Владимир Высоцкий? Кратко можно ответить: это протест художника против разрыва единства слова и дела. Ныне, когда эта проблема обсуждается общественностью откровенно и всесторонне, следовало бы по достоинству оценить социальную чуткость таланта Высоцкого. Вслушайтесь внимательней в тревожную интонацию и мысль многих его песен, они буквально пронизаны неприятием ситуации, когда слова, дорогие оплаченными за них лишениями, а то и кровью, теряют свое реальное содержание, начинают обесцениваться, а дела нередко не соответствуют словам, в которые они облачаются и освящаются. Поэт волнуется также состояние, при котором для многих членов общества снижается, а то и утрачивается жизненная, практическая значимость определенных социальных норм, ценностей и эталонов, и они оказываются в неопределенном («деклассированном») положении, становясь пленниками бездуховного образа жизни, мелкобуржуазного стяжательства или эгоистического своеволия.

Продолжая лучшую традицию нашего искусства, сильного своей заботой о духовном состоянии и нравственной силе общества, Высоцкий буквально взывает к нашей совести и чувству достоинства. Гражданское мужество поэта сказалось не только в беспощадной правдивости, с какой он говорит о нас и наших проблемах, но и в том, что говорит он это всегда открыто, прямо, недвусмысленно. Высоцкий приучил нас слушать и слышать нелюбимые, иногда болезненно острые вещи, но он никогда не был поставщиком политической клубнички. Иначе он сам послужил бы иллюстрацией ненавистного ему разрыва между словом и делом. Одно дело — писать эпиграммы, рассказывать анекдоты, почти всегда анонимные, от которых всегда можно при случае отказаться (я, мол, не автор, всего лишь ретранслятор), и совсем другое дело — всегда и везде петь своим голосом, свои песни, говорить от имени собственного «я».

Этим качеством своего дарования Высоцкий очень близок нашей русской культуре, в которой всегда была сильна традиция правдоискательства. Обладая высокой общественной ценностью, она оказывала благотворное влияние всякий раз, когда искусство по тем или иным причинам начинало тяготеть к эстетству, развлекательности или морализаторству и образовывалась своеобразная ниша, в которую постепенно стекались «думы народные». Вот это доброе русское слово «думы», видимо, больше всего подходит к творчеству Высоцкого.

Социальная значимость поэзии Высоцкого определяется не только ее конкретным, идейно-тематическим содержанием и не только особым отношением к ней многих слушателей, читателей, о чем уже шла речь. В общественное сознание поэзия входит, как известно, не тематикой и суммой идей, а художественным образом действительности, созданным поэтом и ставшим его вселенной. Такая «вселенность» есть у каждого большого художника. Совсем немного прожил в литературе Василий Шукшин, но успел создать и оставить нам свою вселенную, где Россия наших дней предстала во всей своеобычности, абсолютной непохожести на все, что мы до сих пор о ней знали и читали. Существует и вселенная — страна Владимира Высоцкого, в которой живут очень знакомые и в то же время дикие в своих самых обычных свойствах и проявлениях люди, обладающие неистребимой тягой к самопознанию и способные к духовному озарению. В этой стране все интересно, необычно, неожиданно...

Что же касается своеобразия самого духовного воздействия песенного творчества Высоцкого, то я вижу его в том, что он является певцом жизни, воспринятой и понятой как драматическое существование. Чего бы он ни касался в своем песенном, поэтическом творчестве — войны, любви, профессии, отношений людей, — все, буквально все у него пронизано и пропитано высоким драматизмом.

То есть все сложно, напряжено, накалено, конфликтно и чревато «разрешением от бременя» противоречий, все требует от человека поступка и страсти, чтобы подтвердить свою жизненность, право на существование. Все его песни — и печальные, и смешные, шуточные и патетические — полны, насыщены драматическим мироощущением. В них жизнь — и самая обыкновенная, состоящая из всем знакомых, привычных обязанностей, волнений и тревог, и так называемая необыкновенная, предполагающая события и поступки не рядовые, связанные с преодолением серьезных препятствий, требующие от личности сосредоточенности, принципиальности, — жизнь вообще оказывается и не простой, и совсем не легкой. Прожить жизнь осмысленно, бодро, достойно — «не поле перейти», для этого нужны мужество и отвага на каждый день. Короче, жизнь драматична по существу своему, как говорится, в принципе.

Понятие драматического применимо к характеристике творчества художника и в том широком смысле, в каком оно использовалось Шекспиром и Марксом, для которых сама человеческая история, общественная жизнь разворачивается как драма, где люди выступают одновременно авторами и актерами. При таком понимании драматическое есть признак общественной развитости и цивилизованности человеческого бытия. Положительно даже само ощущение быстротечности, «мигомлетности» жизни, ибо она только тогда и жизнь, когда ни на мгновение не прерывается, не прекращается процесс ее самообновления, что невозможно без борьбы, преодоления вчерашнего, отживающего, без разрешения постоянно возникающих коллизий. Поистине «покой нам только снится»...

Впрочем, не только снится. Беда в том, что, разыгрывая собственную драму, именуемую жизнью, мы то и дело тянемся к покою, впадаем в состояние самоуспокоенности или того хуже — самодовольства. Либо просто сторонимся всего, что потребует от нас дополнительных усилий, напряжения — мыслительного или волевого, готовности пойти на риск, взять на себя ответственность. Редко кому удается прожить жизнь, не поддавшись хотя бы однажды «соблазнам» обывательского существования. Звучит обидно, но не для человека с развитым самосознанием, ответственного, способного посмотреть на себя «со стороны», глазами других людей. Как ни прискорбно сознавать и признавать, но это реальный факт: существует слой людей, и он ширится, все откровеннее заявляя свои претензии и вкусы, для которого требование «хлеба и зрелищ» является пределом общественного бытия. Довольные собой, они всегда недовольны обстоятельствами, которые сводятся в основном лишь к удобству, комфорту, времяпрепровождению. Это они, наполнив холодильники продуктами и не ведая дефицита ни в чем, скукают на так называемых трудных фильмах и спектаклях, жаждут бездумного развлечения. Они не хотят и уже давно отвыкли волноваться, переживать даже в зрительном зале, отучившись плакать, обливаться слезами над вымышленными судьбами героев произведений литературы и искусства. Им подай что-нибудь этакое, «отвлекающее», «расслабляющее», «антистрессовое». Когда им что-то непонятно или делается скучно, виноват обязательно художник. Вот они и хотели бы прибрать к своим рукам Высоцкого, как когда-то они пытались это сделать с Сергеем Есениным, превращая его прекрасные стихи в ресторанные шлагеры. (Почему пытались? Продолжают и сегодня это делать, и, надо признать, почти беспрепятственно.) Они «крутят Высоцкого» под полупьяный разговор, шум вилок, ножей и девичий визг, даже не делая попыток вслушаться и понять, о чем тот поет, почему надывается, стонет, кричит, взывая к нам: «Что делаем?», «Как живем?». Это они пытаются по сей день превратить его в явление модное, всего лишь популярное, и жаль, что находятся серьезные люди, не разобравшиеся в сути феномена Высоцкого и так легко (я бы сказал, легкомысленно) отдающие его на откуп современным мещанам.

До недавнего времени я удивлялся и досадовал, наблюдая, как популярнейшая эстрадная певица (обладательница редкого дарования и завидного по умению настоять на своем характера) выходила на сцену, видимо, всерьез не задумываясь над тем, как она выглядит «со стороны», смотрит глазами других людей. Прическа и излишества косметики, подчеркнуто «свободная» манера общения и поведения, когда раскованность трудно отличить от вульгарности, дурной «простоты», странное несоответствие «форсмажорной» подачи песни и пустоты ее поэтического смысла — все это, казалось мне, результат отсутствия режиссуры, в которой актеры эстрадных жанров нуждаются не меньше (больше!) драматических и оперных актеров. Короче, мне казалось, что проблема эта сугубо организационно-творческая. Теперь я думаю иначе. На такое поведение и исполнение, судя по всему, имеется спрос, который и здесь, в сфере духовного производства, рождает предложение. Зал и телеаудитория очень неоднородны, и достаточно много набирается зрителей-слушателей,

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 269.

которым все это нравится, а певица знает, что она, такая вот «свояская», «раскованная», «свободная», нравится как раз тем, кто, не стесняясь, громко заявляет о своих вкусах и требованиях (неизвестно только, сознает ли сама певица, что она вроде и «за» и «над» теми, кто ей внимает, но все-таки не впереди).

У мещанской части любителей стихов и песен, видимо, есть и свой Высоцкий. Им больше нравится, когда он поет про «красное, зеленое, желтое, лиловое», или про Нинку, которая «сегодня соглашается», или о водке, что была не на троих, а на одного, про «эк Васильева и Петрова эк» и т. п. Это они организовали психоз вокруг Высоцкого — ненормальное, чисто ажитажное, поверхностно-тенденциозное восприятие и толкование его песен как чего-то запретного. Я бы назвал его психозом двусмысленности. Скажем, такую серьезную песню, как «Колея», они выворачивают на свой лад: она для них не о том, что каждый ответствен за свою индивидуальность, за реализацию своего личностного начала, а о том, что «кто-то» хочет обязательно всех загнать в «общую колею». Прекрасную песню «Мы вращаем землю» они не заметят и не запоют, зато «Рыжую шалаву» выучат наизусть и заиграют до обалдения. Есть среди них и такие, для которых Высоцкий весь состоит из намеков и иллюзий, мало связанных с действительным содержанием его стихов-песен. Это они при жизни поэта распустили слухи, что он «уехал» или вот-вот «уедет», заставив его с гневной иронией ответить: «Не волнуйтесь, я не уехал. И не надейтесь — я не уеду». Высоцкий недоступен им прежде всего в силу поразительной цельности и принципиальности своей жизненной и художественной позиции, которую не могли изменить с годами никакие заграничные впечатления и перемены в личной жизни⁴. Но обыватели потому и обыватели, что даже высокие, бескорыстные само по себе они обязательно подтянут к своему уровню, опустят до своего миропонимания.

Попутно заметим, что невнимание к сфере так называемой неофициальной жизни людей порождает проблемы идеологического порядка, которых могло бы и не быть. Например, неофициальное почему-то нераспространено (как правило, совершенно бесосновательно) воспринимается как нечто оппозиционное, запретное, «не наше», что лучше всего обойти фигурой умолчания. Но люди так уж устроены и так живут, что задаются вопросами и переживают из-за проблем, которые нам, пропагандистам и обществоведам, не обязательно известны и понятны, из чего, разумеется, не следует, что эти вопросы и проблемы несерьезны и не имеют жизненного значения. Бывает, «и большое понимаешь через ерунду» (Вл. Маяковский), не говоря уже о быте, в котором надо уметь по-ленински находить, видеть политику. И если представить себе, что в головах людей, как подумал однажды герой одного романа, имеются чердаки, куда они складывают вопросы, на которые бояться или не могут ответить, то задача общественной науки и пропаганды состоит как раз в том, чтобы сделать эти чердаки пустыми. Ведь замалчиваемое, вообще все произносимое шепотом и с оглядкой — излюбленная духовная пища мещан всех времен. Нет, не случайно Высоцкий не раз и не два возвращался к теме слухов, ополчаясь на тех, кто привык жить не знанием и пониманием, а «мнением» и всевозможными домыслами.

От них недалеко ушли мещане, так сказать, интеллектуального пошиба, может быть, самые опасные и страшные. Вроде того студента, что высказался о Высоцком так: «Все понятно, но чего он так нервничает, переживает?» Даже на фоне давно заметного разлада ума и чувства в среде «онаученных» молодых людей подобная демонстрация одномерности собственного мироощущения производит гнетущее впечатление. Здесь незачем умствовать и искать какие-то скрытые, подспудные причины непонимания и неприятия явления, которое буквально пронизано чувством, настояно на переживании. Перед нами старый-престарый знакомец, бог мещанина любой эпохи и общественной формации — равнодушие.

⁴ Здесь надо коснуться темы, к сожалению, обсуждаемой в связи с именем и творчеством Высоцкого. Меня никогда не интересовала житейская биография поэта — на ком женат, с кем дружит, что сказал в какой-то компании, выпивает ли и сколько именно. Других, к сожалению, это интересует, а иногда они из житейских фактов запросто выводят и творчество художника, и его общественное значение. Им не понять, что, будучи в своей обыденной жизни такими, как все люди, «поэты ходят пятками по лезвию ножа и режут в кровь свои босые души». Не надо с ними спорить, не надо их переубеждать. Тем более что поэт при жизни отвечал на подобные вопросы без уверток и умолчаний и только просил: «...Спрашивайте напрямик!» Разумеется, можно понять, почему факты «поэтовой жизни» интересуют публику. Все, что касается биографии состоявшейся личности, интересно, даже поучительно. Не следует только потакать обывательской уверенности в том, что между творениями художника и его собственной жизнью обязательно пролегалает если не пропасть, то по меньшей мере серьезное несоответствие. Важно помнить и о том, что в «поэтовой жизни» существовало лишь то, что, по точному определению Вл. Маяковского, «отстоялось словом».

Только прикрытое видимостью понимания (время всеобщего среднего образования и науки обязывает!), которого на самом деле нет и быть не может. Мещанам непонятен и чужд именно внутренний, объективный пафос творчества поэта, для которого все внешние явления и события повседневно — это повод и приглашение поговорить о внутреннем, о состоянии нашей духовности и человечности.

Владимир Высоцкий ничего общего (ничего!) с ними не имеет как раз по причине коренного различия в отношении к жизни, в понимании ее смысла. Мало ли кто пытается представить его выразителем «своего» мироощущения и умонастроения! Исходить надо из объективного содержания и пафоса его творчества — антипода обывательского, сонного или полусонного, дремотного, социально инфантильного бытия, лишеного волнений, потрясений, глубины переживаний. Высоцкий не приемлет, презирает саму психологию «устройства жизни» современного мещанина, которому все время приходится ломать голову, беспокоиться не о том, чтобы быть и жить, а как-то выглядеть, казаться. Бегство от драматического содержания жизни вообще подозрительно и свидетельствует о нездоровье физическом или душевном. Чаще всего это признак «прозябающего» бытия, никчемного существования.

Высоцкого интересует само явление обывательства, мещанства. Он создал целую галерею запоминающихся типов, вроде супругов, ведущих диалог о цирке у домашнего телевизора, приятелей-алкоголиков из «Милицейского протокола», склочника или завистника соседа и др. С иронией и сарказмом выразил он вполне определенное отношение к мещанским радостям и заботам. Он и их понимает, стараясь с помощью юмора сохранить объективность в изображении обывательского бытия и психологии. Так понять и представить мещанина, как это делает Высоцкий, можно, только находясь вне мещанина, не сливаясь с ним, не разделяя его миропонимания. Не обыватели — носители и выразители его идеала полноценной человеческой жизни. В поэтическом мире поэта-барда в чести те, кто живет не ради утробы и утех, кто живет трудно, мятежно, бескомпромиссно, не идя на сделку с собственной совестью. Ему по душе те, кто выдерживает проверку на прочность в боях за правое дело и обязательно в шторма, в снежную бурю, оказавшись в лесной глухомани среди хищников или в бесконечной степи, где «куда ни глянь — кругом пятьсот». Человек в трудную, ответственную минуту принятия решения, живущий на пределе физических и моральных сил, — вот кто сродни Высоцкому.

Обывателю, скажем, невдомек, отчего это поэт вновь и вновь возвращается к теме войны, в которой он сам не участвовал и помнит по детским впечатлениям. Но если вслушаться и вчувствоваться в его замечательные песни о войне, становится ясно, что им повелевало прежде всего чувство сыновней признательности к подвигу отцов, одолевших фашизм и отвовавших нам жизнь. А также чувство восхищения, даже зависти к тем, кто «старше нас на четверть века». Ведь им так «повезло — и кровь, и дым, и пот они понюхали, хлебнули, повидали». Есть и другая, пока недооцененная сторона той же самой темы. Она не стареет, не тускнеет еще и потому, что принесенная страной жертва — свыше двадцати миллионов жизней — стала величайшей духовной ценностью. Она, как, может быть, ничто другое, объединяет сегодня — не разумом только, но и чувством, общим сопереживанием — людей разных поколений, побуждая их еще сильнее, крепче полюбить многострадальную землю, на которой «как разрезы, траншеи, луги, и воронки, как раны, зияют». Прошло много лет, но продолжает жить и действовать очищающая сила народного страдания, делающая День Победы — символ нашей жизнестойкости, мужества и героизма — Днем человеческого единения. Наконец, писать и петь о войне для послевоенного поколения, к которому принадлежал Высоцкий, — это еще и способ выразить свое отношение к человеческим качествам, жизненным ценностям, какие в мирное время, как правило, проявить, выразить гораздо труднее. Война до предела обострила все отношения и чувства, беспощадно высвечивая, обнажая суть любого жизненного явления. На войне люди предстают и раскрываются часто с обескураживающей даже их самих непосредственностью, прямотой, чистотой, откровенностью. И становится ясно, и кто есть кто, и что есть что. Многих молодых художников по сей день увлекает эта беспощадная правдивость военных будней, не поверхностная героика и не показательный оптимизм участвующих в ней масс людей. Правда, во многих фильмах, пьесах и повестях давно уже изображают не войну, что была когда-то, а годами возникавшее представление, легенду о войне как о ристалище человеческого духа. Но, обращаясь к этой теме, можно ставить предельные вопросы бытия, что, собственно, и делает Высоцкий в песнях военного цикла (он назвал их песнями-ассоциациями).

Для Высоцкого нет запретных тем, он безбоязненно, с вызывающей у многих завистью смелостью писал

и пел обо всем, что его волновало. Но это свобода, так сказать, обеспеченная нравственно, точным отношением к предмету или явлению. Причем нравственность, которую он сам исповедует и отстаивает, одновременно проста и трудна. Ему нужно, чтобы человек всегда, в любых обстоятельствах был честным, правдивым, справедливым, готовым, как Робин Гуд, прийти на помощь, вступить за слабых, обиженных. В песне «Я не люблю» прямо и афористично изложен нравственный кодекс его лирического героя, знающего разницу между добром и злом, умеющего сильно любить и так же сильно ненавидеть. Кажется, в том, что не любит, не приемлет Высоцкий, нет никаких откровений. А не любит он «холодного цинизма», «уверенности сытой», «насилья и бесилья», когда что-либо делают «наполовину», устают от жизни и не поют «веселых песен» или, напротив, демонстрируют показную, «манежную» восторженность. Ничего особенного, не правда ли? Но мы-то знаем, как дьявольски трудно не на словах, а на деле соблюсти эти простые нормы нравственности и справедливости, какого постоянства усилий, каждодневной самоотверженности это требует. Нравственность для Высоцкого не какие-то, пусть и очень правильные, отвлеченные принципы, нормы, правила, вознесенные, подобно дамскому мечу, над человеком. Это сам человек, живущий по внутреннему закону совести, или тот самый двойник, что сидит в каждом из нас и повелевает поступать в согласии с нормами человечности. Если она срослась с человеком, от него самого зависит и выражает его глубинные (в идеале общественно развитые!) потребности, она сила живая, духовно-практическая. Понятая так нравственность немислима, просто невозможна без принципиальности, то есть характера. Лирический герой Высоцкого нравственно значителен и привлекателен еще и потому, что на такого, как он, можно положиться — этот не подведет, с ним не пропадеешь. Нравственность обеспечивается мужским характером — феномен, согласитесь, не самый распространенный в наше время.

Высоцкий не просто фиксирует, передает, отражает драматизм жизни. Он драматичен и сам, по природе своей субъективности, индивидуальности, таланта. Без покоя нельзя, но «тревога — богаче покоя», говорил М. Горький, и Высоцкий как будто решил судьбой своей эту истину подтвердить, доказать. Все, что он сделал, и все, что у него получилось, — это от непокоя, от не покидавшего его чувства тревоги. Драматическое, по словам А. С. Пушкина, связано со «страстями и излияниями души человеческой». В полном соответствии с этим точным наблюдением Высоцкий в пору господства полушепота, с одной стороны, и эстрадной шумливости — с другой, стал говорить и петь «открытым голосом», страстно, надрывно, иногда переходя на крик⁵. Так, как поют люди у себя дома, в свободной, раскованной, не стесненной строгими правилами обстановке.

Говоря о В. Высоцком, важно подчеркнуть, что он старался соблюдать необходимую меру и в содержании, и в форме, хотя некоторым его слушателям могло казаться (и сейчас кажется), что его исполнение — это примитив и идет от беззастенчивого отношения к идеальным требованиям искусства. И он сам иногда потворствовал такому мнению своими стеснительными признаниями вроде: «Мелодии мои попроще гамм...»

Ныне, когда поэт не стало, начинаешь понимать, что это был сплошной обнаженный нерв. Что жизнь его была самосжиганием, которое, понятно, не может происходить долго. Увы, тот, кто горит, и сгорает быстрее. Я не о том, что не надо себя беречь, не думать о здоровье. Надо и беречь, и думать о здоровье. Но надо понять и тех, кто себя не бережет, кто растрачивает себя, не задумываясь о «фатальном исходе». Когда же мы научимся отличать тех, кто работает, творит, от тех, кто делает что-то похожее, но все-таки, по существу, и не работает, и не творит?! Разница ведь существенная, для общества не мало-значущая.

Выскажу мысль, наверно спорную, в чем-то даже «кощунственную». Бесспорно, Высоцкий ушел рано. Больше всего он боялся, что уйдет и не допоеет свою песню. Допел — в том-то и суть дела. Сказал все, что должен сказать человек, чтобы иметь право уйти, оправдав свое появление на «белый свет». Да, он мог бы многое еще написать, сказать. Но и того, что сказал, спел, вполне достаточно, чтобы проникнуться к этому человеку чувством огромной благодарности и искреннего восхищения. Долго еще будет сопровождать людей его хриплый баритон — и в работе, и в любви, и в минуты мужских решений и поступков.

⁵ Особая тема — голос Высоцкого. Много раз на сцене и экране он доказал, что может говорить тихо, нежно, без тени надрыва. А в песнях, казалось бы, тот же самый голос становится злым и гулким, роко-ущим и рычущим, способен умолять, угрожать, стонать, вопить, призывать, почти физически создавая ощущение напряжения, тревоги, беспокойства, надвигающейся драмы, необходимости что-то делать. Голос Высоцкого выполняет некую важную социальную роль, которую еще предстоит определить и раскрыть.

РОЗЫСКИ

ПРОДОЛЖАТЬ

Борис ВАСИЛЬЕВ

ПОВЕСТЬ

С Ярославского я позвонил в Сокольники знакомому участковому. Сберкасса была в полном порядке; я попросил приглядывать за нею, прикинул в вокзальной милиции основные места расположения тиров и для начала поехал в парк имени Горького — там этих тиров оказалось больше, чем во всех прочих местах: семь павильонов, из которых, правда, зимой работало только четыре.

Отсюда началась моя «тировая» эпопея: я одурел от пальбы, прицеливаний, напряжения, а особенно от длинных, обстоятельных разговоров, ради которых, собственно, и затевалась эта попытка. Завсегдатаев — и не только мальчишек — в те времена хватало, потому что особых развлечений не было, а любители пострелять еще не перевелись, не огузлы, не спились и даже не успели особенно повзрослеть. В тирах не только существовали заманчивые призы (их, впрочем, было почти невозможно добыть, поскольку о пристрелке духовых, а кое-где еще и малокалиберных ружей говорить не приходилось), но и денежные пари, и полулегальные тотализаторы, которые организовывали некие странноватые личности. Но я ходил в привычном для того времени полугражданском одеянии, спорщиками и держателями закладов («Рупь за Федю мажу!») не интересовался, а лишь осторожно, окольными путями выяснял имя местного чемпиона. Таковой, естественно, имелся, но пока что-то на этом чемпионе не сходилось: то он оказывался слишком уж известным, то не Юрием, то вообще обладал массой примет, исключавших его из возможного круга. Но я пока не унывал, твердя себе, что и у этого пустоportunного занятия есть по крайней мере два, безусловные, полезных фактора: он вырабатывает целенаправленность в характере и позволяет тренироваться в стрельбе из плохого оружия.

Пальба стоила денег, приходилось «мазать», чтобы не выделяться, а зарплата моя в те времена была более чем скромной. Я уже начал пересчитывать, сколько у меня осталось до полочки и от чего можно еще отказаться, как вдруг мне наконец-таки повезло: в тире Измайловского парка я наткнулся на приз, который доселе не попадался мне ни в одной из

обследованных точек. На самом видном месте висела немецкая губная гармошка — родная сестра той, которую вытасил из кармана задержанный нами Вовочка.

— Куда мне за эту гармошку целить? — спросил я, стараясь говорить как можно обычнее и равнодушнее, но на деле с трудом скрывая волнение.

— Дорогой призок, — сказал хозяин, именуемый заведующим. — Двойной выстрел, понял? Я тебе заряжаю два ружья, и ты сперва попадаешь в этот вот желтый кружок. Коли попадешь, кружок упадет, и от тебя начнет уезжать вот этот красный кружок. Тут ты хватаешь второе ружье и бьешь вдогон по красному. Повезло — твоя гармошка.

— Ну-ка, попробуем...

Я просадил трояк, но в красный кружок так и не попал. В желтый попадать случилось; он тут же падал, но пока я хватал второе ружье, пока вскидывал да прицеливался, красный кружок успевал исчезнуть в плохо освещенной глубине тира. Но я стрелял и стрелял, разыгрывая азарт, а сам все время думал, что Милорд вышиб губную гармошку именно в этом тире. Кругом уже собрались болельщики, какая-то небритая личность уже «мазала» пятерку против рубля, что я ни за что не попаду; мальчишки бурно переживали промахи, а я испытывал состояние необъяснимого, граничащего с восторгом подъема, не догадываясь еще, что это и есть момент нашего творчества. И, подчиняясь скорее ему, чем логике и расчету, с возмущением отбросил ружье.

— Специально заманиваешь, из него попасть невозможно!

— Возможно, — сказал хозяин. — Свидетели есть, что возможно, если кто стрелок, а не трепач.

— Кто ж это, интересно, такой стрелок?

Я разыгрывал громкое возмущение, не сдерживаясь ни в выражениях, ни в эмоциях. Мне нельзя было ни расспрашивать открыто, ни даже задавать наводящих вопросов: мне необходимо было услышать подтверждение собственной догадки со стороны, в спорах и криках, без всякого моего нажима. Публика и впрямь зашумела, и я готов был поклясться, что расслышал, как небритый пробормотал то ли соседу, то ли про себя:

— За Юрашу я червонец хоть сейчас замажу...

Сказал он так на самом деле или мне просто хотелось это услышать, сразу ведь не сообразишь, а

ошибаться нельзя. Поэтому я сделал вид, что ничего не расслышал, швырнул ружье еще дальше и послал завтиром по-мужски, то есть уж совсем далеко. С расчетом послал, чтобы он разозлился, потому что разозлившись да еще лично оскорбленный человек слов своих как бы и не слышит и, во всяком случае, не контролирует их. Ну, получил я, естественно, отпавшую с еще более солидной приправой, но вместе с этой шелухой ясно донеслось до меня и то, чего я уже ждал:

— Да Юрий у меня на спор две гармошки сорвал!

— Это какой Юрка? — переспросил я. — Который в канадке, что ли? Ну так чего ж сравнивать, он ведь мастер спорта.

— Насчет мастера он мне не докладывал, а стреляет классно, — признал завтиром. — А канадка у него имеется, это точно, сам видел.

Тут уж меня не то, что в жар, меня в пот бросило: такое ощущение возникло, что укололся я об иголку в стог сена, и теперь осталось последнее: уцепиться. Не мысль, о которой мне Сорокопут толковал, а убийцу Вовочки, самого Юрия-Милорда в куртке-канадке. Я свой бушлат растегнул, папиросы достал, мужиков угостил и начал им байки про армейскую службу заливать. Почему, спросите? А потому, что нельзя собеседников на своем интересе фиксировать, если хотите до истины докопаться. Не потому, конечно, что люди неискренни, а потому, что вас они не знают, а того, о ком вы расспрашиваете, могут знать, и ваша настырность их скорее насторожит, чем вызовет на откровение. От лишнего кивка голова не отвалится, как моя матушка говорила. Что я им там наплел, я уж и не помню, а только в конце сумел-таки вывести на тему:

— Чтoб так стрелять, каждый день тренироваться надо.

— Это точно, — говорит завтиром: я к нему в основном обращался, к нему да к пьянчуге небритому, что «мазать» всем предлагал. — Только что-то я давно уже Юрашу не вижу.

— Ну, как давно? — спрашиваю совершенно как бы между прочим.

— Да с неделю, пожалуй.

— Вот это он зря.

Сказал я так, а сам думаю: смылся Юраша этот подальше от тира, где его в лицо знают. Мог вообще

Окончание. Начало в №№ 17, 18.

СМЕНА

СМЕНА

Знать, чем живет молодежь, разбираться в волнующих ее проблемах, поднимать свой голос в защиту молодого человека, оказавшегося в нелегкой ситуации,— такую задачу ставит перед собой комсомольский журнал «Смена».

Социологические исследования, экспресс-анализы, анкеты, опросы в молодежных коллективах, студенческих группах, школах и училищах позволят журналу верно ориентироваться в том, что интересно молодежи, быть рядом с молодыми.

Значительно увеличатся объемы прозаических произведений в каждом номере журнала. Редакции уже передали свою новую остросюжетную повесть «Завещание Колумба» братья Вайнеры. Учитывая пожелания молодых читате-

лей, мы опубликуем роман классика современной зарубежной фантастики английского писателя Джона Уиндема «Куколки». Заканчивает работу над новой повестью для «Смены» лауреат Государственной премии СССР Борис Васильев.

Гораздо шире, чем прежде, будет представлена на страницах журнала современная проза лучших наших писателей, в центре которой острые, актуальные, волнующие всех проблемы и заботы времени.

Публикации «Смены» о жизни и творчестве актера и поэта Владимира Высоцкого вызвали активный интерес наших читателей, свидетельствующий о необходимости продолжить начатый разговор. В будущем году мы познако-

мим наших читателей с неопубликованными стихами поэта, воспоминаниями о нем поделаются известные писатели и деятели культуры.

В новой рубрике «Страницы отечественной словесности» выйдут очерки и эссе крупных писателей и поэтов, воссоздающие литературные портреты Игоря Северянина, Андрея Белого, Максимилиана Волошина, Николая Гумилева, Осипа Мандельштама. Здесь же лучшие, ставшие хрестоматийными стихи этих поэтов. Приглашаем вас, дорогие друзья, подписаться на «Смену».

Напоминаем: в розницу журнал будет поступать в ограниченном количестве.

Редакция журнала «СМЕНА»
Издательство «ПРАВДА»